

63.31013 28723

429 Дельбрюк Г.

История военного искусства
в рамках политической истории Т. 2

1937

8-50

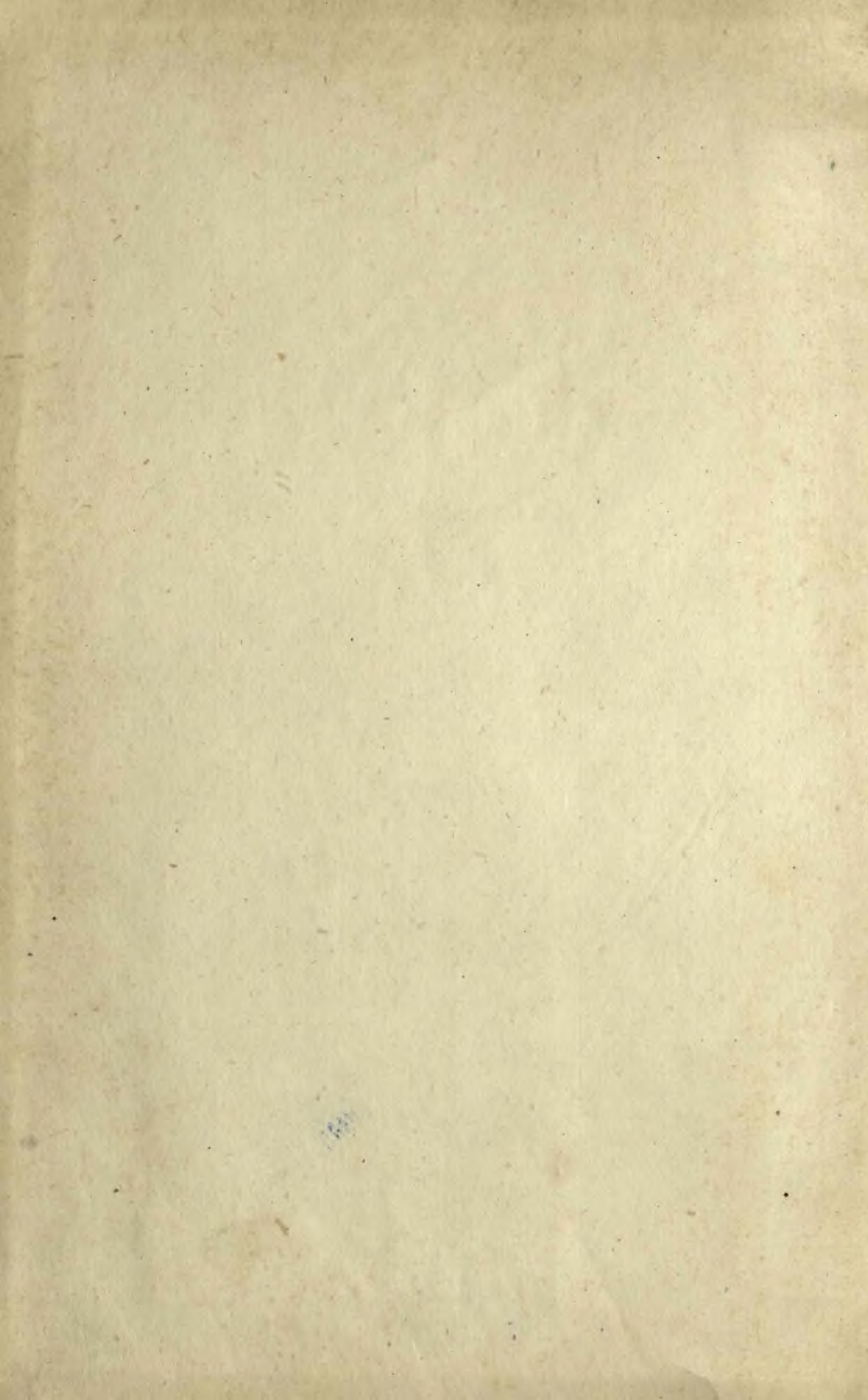
28723

~~28723~~

86 90

1883

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

ZWEITER TEIL
DIE GERMANEN

DRITTE, NEU DURCHGEARBEITETE
UND VERVOLLSTÄNDIGTE AUFLAGE

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1921

Танс Дельбрюк

63.3(0)3
Δ29

~~ОТДЕЛЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ
Министерства ВВСР в Ялесье.~~

~~10/707~~

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ВТОРОЙ
ГЕРМАНЦЫ

ХАССГАТЕ
1942

~~ОТДЕЛЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ
Министерства ВВСР в Ялесье.~~
25/1049/4804

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ ПРОФ. В. АВДИЕВА

№ 2101.

№ 63

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937

Областная библиотека
для детей и юношества
г. Екатеринбург

355(09)

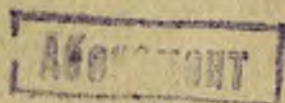
68.3(0)3

28423 аб/модс.ф.

Ганс Дельбрюк

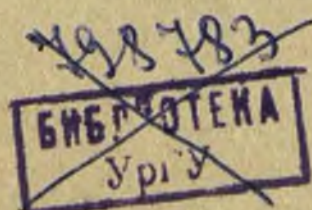
ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ВТОРОЙ
ГЕРМАНЦЫ

*Перевод с немецкого и примечания
проф. В. И. Лядева*

Придерживаясь метода, принятого в I томе для исследования вопросов военного искусства народов античного типа, Г. Дельбрюк во II томе своего труда дает развернутый анализ тех же вопросов в отношении германцев, базируясь при этом на борьбе последних с римлянами и освещая попутно условия, при которых происходил закат военного могущества Римской империи и образование германо-романских государств.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В предисловии к 3-му изданию настоящего труда проф. Г. Дельбрюк следующим образом рекомендует его читателю: «Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирно-исторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов».

В действительности и в малой мере автору не удалось обосновать этот смелый тезис.

Принципиальная историческая позиция автора достаточно известна. От Дельбрюка, продолжателя традиции «немецкой исторической школы», нечего ждать выявления закономерной зависимости форм войны и способов ее ведения от уровня развития производительных сил и характера данного общества.

Как известно, в своей практической работе историк, изучающий сколько-нибудь широкую тему, не сможет изолировать факты от своего мировоззрения. Вместе с тем, самая практика исторического исследования неизбежно подведет историка к попыткам установить причинную связь между изучаемым фактом и рядом явлений в сфере общественной жизни или в области экономики, — явлений, которые в свою очередь представляют собою факты исторического процесса.

Это противоречие между теоретической установкой и результатом практической работы мы часто встречаем у буржуазных ученых. Но в особенно яркой форме эта коллизия выступает в труде Дельбрюка.

Дельбрюк — человек политически активный. Его монархические убеждения декларируются в авторском предисловии к I тому «Истории военного искусства», подтверждаются постоянной апологией императорской власти на страницах II тома и, разумеется, широко развернуты в работах по военной истории нового времени.

Широкий хронологический охват сочинения приводит автора к необходимости хотя бы кратко касаться самых разнообразных вопросов истории римского общества: и экономических, и политических, и, как выражается Дельбрюк, «духовно-нравственных». Наконец, исключительный, так сказать, «профессионально-военный» реализм,

сочетающийся с блестящим владением первоисточниками и склонностью к историческим ассоциациям, постоянно заставляет автора обращаться к темам, далеко выходящим за рамки специально военных интересов. Это ясно и самому Дельбрюку, — иначе его труд не мог бы, как полагает автор, «взрывать установленные всемирно-исторические концепции».

Таким образом, книга Дельбрюка характеризуется прежде всего глубокой внутренней непоследовательностью: с одной стороны, стремлением изолировать историю военного искусства от фактов и факторов политической истории, а с другой — отступлением от этого принципа — попытками связать и объяснить факты военной истории привлечением данных социально-экономической жизни.

Пока Дельбрюк занят разбором чисто военной стороны дела, — скажем, разбором той или иной операции, — он с большим искусством анализирует источники и воссоздает обстановку. Укажем хотя бы на разбор сражения при Адрианополе 378 года.

Традиционные представления о грандиозной численности варварских войск (сотни тысяч) ставятся под законное сомнение анализом Дельбрюка. В самом деле, в новейшей историографии мы встречаем убеждение (на основе свидетельства Евкапия) в том, что численность готского войска равнялась 200 000 чел., из чего, в свою очередь, следует вывод об общей численности готов, принятых на римскую службу, в 1 000 000 чел. (см., например, Ф. И. Успенский, «История Византийской империи», т. 1, стр. 154). Дельбрюк же полагает, что число вооруженных готов равнялось, самое большее, 15 000, исходя из следующих соображений. Император Валент получил сведения о наступлении 10 000-ной армии противника; по мнению Дельбрюка, это сообщение и послужило причиной, побудившей императора дать бой, не дожидаясь соединения с армией императора Грациена: превосходство в силах, казалось, предрешало исход боя в пользу римлян. Правда, источник (Аммиан) добавляет, что эта цифра (10 000) оказалась ошибочной. На этом основании «современные историки», — говорит Дельбрюк, — «решили, что эти 10 000 воинов были не в чем ином, как какой-либо головной частью авангарда, каким-либо его передовым отрядом. Но этого совершенно нет у Аммиана, и такого рода соображение совершенно исключается всем ходом событий (стр. 230). Ошибка римских патрулей, оговоренная Аммианом, по мнению Дельбрюка, «должна была быть ограничена какими-то определенными пределами. Это войско, на которое напал Валент, полагая, что перед ним находится 10 000 чел., не могло на самом деле насчитывать 100 000 или даже 200 000 человек. Таким образом, ясно, что Валент шел на сражение, уверенный в том, что противник... насчитывает приблизительно 10 000 чел. На самом деле он был сильнее, уверяет нас Аммиан, но это «сильнее» ни в каком случае не могло обозначать тройного или хотя бы даже двойного перевеса

сил, так как даже 20 000 человек вместо 10 000 уже являются такой разницей, которую должны были бы заметить римские военачальники во время наступления римского войска» (там же).

Установив, что число готов в сражении при Адрианополе не превышало 12 000, — в крайнем случае 15 000 чел., — Дельбрюк подкрепляет свои соображения, кроме того, следующим доводом: согласно данным Аммиана, римляне при своем наступлении заметили неприятельское круглое укрепление, сделанное из телег... Не устанавливая каких-либо точных границ, все же можно сказать, что такое укрепление, сделанное из телег, может всегда заключать внутри себя лишь очень небольшое войско. Потребовалось бы много дней для того, чтобы составить в один круг десятки тысяч телег, да к тому же это было бы вообще невозможным делом вследствие неровностей почвы. Свои выводы о численности готского войска Дельбрюк подтверждает компетентным разбором условий местности, числом и характером дорог, анализом походного порядка готов в связи с дислокацией римских войск. Эти соображения, наконец, Дельбрюк заканчивает сопоставлением с данными наступления на Адрианополь Дибича в кампании 1829 г.

В настоящем томе наибольший интерес представляют главы, посвященные войнам римлян с германцами в I веке нашей эры. Автором проделана большая работа по изучению маршрута походов, по исследованию этнического состава германцев и по выяснению противоречивых указаний источников. Дельбрюк использует почти все виды источников, — как литературную историческую традицию, так и данные эпиграфики и археологические материалы.

Описывая борьбу римлян с германцами, Дельбрюк пытался сохранить видимость «исторической объективности», отдавая известную дань восхищения римской армии. Однако, прежде всего он руководствуется стремлением показать превосходство германцев и теряет всякое чувство меры, когда превозносит «доблести» германского оружия. Здесь в подчеркнутой форме выступает шовинистический национализм Дельбрюка. Помимо преклонения перед храбростью германцев, Дельбрюк с удовольствием останавливается на всякой возможности отметить «врожденное» стратегическое дарование германской знати. «И если даже мы не можем извлечь тактических выводов из описания этого сражения», — пишет Дельбрюк, — «если военно-политическая связь событий остается для нас неясной, то все же это сражение представляет для нас большой интерес с точки зрения военной истории, так как оно прежде всего снова показывает нам в германском князе природного стратега» (стр. 229—30).

Дельбрюк прекрасно сознает свои преимущества специалиста по военному делу среди историков древности. Он ядовито отмечает недоумение с наивным в вопросах военной истории ученым лингвистом,

предложившим новое толкование текста (фронтика): цифры, относящиеся к длине дороги, уменьшать и отнести к ширине. В результате такого эксцентричного предположения ширина римской военной дороги, проложенной к тому же в условиях боевой обстановки, приближается к измерениям современной автострады.

Но когда речь заходит о вопросах, имеющих не только узко-военное значение, Дельбрюк сам оказывается в положении, аналогичном только что разоблаченному им самим.

Обратимся к одному из основных разделов книги, к главе X — «Упадок и разложение римского военного искусства». Внимание читателя привлекает здесь прежде всего тот парадоксальный тезис, что до конца правления династии Северов—235 г. — Римская империя не переживала упадка.

«Следует только резко подчеркнуть, что здесь ни в коем случае мы не имеем дела с прогрессирующим процессом загнивания... И в хозяйственном отношении Римская империя до этого времени, конечно, еще не клонилась к упадку, как об этом часто до сих пор еще пишут и говорят» (стр. 175 и 176).

Дальше следует идилическая картина «римского мира», упроченного, в частности, тем, что «вместо бессемейных орд рабов на землю все больше и больше садились семьи, которые возвращали детей и тем увеличивали численность населения» (стр. 176).

Таким образом, кризис III века есть совершенно внезапное явление, отнюдь не подготовленное предыдущим процессом. Та относительная стабилизация римской государственности, выражением которой являлся принципат I—II веков, представляется автору «Истории военного искусства» абсолютным процветанием. Великое восстание рабов II—I веков, до н. э. широкий размах крестьянского движения, союзническая война, борьба аристократии и демократии в Риме, борьба императоров с сенатской оппозицией — весь этот комплекс общественных противоречий, который историография определяла термином «эпохи гражданских войн» и который мы называем первым этапом революции рабов, вообще выпадает из работы Дельбрюка. Абстрагируясь от конкретной гражданской истории древности, от истории классовой борьбы, Дельбрюк, естественно, не может и не хочет видеть шаткости того базиса, на котором держалась Римская империя, — системы рабства, давно вступившей в критическую стадию.

Но катастрофа III века, тем не менее, очевидна и для Дельбрюка. Посмотрим, как же он пытается ее объяснить.

Экономика, по его мнению, находится в цветущем состоянии:

«В то время как раньше более или менее крупное значение имели лишь приморские города, теперь выросло много городов, лежащих на реках внутри страны. Поколение за поколением люди строились на сети дорог, которая становилась все гуще и гуще. Громадный адми-

нистративный аппарат, объединявший все государство, функционировал в строгом порядке... Если мы зададим вопрос о духовно-нравственном состоянии римского населения, то, конечно, нельзя будет даже и говорить о каком-либо вырождении... Даже сама гражданская война не обнаруживает в людях ничего старчески дряхлого... Таким образом, во всех этих явлениях мы не должны искать причин падения империи. Цветущая и прогрессивно развивавшаяся хозяйственная жизнь не могла вдруг и на длительное время резко изменить свой облик, дав внезапно совершенно противоположную картину, да и сам характер римского народа не мог сам по себе настолько измениться, чтобы государство распалось. Здесь скорее происходит крупное политическое изменение, которое находит свое яркое выражение в самом мощном орудии политики—в армии» (стр. 176—177).

Следующий абзац открывает основную, по мнению автора, причину кризиса. Это, оказывается, противоречие между наследственным принципом монархической власти и притязаниями и правами полководцев.

«И это внутреннее противоречие никогда не было преодолено и не могло быть преодолено».

Пока удавалось армии и сенату договориться друг с другом и благодаря этому установить твердую власть—все шло хорошо.

«Когда же этого, наконец, не удалось больше сделать, то тем самым наступил кризис, который и привел к окончательному крушению. Основным моментом здесь является перемена, произошедшая в армии» (стр. 177).

То обстоятельство, что Рим не смог полностью романизировать провинции, привело к развитию национальной обособленности армии, составлявшейся к этому времени из населения провинций. И так как вскрытое выше противоречие императорской власти теперь выявило себя, «наступило такое время, когда толчок следовал за толчком. Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат... Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твердое здание римской армии—дисциплину, которая составляла боевую ценность легионов... Но гражданская война, в связи с внезапно развившимся естественным процессом, влекла за собой и хозяйственную катастрофу, которая вовлекла в свой водоворот римское военное дело и в конце концов поглотила его».

Такова картина кризиса в изображении Дельбрюка. Это исключительно яркий пример того, что основоположники марксизма называли «идеологическим мышлением». Исторический процесс приобретает, так сказать, «обратный ход»; в основу процесса кладется производный фактор, а основной фактор понимается как производный, следствие

понимается как причина, а причина становится следствием — естественный результат идеалистического метода исследования.

В самом деле, в основе общего кризиса римского общества лежит, как оказывается, характер государственной власти, и все дело в том, что «римская императорская власть не была похожа на современные династии», — положение, особенно комично звучащее в наши дни!..

Итак, отсутствие наследственного принципа определило разрушение дисциплины в армии (без частой смены императоров армия не разложилась бы), разрушение дисциплины вызвало гражданскую войну, а гражданская война привела к экономической катастрофе.

Но какого же рода была эта катастрофа? Тут мы встречаемся с открытием, неожиданным даже для коллег Дельбрюка по работе в области древней истории: оказывается, хозяйственная катастрофа была обусловлена истощением рудников, что повлекло за собой нехватку благородных металлов (стр. 179). Это — и только это — обстоятельство привело Рим к экономическому краху. Таким образом, даже обращаясь к сфере экономики, Дельбрюк и здесь кладет в основу процесса не первичный фактор — производство, а вторичный — денежное обращение. Он даже вступает в острую полемику с Вебером, Зееком и Домашевским, концепции которых никак не удовлетворяют нашего автора. В этой полемической части он снова настойчиво проводит свою схему:

«И эта неуверенность в своем правовом положении являлась органической ошибкой в природе власти императора, которая сделала невозможным преодоление возникших хозяйственных трудностей (валютный кризис), а также и политических (появление сепаратизма), разложила дисциплину в легионах, вызвала необходимость приема на военную службу варваров и тем самым привела, наконец, империю к гибели».

Последнее звено схемы Дельбрюка раскрывается таким образом: натурализация хозяйства повлекла за собой образование милиционных крестьянских пограничных поселений. При этих условиях, наиболее сильными в тактическом отношении и наиболее мобильными частями армии оказались варварские наемные части.

«Войско римского государства становится германским. Римские легионы в конце концов не были побеждены и преодолены варварами, но были заменены сыновьями Севера».

Вот та система, которая, по мнению автора, «взрывает установленные концепции».

Мы отмечали только что последовательно «обратный» ход рассуждений Дельбрюка: от политической надстройки, кажушейся ему причиной и основой процесса, к экономическому базису. Но дело не только в этой главной ошибке. Схема Дельбрюка не выдерживает критики и в каждом отдельном звене. Почему «неуверенность императо-

ров в своем правовом положении» выявилась только в III веке? Почему эта «органическая ошибка» не решила дела раньше (или позже)? Какие основания дают смелость Дельбрюку утверждать, что государственный аппарат «функционировал в строгом порядке»? Это аппарат, чиновники которого, по выражению римских праждан, «наподобие хищных зверей, не жуют, но глотают свою жертву; они не только грабят, как разбойники, одно имущество, но раздирают жертву и, так сказать, напояются ее кровью» (Сальвиан). Это аппарат, работу которого Энгельс охарактеризовал словами: «Чем больше разлагалась империя, тем выше становились налоги, тем бесстыднее грабили и выжимали чиновники» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Компенсировало ли относительное развитие ряда областей (Галлия, Африка, Британия) в течение II века упадок центральных, ведущих районов? Плиний думал иначе, когда пришел к своей знаменитой формуле: «Латифундии погубили Италию, а также и провинции». Истощение рудников — никак не доказанное предположение. Дельбрюк сам указывает, что мавры эксплуатировали испанские рудники, сомневаясь при этом, идет ли речь о старых или открытых вновь на той же территории.

«Духовно-нравственное состояние» римского общества достаточно характеризуется стоицизмом, распространением мистических учений и т. п.

«Проявления сепаратизма» наблюдаются на всем протяжении римской истории, начиная от эпохи великих завоеваний.

Вся схема Дельбрюка представляет собой голую абстракцию, «профессорскую химеру», ничего общего с реальной римской историей не имеющую. Для Дельбрюка совершенно скрыты основные факторы развития римского общества. Он не понимает (или не хочет понимать), что основу римского хозяйства составляло рабство в его классической форме. Он не понимает (или не хочет понимать), что развитие элементов товарности, достигшее столь высокой степени в эпоху расцвета, было подорвано уничтожением крестьянства, превращенного ростом рабства в люмпенскую массу городов. Он не понимает (и здесь уж, конечно, не хочет понимать), что эксплуатация колонов отнюдь не способствовала увеличению численности населения, что колонат являлся выражением кризиса, попыткой рабовладельца сохранить свое господство и привычные масштабы потребления в новой обстановке, в условиях кризиса, в условиях сокращения рынка. Дельбрюк, конечно, знает, какими красками рисовал Плиний положение своих колонов («истощивших силы», «разоренных»), за 100 лет до наступления кризиса по хронологии и об учреждении (еще императором Нервой, в последние годы I века) алиментарных фондов (субсидий беднякам для воспитания детей), свидетельствующих о катастрофическом положении крестьян-

ства и об убыли населения. Он знает и о массовом бегстве крестьян к границам, к варварам, как знает и о восстаниях «багаубов» (галльских колонов) в эпоху кризиса. И именно это внедрение методов вне-экономического принуждения по отношению к лично-свободному до сих пор населению — закрепощение колонов, наследственное прикрепление к мастерским городских рабочих и ремесленников — вызвало новый подъем революционного движения. На этот раз восстания рабов, колонов и городской массы сливаются в едином потоке. III век начинается второй этап революции рабов, и в течение двух столетий восстания идут непрерывной волной, захлестывая все провинции. Карательные экспедиции едва успевают подавить восстание, как оно снова всплывает с новой силой. Багаубы были разгромлены Максимилианом в конце 80-х годов III века, но термин «багаубство», как и поджоги поместий, мы встречаем до тех пор, пока революционное движение в соединении с варварским завоеванием не уничтожило рабовладельческого общества и государства.

Аналогичные события разворачиваются в Африке и на Балканском полуострове.

Конечно, не от кастового ученого германского университета ждать правильного освещения исторического процесса. Но консервативная тенденциозность изложения и абстрактность метода Дельбрюка выделяются даже среди буржуазных историков.

Это особенно ярко сказывается на изложении событий конца Римской империи. Уже по содержанию I тома читатель мог убедиться, что Дельбрюк дает, в сущности, только историю отдельных сражений. II том — еще показательнее. Дельбрюк абсолютно сбрасывает со счетов основной фактор исторического процесса и, в то же время, основной стратегический фактор войн римлян с германцами — революционное движение. Успех германцев (конечно, дело не в исходе отдельного сражения) был обусловлен не только качеством и составом римской армии, комплектовавшейся из варваров же (впрочем, честно служивших императорскому правительству), и, разумеется, не «врожденными стратегическими талантами» германских вождей (ведь этими талантами в равной мере обладали и состоявшие на римской службе полководцы (варваров), а в огромной степени тем, что население империи считало германцев за своих освободителей. Правда, Дельбрюк мимоходом указывает, что к готам, например, присоединились беглые рабы, — в частности фракийские горнорабочие. Но значения этому обстоятельству он не придает. Между тем, источник (Аммиан Марцеллин) дает замечательный материал к вопросу о стратегии этих войн: «Готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сами сдавшиеся римляне, их земляки или пленники указывали на богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провизанта. Со дня на день присоединялось к ним множество земляков из

тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или же за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по неизвестным местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники» (XXXI, 6. 5—6).

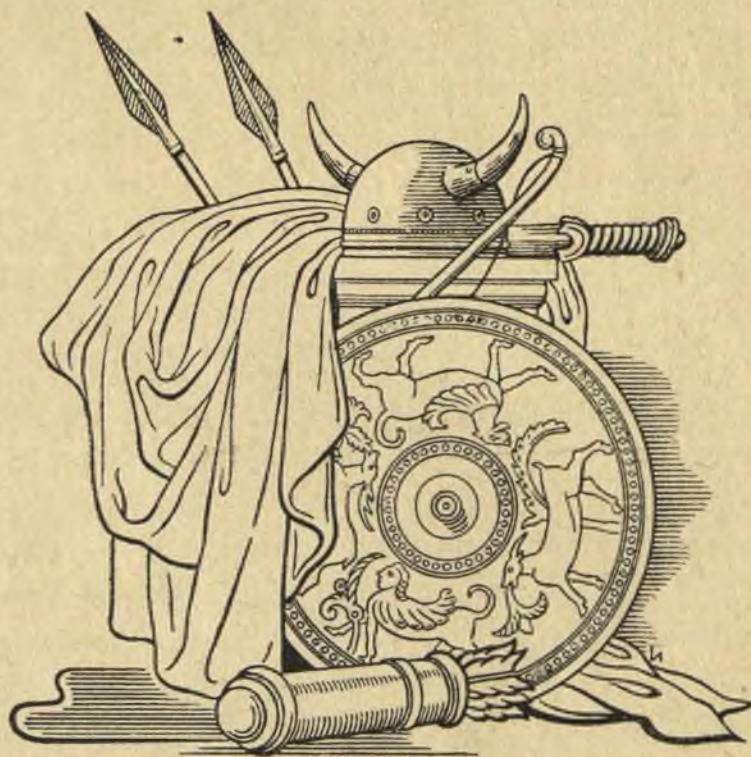
Ту же картину мы видим и на западе: римский плебей испытывает, как рассказывает Сальвиан, единственное желание — уйти от римских законов.

С этим единым фронтом рабов, колонов и варваров римское рабовладельческое общество и государство справиться не могли. Исход борьбы был предрешен.

«Революция рабов, — говорит т. Сталин, — ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» («Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 527. Партиздат, 1934 г.).

Установленные буржуазной наукой всемирно-исторические концепции действительно взорваны. Они взорваны учением основоположников и классиков марксизма, учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Большой материал, собранный Дельбрюком, и данный им разбор исторических фактов заслуживают внимания изучающих историю военного искусства. Однако, при всей эрудиции автора и искусстве его аналитических приемов книга Дельбрюка консервативна даже для современной ему буржуазной исторической науки, ибо принадлежит перу реакционного писателя и историка.

ГЕРМАНЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Это третье издание отличается от второго издания, появившегося в 1909 г., лишь рядом небольших добавлений и исправлений, как, например, в отделе об организации военного дела у вестготов. Моя концепция в общем осталась прежней, и хотя отдельные ее пункты подверглись критике, я все же не нашел достаточных оснований для того, чтобы их видоизменить; напротив, я смог их усилить новыми аргументами. В частности, я здесь имею в виду мое понимание сущности и значения германского клинообразного боевого порядка и мое указание на то, что крепость Ализо находилась на той возвышенности, где ныне стоит собор в Падерборне.

Между тем появился в свет IV и последний том этого моего труда (1920)¹, изложение которого доходит до Наполеона и Клаузевица. И так как один австрийский критик в связи с этим указал на то, что двумя важнейшими фундаментальными положениями этого труда являются сокращение высоких цифр численного состава армий и вскрытие различия между стратегией сокрушения и стратегией измора, то можно было бы, исходя из этого, прийти к тому выводу, что наиболее важными являются I и IV томы. Но мне лично кажется, что наиболее важным является II том. Именно он глубже и сильнее всего взрывает установленные всемирноисторические концепции, разрушая легендарные представления о гибели античного мира и переселении народов. В то же время в нем имеется и положительное построение, в частности — обоснование того тезиса, что союз между Константином и христианской церковью повлек за собой изменение военной организации, а кроме того, — установление сущности ленной системы и рыцарства. В основе этого лежит та полярная противоположность между отдельным бойцом и тактической единицей, которая имеет столь большое значение в военном деле. Разработка этого вопроса является основной частью III тома.

Ганс Дельбрюк.

Грюневальд, 29 июля 1921 г.

¹ Позднее появились еще V, VI и VII томы, но они были обработаны не самим Г. Дельбрюком, а по его поручению Э. Даниельсом, что и отмечено в предисловии последнего к V тому. — *Ред.*

2—История военного искусства. Т. II.

№ 2101.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРЬБА РИМЛЯН С ГЕРМАНЦАМИ

Глава I

Древнейший общественный строй германцев

ЧТОБЫ понять организацию военного дела германцев, необходимо сперва изучить социально-политические условия жизни этого народа.

Германцы, подобно галлам, не знали политического единства. Они распадались на племена, из которых каждое занимало в среднем область с площадью, равной приблизительно 100 кв. милям¹. Пограничные части области не были населены из опасения неприятельского нашествия. Поэтому можно было даже из самых отдаленных поселков достигнуть расположенного в центре области места народного собрания в течение однодневного перехода.

Так как очень большая часть страны была покрыта лесами и болотами и поэтому жители ее лишь в очень незначительной степени занимались земледелием, питаясь, главным образом, молоком, сыром и мясом, то средняя плотность населения не могла превышать 250 человек на 1 кв. милю. Таким образом, племя насчитывало приблизительно 25 000 человек, причем более значительные племена могли достигать 35 000 или даже 40 000 человек. Это дает 6 000—10 000 мужчин, т. е. столько, сколько в самом крайнем случае, учитывая 1 000—2 000 отсутствующих, может охватить человеческий голос и сколько может образовать целостное и способное обсуждать вопросы народное собрание. Это всеобщее народное собрание обладало высшей суверенной (верховой государственной) властью.

¹ Немецкая (географическая) миля равна 7 420 м. — Ред.

Племена распадалась на роды, или сотни. Эти объединения называются родами, так как они были образованы не произвольно, а объединяли людей по естественному признаку кровной связи и единства происхождения. Городов, в которые могла бы отливать часть прироста населения, образовывая там новые связи, еще не было. Каждый оставался в том союзе, внутри которого он родился. Роды назывались также сотнями, ибо в каждом из них насчитывалось около 100 семей или воинов¹. Впрочем эта цифра на практике часто бывала больше, так как германцы употребляли слово «сто, сотня» в смысле вообще большого округленного числа. Цифровое, количественное наименование сохранялось наряду с патриархальным, так как фактическое родство между членами рода было очень далеким. Роды не могли возникнуть в результате того, что первоначально жившие по соседству семьи в течение столетий образовали крупные роды. Скорее следует считать, что слишком разросшиеся роды должны были разделиться на несколько частей для того, чтобы прокормиться на том месте, где они жили. Таким образом, определенный размер, определенная величина, определенное количество, равное приблизительно 100, являлись образующим элементом объединения наряду с происхождением. И то и другое давало свое название этому союзу. Род и сотня тождественны.

Род (или сотня), в состав которого входили, как мы можем предположить, от 400 до 1 000, а иногда, может быть, и до 2 000 человек, владел округом с площадью, равной одной или несколькими кв. милям, и населял деревню. Германцы строили свои хижины не стена к стене, не фасадом к фасаду, а так, как они это находили удобным, в зависимости от места расположения леса или ручья. Но в то же время это не были и отдельные хутора, подобно тем, которые теперь преобладают во многих частях Вестфалии. Это были скорее общие поселки с отдельно стоящими и широко разбросанными постройками. Земледелие, которым, главным образом, занимались женщины и те из мужчин, которые не годились для охоты и для войны, имело очень незначительное распространение. Чтобы иметь возможность обрабатывать нетронутую и плодородную почву, германцы часто переносили свои поселки с одного места на другое внутри своего округа. Даже в более поздние времена германское право относилось к недвижимости, а к движимому имуществу. Хотя, как мы это уже видели выше, на 250 человек населения приходилась в среднем 1 кв. миля площади, а на одну деревню с населением в 750 человек² приблизительно 3 кв. мили, тем не менее не было никакой возможности использовать очень много пахотной земли иначе, как посредством этих переносов. Германцы не были уже кочевниками, но все же они были очень слабо связаны с землей и с почвой.

¹ Согласно Цезарю (VI, 21), германцы не вступали в брак ранее 20 лет. Но они не могли обзаводиться семьями и значительно позднее этого возраста, так как в таком случае невозможно было бы полностью соблюдать существовавший у них строгий обычай целомудрия. В общине, состоявшей из 100 семей, из ста мужчин, стоявших во главе семей, выпадали, таким образом, в качестве воинов старики, инвалиды, больные и те, которые случайно не могли выступить в поход. Но это количество приблизительно уравнивалось совсем молодыми людьми в возрасте от 14 до 20 лет, которые вступали в ряды воинов.

² Предположение, что германская деревня насчитывала приблизительно 750 душ населения, было недавно поразительным образом подтверждено результатами археологического исследования. Кикебуш в своей диссертации «Влияние

Члены рода, являвшиеся в то же время соседями по деревне, образовывали во время войны одну общую группу, одну орду. Поэтому еще теперь на севере называют военный корпус «thogr», а в Швейцарии говорят «деревня» — вместо «отряд», «dorf» — вместо «созывать собрание», да и теперешнее немецкое слово «войско», «отряд» (Truppe) происходит от этого же самого корня. Перенесенное франками к романским народам, а от них вернувшееся в Германию, оно до сих пор хранит воспоминание об общественном строе наших предков, уходящем в такие древние времена, о которых не свидетельствует ни один письменный источник. Орда, которая шла вместе на войну и которая вместе селилась, была одной и той же ордой. Поэтому из одного и того же слова образовались названия поселения, деревни и солдат, войсковой части¹.

Таким образом, древнегерманская община является: деревней — по типу поселения, округом — по месту расселения, сотней — по своим размерам и родом — по своим внутренним связям. Земля и недра не составляют частной собственности, а принадлежат совокупности этой строго замкнутой общины. Согласно более позднему выражению, она образует областное товарищество (Markgenossenschaft).

Римляне не имели в своем языке соответствующих слов, которые могли бы целиком выразить все эти понятия, поэтому они были принуждены прибегать к описательным оборотам. Латинское слово «род» (gens), которое ближе всего подошло бы для этой цели, уже превратилось в почти лишенную всякого содержания форму и потому не могло вызвать в римлянах никакого представления. Поэтому германские роды Цезарь называет «роды и родственные союзы людей, совместно обрабатывающих землю», для того чтобы выразить мысль, что в этих поселениях имеется налицо подлинная кровная связь. Тацит говорит, что «семьи и близкие родственники» стояли в поле всегда рядом и что «совокупности» (universi) совместно владели пахотной землей. Равным образом и Павел Диакон еще ясно чувствовал, что это явление германской жизни не может быть точно передано никаким латинским словом. Поэтому он сохранил германское слово «faga» (род, того же корня, что латинский глагол «ragio», «ререги» — рождаю) в своей книге, написанной по-латински, причем он прибавил к нему три латинских перевода: «роды», «линии родства», «фамилии» (generationes, lineas, prosapias)². Также трудно было перевести и германское слово «деревня». Римская деревня была маленькой и замкнутой, построенной наподобие города. Поэтому, для того чтобы дать представление о более разбросанных и более обширных германских поселениях, занимающих большую территорию, Тацит называл их «деревни и сельские округа».

римской культуры на германскую в свете изучения курганных погребений Нижнего Рейна» (Alb. Kieckbusch, «Der Einfluss der römischen Kultur auf die germanische im Spiegel der Hügelgräber des Niederrheins», Berlin 1908) полагает численность населения деревни Дарцау по крайней мере в 800 человек, исходя из размеров погребального поля, на котором местные жители хоронили свои погребальные урны. Однако, против этого возражал Кауфман (Kaufmann, «Zeitschrift für deutsche Philologie», 1908, S. 456).

¹ Ср. Braune, «Zeitschrift für romanische Philologie», XXII, S. 212.

² «Он не согласится (принять власть), если ему не позволят выбрать себе фараулангобардов, т. е. роды или линии родства. И это было сделано; король согласился и разрешил, чтобы он получил важнейшие роды лангобардов и чтобы они при нем находились». Павел Диакон, II, 9.

Во главе каждой общины стоял избираемый чиновник, который носил название «альдерман» (старейшина), или «хунно», подобно тому как община называлась либо «родом», либо «сотней». Ульфила называет евангельского сотника (центуриона) «хундафат». У англо-саксов мы встречаем аналогичный термин «эльдермен», а в Норвегии — «Hegredsöpnige», «Herser». В Германии слово «хунно» сохранялось в течение всех Средних веков в названиях «хунне», «хун», «хундт», обозначающих сельского старосту. Это слово существует еще и поныне в Семиградье в своей современной форме «хон».

Альдерманы, или хунни, являются начальниками и руководителями общин во время мира и предводителями мужчин во время войны. Но они живут с народом и в народе. В социальном отношении они такие же свободные члены общины, как и все другие. Их авторитет не настолько высок, чтобы сохранить мир при крупных распрях или тяжелых преступлениях. Их положение не настолько высоко, а их кругозор не настолько широк, чтобы руководить политикой. В каждом племени были один или несколько благородных родов, стоявших высоко над свободными членами общины, которые, возвышаясь над массой населения, образовывали особое сословие и вели свое происхождение от богов. Из их среды общее народное собрание выбирало нескольких «князей», «первейших», «principes», которые должны были ездить по округам («по деревням и селам»), чтобы творить суд, вести переговоры с иноземными государствами, совместно обсуждать общественные дела, привлекая к этому обсуждению также и хунни, для того чтобы затем вносить свои предложения на народных собраниях. Во время войны один из этих князей в качестве герцога обладал верховным командованием.

В княжеских родах, — благодаря их участию в военной добыче, дани, подаркам, военнопленным, которые им отбывали барщину, и выгодным бракам с богатыми семьями, — сосредоточились крупные, с точки зрения германцев, богатства¹. Эти богатства дали возможность князьям окружить себя свитой, состоящей из свободных людей, храбрейших воинов, которые поклялись в верности своему господину на жизнь и на смерть и которые жили вместе с ним в качестве его сограждан, обеспечивая ему «во время мира пышность, а во время войны защиту». И там, где выступал князь, там его свита усиливала авторитетность и значение его слов.

Конечно, не было такого закона, который категорически и положительно требовал бы, чтобы в князья выбирался лишь отпрыск одного из благородных семейств. Но фактически эти семьи настолько отделились от массы населения, что не так-то легко было человеку из

¹ Утверждение Цезаря (b. Gall., VI, 22), что у германцев самый могущественный человек имеет имущества не более всякого другого, не следует понимать в буквальном смысле. Эти слова являются лишь риторическим преувеличением того впечатления, которое должен был произвести на римского слушателя рассказ об аграрном коммунизме. Князья, которые держали при себе дружину, кормили ее и снабжали дорогостоящим оружием, должны были владеть крупным имуществом. Поэтому такие люди, как Ариовист или Арминий и его брат Флавий, которые выступали в Риме в качестве знатных людей, должны были, конечно, обладать некоторым богатством. Но в глазах знатных римлян они все же были не чем иным, как простыми рядовыми германцами; к тому же аграрный коммунизм давал германцам такую сильную хозяйственную опору, что Цезарь свободно смог вставить в свое описание эту риторическую фразу, которая не дает нам никаких оснований для того, чтобы истолковать ее в буквальном и прямом смысле и сделать из нее какие-либо дальнейшие выводы.

народа перешагнуть эту черту и вступить в круг благородных семейств. И с какой стати община выбрала бы в князья человека из толпы, который ничем не возвышался бы над всяким другим? Все же нередко случалось, что те хунни, в семьях которых в течение нескольких поколений эта должность сохранялась и которые благодаря этому достигли особого почета, а также и благосостояния, вступали в круг князей. Именно так шел процесс образования княжеских семейств. И то естественное преимущество, которое имели при выборах чиновников сыновья отличившихся отцов, постепенно создало привычку выбирать на место умершего — при условии соответствующей квалификации — его сына. А преимущества, связанные с положением, настолько возвышали такую семью над общим уровнем массы, что остальным становилось все труднее и труднее с нею конкурировать. Если мы теперь в общественной жизни ощущаем более слабое действие этого социально-психологического процесса, то это объясняется тем, что другие силы оказывают значительное противодействие такому естественному образованию сословий. Но нет никакого сомнения в том, что в древней Германии из первоначально выбираемого чиновничества постепенно образовалось наследственное сословие. В покоренной Британии из древних князей появились короли, а из эльдерменов — эрли (графы). Но в ту эпоху, о которой мы сейчас говорим, этот процесс еще не закончился. Хотя княжеское сословие уже отделилось от массы населения, образовав класс, хунни все еще принадлежат к массе населения и вообще на континенте не обособились еще в качестве отдельного сословия.

Собрание германских князей и хунни называлось римлянами сенатом германских племен. Сыновья самых благородных семей облакались уже в ранней молодости княжеским достоинством и привлекались к совещаниям сената. В остальных случаях свита была школой для тех из юношей, которые пытались вырваться из круга свободных членов общины, стремясь к более высокому положению.

Правление князей переходит в королевскую власть, когда имеется налицо лишь один князь или когда один из них отстраняет или покоряет других. Основа и сущность государственного строя от этого еще не изменяются, так как высшей и решающей инстанцией все еще, как прежде, остается общее собрание воинов. Княжеская и королевская власть еще принципиально так мало друг от друга отличаются, что римляне иногда применяют титул короля даже там, где имеются налицо даже не один, а два князя¹. И королевская власть, так же как и княжеская, не передается по одному лишь наследству от одного ее носителя к другому, но народ облакает этим достоинством имеющего наибольшие на это права посредством выборов или называя его имя криками (*rag acclamation, durch Zuruf*). Физически или умственно неспособный для этого дела наследник мог быть и был бы при этом обойденным. Но хотя, таким образом, королевская и княжеская власть прежде всего отличались друг от друга лишь в количественном отношении, все же, конечно, имело громадное значение то обстоятельство, находилось ли начальство и руководство в руках одного или нескольких. И в этом, несомненно, скрывалось очень большое различие. При наличии королевской власти была совершенно устранена возможность противоречия, возможность предлагать народному со-

¹ Тацит, «Анналы», 13, 54.

бранию различные планы и делать различные предложения. Суверенная власть народного собрания все больше и больше превращается в одни лишь восклицания. Но это одобрение восклицанием остается необходимым и для короля. Германец сохранил и при короле гордость и дух независимости свободного человека. «Они были королями, — говорит Тацит (13, 54), — насколько вообще германцы позволяли собою править».

Связь между округом-общиной и государством была довольно свободной. Могло случиться, что округ, меняя место своего поселения и перемещаясь все дальше и дальше, мог постепенно отделиться от того государства, к которому он ранее принадлежал. Посещение общих народных собраний становилось все более и более затруднительным и редким. Интересы уже изменились. Округ находился лишь в своего рода союзных отношениях с государством и образовал со временем, когда род количественно возрастал, свое особое государство. Прежняя семья хунно превращалась в княжескую семью. Или же случалось так, что при распределении между различными князьями судебных округов князья организовывали свои округа в качестве отдельных единиц, которые они крепко держали в своих руках, постепенно образуя королевство, и затем отделялись от государства. На это нет прямых указаний в источниках, но это отражается в неопределенности сохранившейся терминологии. Херуски и хатты, которые являются племенами в смысле государства (*civitates*), владеют настолько широкими территориями, что мы скорее должны видеть в них союз государств. Относительно многих племенных названий можно сомневаться, не являются ли они простыми названиями округов. И опять слово «округ» (*pagus*) может применяться часто не к сотне, но к княжескому округу, который охватывал несколько сотен. Наиболее крепкие внутренние связи находим мы в сотне, в роде, который вел внутри себя полукоммунистический образ жизни и который не так легко распадался под влиянием внутренних или внешних причин.

Моя концепция социально-политического строя германцев, которая существенно отличается от господствующих взглядов, мною впервые изложена и подробно обоснована в 81-м томе «Прусского ежегодника» (3-й вып., 1895 г.). Я приведу здесь еще раз наиболее существенные моменты моей аргументации.

Решающим пунктом является тождество между родом и сотней.

То, что сотня является округом, по моему мнению, уже достаточно хорошо доказано Вайцем. Новейшие исследователи—Зибель, Зикель, Эрхардт, Бруннер, Шредер—приняли вместо этого за округ область, в состав которой входило не менее 2 000 воинов. Однако, такое положение нельзя доказать. Слово «округ» (*pagus*), о котором прежде всего здесь идет речь, является в римском смысле вообще территориальным округом, подразделением какой-либо страны или местности неопределенных размеров. Цезарь делит гельветов на четыре «округа». Ясно, что эти округа не только не могли быть сотнями, но даже должны были быть значительно больше тысячи. Поэтому мы должны признать число гельветов настолько возросшим, что они уже не могли управляться одним общим народным собранием и распались на четыре обособленные единицы, которые объединялись вместе посредством союзных установлений. Так как эти четыре единицы во внешних сношениях всегда выступали в качестве единого целого, то римлянин и назвал государства гельветов простыми округами. Для разрешения нашего вопроса эти виды округов совершенно исключаются, так же как и «округа» Средних веков, которые приблизительно соответствовали древним племенам.

Максимальной величиной, которую можно принять для древнегерманских округов, является тысяча. О ней можно было говорить до тех пор, пока не было точных представлений о численности и плотности населения германского племени. Если же правильно то, что при тех культурных и экономических условиях, в которых находилась древняя Германия, на одной кв. миле не могло жить, в среднем, больше, чем приблизительно 250 человек, то тем самым отпадает и тысяча. Конечно, мы можем себе представить, что племя, имевшее трех или четырех князей, определяло каждому из них в качестве судебного округ, насчитывавший приблизительно 1200—2000 воинов, причем вполне возможно, что даже такой округ порой назывался «*ragus*»¹. Но если мы уясним себе существо сотни и характер ее поселения, то уже не сможем сомневаться в том, что римляне, когда они говорили о германских округах, преимущественно имели в виду сотни. И так как саксы даже в позднее Средневековье употребляли для этой же цели слово «*go*», то мы с полным правом можем применить это же слово в техническом его смысле для обозначения сотен уже в глубокой древности, не отрицая в то же время возможности того, что германцы могли его употреблять в таком же общем смысле, в каком мы теперь употребляем слово «округ».

Мы подходим, таким образом, к сотне. Новейшая гипотеза Бруннера, к которой присоединился и Рихард Шредер, гласит, что сотня являлась персональным союзом, войсковой частью, находившейся под начальством вождя, которая хотя и не всегда точно соответствовала цифре 100, потому что роды должны были всегда, сохраняя свое единство, находиться вместе, однако же время от времени из военных соображений подвергалась регулированию своего численного состава.

Эта гипотеза вызывает против себя следующие возражения. Твердо установлено, что германцы шли на войну, сгруппированные по родам. Но нет никаких оснований предполагать, что эти роды были искусственно сформированы в сотни. Город-государство, подобно Риму, должен был искусственно разделить своих воинов на центурии (сотни) ради поддержания порядка, так как уже не существовало подходящих естественных союзов. Роды же ни при каких обстоятельствах не могли быть столь малочисленны. И если бы роды все же были слишком малы, то деревни во всяком случае дали бы германцам прекрасное основание для подразделения их войска; поэтому совершенно непонятно, почему в течение долгого времени и повсеместно среди всех германцев на протяжении многих столетий должен был укрепляться и окончательно утвердиться искусственный способ персонального деления на сотни.

И это тем более невероятно, что, как мы уже видели, предводителем такого отряда являлся хунно, бывший чиновником, который всегда выступал в этой роли и который, очевидно, был искони существовавшим и собственно предназначенным для этой цели предводителем этой маленькой части. Как могло бы это быть, если бы он стоял во главе менявшегося обычно персонального объединения, если бы сотня не была как раз чрезвычайно прочным и длительным союзом и если бы в этом союзе собственно корпоративная жизнь не пульсировала в нем самом, а пульсировала бы лишь в его подразделениях, в родах?

Наконец—самое решающее соображение: невозможно себе представить, что несколько родов образовывали вместе одну сотню, так как род был для этого слишком велик. Дион Кассий (кн. 71, гл. II) сообщает нам, что германцы заключили мир с Марком Аврелием частично в качестве родов, а частью в качестве племен.

¹ В этом отношении Рахфаль прав, говоря («*Jahrbuch für National-Ökonomie*», Bd. 74, S. 170, Anm.), что я, высказываясь в пользу сотенного округа, все же снова ввожу окольным путем в историю германского права тысячный округ. Ничто не мешает нам принять, что римляне употребляли слово «*ragus*» (округ) не всегда совершенно точно в одном и том же техническом смысле,—совершенно так же, как это делаем мы по отношению к слову «округ» (*Bezirk*).

Эти роды никак не могли быть маленькими корпорациями, состоявшими из 10—20 семей. Об этом же самом говорит цитированный нами выше рассказ, приведенный Павлом Диаконом (II, 9). Но если мы будем принуждены представить себе, что роды являлись союзами, состоявшими из 100, а часто и из нескольких сотен воинов, то отсюда само собой будет вытекать, что опять-таки и сотня не могла быть подразделением рода, а что род и сотня были тождественны. Именно этим и только этим объясняется постоянное и длительно существовавшее положение хунно у всех германских народов в качестве начальника рода, или альдермана.

К тому же самому выводу мы приходим, исходя из хозяйственных отношений. Твердо установлено, что именно роды совместно владели землями и раздавали пахотные участки отдельным лицам, причем отсюда не вытекала частная собственность. Помимо приведенных выше свидетельств Диона Кассия и Павла Диакона, совершенно ясно, что в одной деревне не могло жить одновременно несколько родов, ибо это привело бы к установлению не только излишней, но и совершенно невыносимой посредствующей инстанции между отдельной семьей и деревней. Даже еще в более поздние времена¹ деревни в источниках называются «родословиями»; «триба» в древнем верхненемецком переводится через «хунни», а «принадлежащие к одной трибе члены трибы» — словом «хунилунга»², что означает «родственники», «члены рода», «родичи». У англо-саксов слово «мегд» (род) имеет значение территории, провинции, роины. Таким образом, род и деревня были тождественны, причем не исключается возможность того, что подчас многие из них состояли из довольно далеко отстоящих друг от друга поселений. Но и это на практике случалось редко, так как в интересах взаимной помощи поселки не должны были быть слишком маленькими, причем политически во всяком случае существовал лишь один союз, а именно тот, который смотрел на себя как на господина всей земельной территории и который ее распределял между отдельными лицами.

Этот союз или эта деревня должны были иметь для своего хозяйственного управления начальника, который был значительной и авторитетной личностью, так как общинная пашня, луга, лес, выгон и охрана стад, посев и жатва, пожарная опасность и взаимная помощь, будучи объектами его деятельности, непрерывно требовали ее проявления. Не только ничем и нигде не доказано, что существовал чиновник, подчиненный хунно, но и без того совершенно ясно, что начальник деревни, которая одновременно являлась и родом, был слишком значительной личностью, чтобы иметь близко над собой власть хунно, который к тому же не так уже высоко стоял на социальной лестнице. Старейшина рода и начальник деревни неизбежно вытеснили бы должность хунно. Оба стояли бы слишком близко друг к другу, чтобы терпеть один другого близ себя. К тому же совершенно ясно, что хунно был бы слабейшим. Таким образом, это деление является невозможным. Военачальник, иногда имевший под своим начальством несколько деревень или родов, мог существовать, но власть хунно, которая в качестве общегерманского установления утвердила себя на протяжении многих столетий и которая постоянно снова появлялась, была далеко не временным явлением и должна была стоять в тесной зависимости от очень прочной корпорации. Поэтому хунно ни в каком случае не мог стоять наряду с начальником деревни или старейшиной рода, имевшим в своих руках хозяйственное руководство союзом, а как раз им-то и являлся. Тождество должностных лиц указывает на тождество корпораций: род совпадает с деревней, а деревня с сотней.

¹ Еще при Людвиге Немецком. См. Рюбель, «Франки и их поселения», стр. 228 (Rübel, «Die Franken und ihre Ansiedelungen»).

² См. Müllenhoff, «Germania», S. 202.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Теперь уже всеми признано, что указания римлян относительно численности населения Германии, которые еще совсем недавно доверчиво повторялись, не имеют никакой цены. Насколько трудно определять количество населения, совершенно освободившись от какого-либо тенденциозного преувеличения, ясно показывают нам описания тех стран, которые только теперь вступили в круг зрения культурного мира.

В области Урунди Стэнли определил плотность населения в 75 человек на 1 км², позднее Бауманн определил ее лишь в 7 человек. Реклю считал возможным принять для Уганды плотность населения в 5 000 человек на 1 кв. милю (что гораздо больше, чем во Франции), Ратцель снизил эти 5 000 до 670, а Яннаш однажды сказал, что ему, несмотря на все его старания, никак не удалось установить более или менее надежную цифру количества населения какой-либо африканской области. И если Фиркандт, несмотря на это, исчисляет плотность населения различных областей восточной части Центральной Африки от 0,85 до 6,5 человека на 1 км², а в среднем для области с площадью в 5 010 000 км² устанавливает плотность населения 4,74 человека на 1 км² (приблизительно 250 на 1 кв. милю), то ему удастся сделать это лишь при помощи многочисленных взаимно контролирующих данных и действительно надежных подсчетов¹. Каким же образом можем мы, хотя бы с некоторой степенью точности, вычислить количество населения древней Германии, если у нас нет ни одной действительно надежной цифры, на которую мы могли бы с уверенностью положиться?

И все же это возможно, так как теперь мы можем пользоваться такими масштабами, о которых несколько десятков лет тому назад мы не имели даже приблизительного представления. Я имею в виду способ определения плотности населения, исходя из продовольственной продукции в различных странах при различных культурных условиях. Этот способ дает,— правда, не всегда, но все же во многих случаях,— очень твердые опорные точки. Он дает нам возможность утверждать, что в древней Германии было очень редкое население, так как германцы в те времена еще не имели городов, мало занимались земледелием, питались, главным образом, молоком, сыром и мясом, продуктами охоты и рыболовства и жили в стране, которая в своей большей части была покрыта лесами и болотами.

Аридт некогда определил плотность населения древней Германии в 800—1 000 жителей на 1 км², исходя, однако, из того, что рассказы римлян о незначительном земледелии германцев были неправильны. Теперь же все ученые признали, что описания германского земледелия у Цезаря и Тацита правильны. Поэтому мы должны отдать долг справедливости прекрасной наблюдательности знаменитого писателя древности, отвергая, однако, его вывод о значительной плотности населения и о наличии больших народных масс, о которых так любят рассказывать римляне. Основываясь на сравнении с вычислениями Белоха относительно Галлии, я определил в уже цитированной мною статье в «Прусском ежегоднике» плотность населения в 4—5 человек на 1 км² (250 на 1 кв. милю). Принцип определения с того времени несколько изменился, так как я теперь потерял веру в те указания Цезаря относительно гельветов, из которых исходил Белох. Однако, само определение плотности населения следует сохранить неизменным.

Сравнительные цифры, из которых следует исходить для того, чтобы прежде всего установить приблизительную опорную точку, теперь уже прекрасно сопоставлены у Шмоллера в его «Основах всеобщего учения о народном хозяйстве» (Политическая экономия, т. I, стр. 158 и след.). Шмоллер устанавливает здесь для Германии к началу нашей эры 5—6 человек на 1 км²; в другом месте (стр. 169)

¹ Все это по Vierkandt, «Die Volksdichte im westlichen Zentral-Afrika».

он пишет, что мое определение в 25 000 человек на племя (4—5 на 1 км²) кажется ему скорее преувеличенным, нежели преуменьшенным. Однако, это не является коренным противоречием, так как здесь может идти речь лишь о весьма приблизительных определениях. Жило ли 4 или 6 человек на 1 км², общее число германцев, живших в древности между Рейном и Эльбой, не могло превысить приблизительно одного миллиона. Эту цифру мы можем определить точнее, принимая во внимание площадь расселения и организацию отдельных племен.

Мы достаточно хорошо знаем географию древней Германии для того, чтобы довольно точно установить, что на пространстве между Рейном, Северным морем, Эльбой и линией, проведенной от Майна у Ханау до впадения Заала в Эльбу, жили приблизительно 23 племени, а именно: два племени фризов, канинефаты, батавы, хамавы, амсивары, ангривары, тубанты, два племени хавков, усипеты, тенхтеры, два племени бруктеров, марсы, хасуарии, дульгибины, лангобарды, херуски, хатты, хаттуарии, иннерионы, интверги, калуконы¹. Вся эта область занимает около 2 300 км², так что в среднем на каждое племя приходилось приблизительно около 100 км². Верховная власть у каждого из этих племен принадлежала общему народному собранию или собранию воинов. Так было и в Афинах, и в Риме, однако, промышленное население этих культурных государств лишь в очень незначительной своей части посещало народные собрания. Что же касается германцев, то мы действительно можем признать, что очень часто почти все воины бывали на собраниях. Именно поэтому государства были сравнительно небольшими, так как при более чем однодневном расстоянии самых дальних деревень от центрального пункта подлинные всеобщие собрания стали бы уже невозможными. Этому требованию соответствует площадь, равная приблизительно 100 кв. милям. Равным образом вести более или менее в порядке собрание можно лишь при максимальном количестве в 6 000—8 000 человек. Если эта цифра была максимальной, то средней цифрой была цифра немного более 5 000, что дает 25 000 человек на племя, или 250 на 1 кв. милю (4—5 на 1 км²). Следует отметить, что это является прежде всего максимальной цифрой, верхней границей. Но сильно понижать эту цифру нельзя из других соображений—из соображений военного характера. Военная деятельность древних германцев против мировой римской державы и ее испытанных в боях легионов была настолько значительной, что она заставляет предполагать определенное количество населения. А цифра в 5 000 воинов на каждое племя кажется по сравнению с этой деятельностью настолько незначительной, что, пожалуй, никто не будет склонен эту цифру еще уменьшить.

Таким образом,—несмотря на полное отсутствие положительных сведений, которые мы могли бы использовать,—мы все же находимся в состоянии с достаточной уверенностью установить положительные цифры. Условия настолько просты, а хозяйственные, военные, географические и политические факторы настолько тесно между собой переплетены, что мы теперь, пользуясь твердо установленными методами научного исследования, можем восполнить пробелы в дошедших до нас

¹ См. подробности по этому вопросу, а также о фозах, сугамбрах, дандутах, тексуандриях, марсаках и стурях в «Preuss. Jahrb.», Bd. 81, S. 478, а также у Much, «Deutsche Stammsitze». Против этого перечня можно было бы возразить, что хотя эти названия и засвидетельствованы в источниках и в общем могут быть довольно точно размещены в территориальном отношении, все же некоторые из этих названий могли обозначать не отдельные племена, а простые округа или роды. Конечно, часто и легко могло случаться, что отдельные роды, сильно разросшись, отделялись от своего прежнего племени и образовывали свое собственное новое племя. Но если признать на этом основании некоторые названия недостоверными и, вычеркнув их из этого списка, принять поэтому среднюю величину области расселения одного племени в 120 км², то это еще не изменит нашего вывода,—в особенности потому, что можно таким же образом произвести и противоположный расчет, приняв некоторые из перечисленных племен за союзные государства.

сведениях и лучше определить численность германцев, чем римляне, которые их имели перед своими глазами и ежедневно с ними общались.

Зеринг указывает, что в сельских округах к востоку от Эльбы плотность населения доходила до 4 человек на 1 км².

КНЯЗЬЯ И ХУННИ

То, что германские должностные лица распадались на две различные группы, вытекает как из природы вещей, политической организации и расчленения племени, так и непосредственно из прямых указаний источников.

Цезарь (b. G. IV, 13) рассказывает, что к нему пришли «князья и старейшие» усипетов и тенхтеров. Говоря об убиях (VI, 11), он упоминает не только об их князьях, но и об их сенате и рассказывает о том, что сенат нервиев, которые хотя и не были германцами, однако, по своему общественному и государственному строю были к ним очень близки, состоял из 600 членов. Хотя мы здесь и имеем несколько преувеличенную цифру, все же ясно, что римляне могли применить название «сенат» лишь к довольно большому совещательному собранию. Это не могло быть собранием одних лишь князей, это было более широким собранием. Следовательно, у германцев был помимо князей еще другой вид органов общественной власти.

Говоря о землепользовании германцев, Цезарь не только упоминает (VI, 22) о князьях, но указывает также на то, что «должностные лица и князья» распределяли пашни. Прибавку «должностные лица» нельзя считать простым плеоназмом: такому пониманию противоречил бы сжатый стиль Цезаря. Было бы очень странно, если бы Цезарь ради одного лишь многословия прибавлял дополнительные слова именно к совсем простому по своему смыслу понятию «князья».

Эти две категории должностных лиц выступают у Тацита не так ясно, как у Цезаря. Как раз в отношении понятия «сотни» Тацит допустил роковую ошибку, которая доставила ученым впоследствии много хлопот. Но и из Тацита мы все же можем извлечь с уверенностью тот же факт. Если бы у германцев была лишь одна категория должностных лиц, то эта категория должна была бы во всяком случае быть весьма многочисленной. Но мы постоянно читаем о том, что в каждом племени отдельные семьи настолько возвышались над массой населения, что другие не могли с ними сравниться, и что эти отдельные семьи определенно называются «королевским родом» (Тацит, «Анналы», II, 16; «История», 4, 13). Современные ученые единогласно установили, что у древних германцев не было мелкого дворянства. Дворянство (*nobilitas*), о котором постоянно идет речь, было княжеским дворянством. Эти семьи возводили свой род к богам¹, а «царей из дворянства брали» («Германия», гл. 7). Херуски выпрашивают себе у императора Клавдия племянника Арминия как единственного члена царского рода, оставшегося в живых («Анналы», II, 16). В северных государствах не было никакого другого дворянства, помимо царских родов.

Такая резкая дифференциация между дворянскими родами и народом была бы невозможной, если бы на каждую сотню приходился дворянский род. Для объяснения этого факта, однако, недостаточно признать, что среди этих многочисленных семей вождей некоторые достигли особого почета. Если бы все дело сводилось лишь к такому различию в ранге, то на место вымерших семей, несомненно, выдвинулись бы другие семьи. И тогда название «королевский род» присваивалось бы не только немногим родам, а, наоборот, число их было бы уже не столь малым. Конечно, различие не было абсолютным, и здесь не было непроходимой пропасти. Старая хунно-семья могла порой проникнуть в среду князей. Но все же это различие было не только ранговое, но и чисто специфическое: княжеские семьи образовывали дворянство, в котором значение должности сильно отступало на

¹ Müllenhoff, «Die Germania», S. 183.

задний план, а хунни принадлежали к свободным членам общины, причем их звание в значительной степени зависело от должности, которая все же могла приобретать в некоторой степени наследственный характер. Итак, то, что Тацит рассказывает о германских княжеских семьях, указывает, что их число было весьма ограничено, а ограниченность этого числа в свою очередь указывает на то, что ниже князей находился еще разряд низших должностных лиц.

И с военной точки зрения было необходимо, чтобы крупная воинская часть распадалась на более мелкие подразделения, с числом людей не свыше 200—300 человек, которые должны были находиться под начальством особых командиров. Германский контингент, состоявший из 5 000 воинов, должен был иметь по крайней мере 20, а, может быть, даже и 50 низших командиров. Совершенно невозможно, чтобы число князей (*principes*) было столь велико.

К тому же заключению приводит изучение хозяйственной жизни. В каждой деревне обязательно должен был быть свой собственный староста. Это вызывалось потребностями аграрного коммунизма и теми многообразными мероприятиями, которые были необходимы для выгона и охраны стад. Общественная жизнь деревни каждое мгновение требовала наличия распорядителя и не могла ждать прибытия и приказов князя, жившего на расстоянии нескольких миль. Хотя мы должны признать, что деревни были довольно обширными, все же деревенские старосты были очень незначительными должностными лицами. Семьи, происхождение которых считалось королевским, должны были обладать более значительным авторитетом, причем число этих семей было гораздо меньше. Таким образом, князья и деревенские старосты являются существенно различными должностными лицами.

СМЕНА ПОСЕЛЕНИЙ И ПАШЕН

Цезарь указывает на то, что германцы ежегодно меняли как пашни, так и места поселений. Однако, этот факт, переданный в такой общей форме, я считаю спорным, так как ежегодная смена места поселения не находит себе никаких оснований. Если даже можно было легко переносить избу с домашним скарбом, с припасами и скотом, все же восстановление всего хозяйства на новом месте было связано с определенными трудностями. А особенно трудно было выкапывать погреба при помощи тех немногих и несовершенных лопат, которыми могли располагать в те времена германцы. Поэтому я не сомневаюсь в том, что «ежегодная» смена мест поселений, о которой рассказывали Цезарю галлы и германцы, является либо сильным преувеличением, либо недоразумением.

Что касается Тацита, то он нигде прямо не говорит о перемене мест поселения, а лишь указывает («Германия», 26) на смену пашен. Это различие пытались объяснить более высокой степенью хозяйственного развития. Но я с этим в корне не согласен. Правда, весьма возможным и вероятным является то, что уже во времена Тацита и даже Цезаря германцы жили прочно и оседло во многих деревнях, а именно там, где имелись плодородные и сплошные земельные угодья. В таких местах достаточно было каждый год менять пахотные земли и земли, лежащие под паром, расположенные вокруг деревни. Но жители тех деревень, которые находились в областях, покрытых по большей части лесами и болотами, где почва была менее плодородной, уже этим не могли довольствоваться. Они были принуждены полностью и подряд использовать все отдельные пригодные для обработки поля, все соответствующие части обширной территории, а потому должны были для этой цели время от времени менять место поселения. Как уже правильно заметил Тудихум (*Thudichum*), слова Тацита абсолютно не исключают факта подобных перемен мест поселения, и если они на это прямо и не указывают, то все же я почти убежден в том, что именно об этом думал Тацит в данном случае. Его слова гласят: «Целые деревни занимают попеременно такое количество полей, которое соответствовало бы числу работников, а затем эти поля распределяются

между жителями в зависимости от их общественного положения и достатка. Обширные размеры полей облегчают раздел. Пашни ежегодно меняются, причем остается излишек полей». Особенный интерес в этих словах представляет указание на двойную смену. Сперва говорится о том, что поля (*agri*) занимаются или захватываются попеременно, а потом, что пашни (*agri*) ежегодно меняются. Если бы речь шла лишь о том, что деревня (или деревенская община. — Перев.) попеременно определяла под пашню более или менее значительную часть территории и что внутри этой пахотной земли опять ежегодно менялись пашня и пар, то это описание было бы слишком подробным и не соответствовало бы обычной сжатости стиля Тацита. Данный факт был бы, так сказать, слишком скуден для столь большого количества слов. Совсем иначе обстояло бы дело в том случае, если бы римский писатель вложил в эти слова одновременно и мысль о том, что община, которая попеременно занимала целые территории и вслед за тем делила эти земли между своими членами, вместе с переменой полей меняла и места поселений. Тацит нам об этом прямо и точно не говорит. Но как раз это обстоятельство легко объясняется чрезвычайной сжатостью его стиля, причем, конечно, ни в коем случае нельзя считать, что это явление наблюдалось во всех деревнях. Жители деревень, обладавших небольшими, но плодородными землями, не нуждались в переменах мест своих поселений.

Поэтому я не сомневаюсь в том, что Тацит («Германия», 26), делая некоторое различие между тем, что «деревни занимают поля», и тем, что «пашни ежегодно меняются», вовсе не имеет в виду изобразить новую ступень в развитии германской хозяйственной жизни, а скорее делает молчаливую поправку к описанию Цезаря. Если мы примем во внимание, что германская деревня с населением в 750 человек обладала территориальным округом, равным 3 кв. милям, то это указание Тацита получает для нас тотчас же совершенно ясный смысл. При существовавшем тогда первобытном способе обработки земли было совершенно необходимо ежегодно обрабатывать плугом (или мотыгой) новую пашню. А если исчерпывался запас пахотных земель в окрестностях деревни, то было проще перенести всю деревню в другую часть округа, чем обрабатывать и охранять поля, лежащие вдали от старой деревни. После ряда лет, а, может быть, и после многочисленных кочевок, жители снова возвращались на свое старое место и снова имели возможность пользоваться своими прежними погребями.

ВЕЛИЧИНА ДЕРЕВЕНЬ

Существенным пунктом моей концепции является признание, что германские деревни обладали довольно значительными размерами. На первый взгляд легко себе представить, что сотня (округ) состояла из ряда совсем маленьких деревень, и это является до настоящего времени даже общепризнанным положением. Однако, источники и факты дают возможность легко опровергнуть это представление.

1. Григорий Турский, согласно Сульпицию Александру, рассказывает в 9-й главе II книги о том, что римское войско в 388 г., во время своего похода в страну франков, обнаружило у них «огромные селения» (*ingentes vicos*).

2. Тожество деревни и рода не подлежит никакому сомнению, причем положительным образом доказано, что роды были довольно крупными (см. выше, стр. 25).

3. В соответствии с этим Кикебуш (см. выше, стр. 21), пользуясь данными доистории, установил количество населения германского поселения в первые два века н. э. по крайней мере в 800 человек. Дарцауское кладбище, содержавшее около 4 000 погребальных урн, существовало в течение 200 лет. Это дает в среднем приблизительно 20 смертных случаев в год и указывает на количество населения по меньшей мере в 800 человек.

4. Рассказы о смене пашен и мест поселений, дошедшие до нас, может быть, с некоторыми преувеличениями, все же содержат в себе зерно истины. Эта смена

всей пахотной земли и даже перемена мест поселения приобретают смысл лишь в больших деревнях, обладавших большим территориальным округом. Маленькие деревни с небольшими земельными угодьями имеют возможность менять лишь пашню на пар. Большие деревни не имеют для этой цели в своих окрестностях достаточного количества пахотной земли и потому принуждены искать землю в отдаленных частях своего округа, а это в свою очередь влечет за собой перенос всей деревни в другие места. Хеттнер в «Европейской России» («Geogr. Zeitschr.», Bd. 10, H. II, S. 671) пишет, что в русских степях деревни обладают очень большим количеством полей и что потому жители их во время полевых работ покидают деревню и живут среди полей в наскоро построенных избах.

5. Каждая деревня должна была обязательно иметь старосту. Общее владение пахотной землей, общие выгон и охрана стад, частая угроза неприятельских нашествий и опасность со стороны диких зверей — все это непременно требовало наличия носителя местной власти. Нельзя ждать прибытия вождя из другого места, когда требуется немедленно организовать защиту от стаи волков или охоту на волков, когда бывает нужно отразить неприятельское нападение и укрыть от врага семью и скот или же оградить плотиной разлившуюся речку, или потушить пожар, разобрать споры и мелкие тяжбы, объявить о начале пахоты и жатвы, что при общинном землевладении происходило одновременно. Если все это происходит так, как следует, и если, следовательно, деревня имела своего старосту, то этот староста, — так как деревня была в то же время и родом, — являлся родовладкой, старейшиной рода. А этот в свою очередь, как мы уже видели выше, совпадал с хунно. Следовательно, деревня являлась сотней, т. е. насчитывала 100 или больше воинов, а потому была не такой уже маленькой.

6. Деревни меньшего размера обладали тем преимуществом, что в них легче было добыть пропитание. Однако, большие деревни, хотя и вызывали необходимость более частой перемены места поселения, были все же наиболее удобны для германцев при тех постоянных опасностях, среди которых они жили. Они давали возможность противопоставить угрозе со стороны диких зверей или еще более диких людей сильный отряд воинов, всегда готовых встретить опасность лицом к лицу. Если мы у других варварских народов, — например, позднее у славян, — находим небольшие деревни, то это обстоятельство не может ослабить значения приведенных нами выше свидетельств и аргументов. Славяне не принадлежат к германцам, и некоторые аналогии еще не указывают на полное тождество остальных условий; к тому же свидетельства, касающиеся славян, относятся к настолько более позднему времени, что могут обрисовывать уже иную стадию развития. Впрочем и германская большая деревня позднее, — в связи с ростом населения и большей интенсивностью обработки почвы, когда германцы уже перестали менять места своих поселений, — распалась на группы маленьких деревень.

ТУНГИИ

Мое представление о сущности должности хунно подтверждается данными, относящимися к франкской эпохе. Мы должны будем вернуться к этому вопросу позднее, когда коснемся распада древнегерманского общественного строя после переселения народов. Однако, я хочу уже сейчас сделать несколько специальных замечаний по вопросу о должности хунно в более позднее время, так как установление непрерывной связи явится существенным подкреплением нашей точки зрения, в то время как все еще необъясненное разногласие в характеристике и различии франкских должностей неминуемо окажет неблагоприятное обратное влияние на достоверность нашей реконструкции условий древнейшего времени.

Если мое представление о должности хунно правильно, то из него само собой вытекает, что часто упоминаемый в варварских правдах «сотник» (*centenarius*), как указывает само это название, есть не кто иной, как хунно, и что в том случае,

когда применяется формула «тунгин или сотник (*tunginus aut centenarius*)», оба названия обозначают одно и то же лицо, так что одно название лишь разъясняет другое. Граф являлся королевским должностным лицом, сотник же, или тунгин, являлся народным должностным лицом. Он не пользовался преимуществом тройной денежной виры, он не назначался и не отстранялся графом. Лишь в эпоху Каролингов он превратился в низшего графского чиновника. Граф обладает основными функциями древнего князя (*princeps*). Разница лишь в том, что он выполнял эти функции, не исходя из правовых представлений древнего времени, но в качестве чиновника, действовавшего во имя и по поручению недавно появившегося великого короля. Этот великий король впитал в себя древний принципат. Он один лишь остался из среды прежних князей (*principes*). Постепенно все большее и большее количество племен подчинилось его власти. И эти племена управлялись им посредством назначенных им графов. Но хунны, эти древние старейшины общин, сохранялись и существовали в течение многих поколений, так же повинувшись графам, как до того они повиновались князьям, являясь народными должностными лицами. В романских областях, где не существовало замкнутых германских племенных общин, сотник (*centenarius*) с самого начала, под именем «наместника», «викария» (*vicarius*), являлся должностным лицом, подчиненным графу, т. е. тем, чем сотник на германской почве стал лишь позднее.

Бруннер и Рихард Шредер считают, что существовал такой переходный период, когда граф был исключительно управленческим должностным лицом, а высшие судебные функции выполнялись тунгином, который стоял выше хунно. Таким образом, тунгин в эту эпоху по своим судебным обязанностям выполнял должность древнего князя (*princeps*), который, будучи избираем народом, управлял более крупным округом. Лишь позднее должность графа впитала в себя эту функцию тунгина.

Бруннер пытается доказать эту точку зрения некоторыми местами из Салического закона. Амира высказался против («*Gött. Gel. Anz.*» 1896, S. 200), а Рихард Шредер присоединился к Бруннеру («*Hist. Zeitschr.*», Bd. 78, S. 196—198).

Я не имею возможности вникнуть в исследование собственно историко-правовых вопросов, но все же мне кажется ясным, что положения, выдвинутые Амира, не поколеблены соображениями Шредера. Сам Шредер не идет дальше предположения вероятности того, «что поставленное наряду с королевским судом общенародное законное судебное собрание тунгина не совпадало с тем общенародным судебным собранием, которое должен был созывать тунгин или сотник». Таким образом, подлинного доказательства, опровергающего положение Амира, здесь не приведено.

Остается еще аргумент Бруннера, что если бы тунгин не являлся судьей в более крупном округе, то, кроме короля, существовали бы лишь сотенные судьи. Но этот аргумент исчезнет, если мы внимательнее отнесемся к хронологии.

Шредер сам пишет («*Hist. Zeitschr.*», Bd. 78, S. 200), что «первый салический капитулярий, который с большой долей вероятности приписывается еще Хлодвигу, знает в качестве обычного судьи округа уже не тунгина, а графа». Так как Хлодвиг первый сам организовал великую королевскую власть, которая уже больше не давала возможности королю лично выполнять функции странствующего судьи, то нет никаких оснований предполагать, что до этого времени между королем (как наследником власти древних князей) и хунно должен был стоять еще один судья. Нам даже кажется совершенно невозможным, чтобы именно в эту эпоху поднимающаяся королевская власть требовала от народа или лишь ему позволяла выбирать себе высшее должностное лицо, которое неминуемо должно было бы стать естественным и необходимым соперником графа, назначенного королем на графство. Ведь известно, каким образом преследовал и устранял со своего пути Хлодвиг соперников своей власти. Мне кажется совершенно ясным, что графы превратились

в обычных судей округов как раз в тот момент, когда Хлодвиг организовал собственно франкскую великую королевскую власть, которая делала невозможным выполнение королем функций высшего странствующего судьи. Но если отпадает потребность, равно как и необходимость существования высшего судьи округа, избираемого населением, то тунгин Салического закона должен был быть не кем иным, как сотником, т. е. древним хунно. Поэтому ошибка этих двух ученых заключается в том, что они недостаточно высоко оценивали положение этого должностного лица в древнейшие времена и что, сосредоточив все свое внимание на тысячном округе, они недооценили значение и сущность сотни (сотенного округа — Ред.).

Насколько мне известно, еще не дано исчерпывающего этимологического объяснения слова «тунгин». Ср. недавнюю работу ван-Хельтена (van Helten, «Beiträge zur Gesch. der deutsch. Sprache und Liter.», herausg. von Sievers, Bd. 15, S. 456, § 145). Ван-Хельтен дает для этого слова, наряду со значением «превосходный», «почтенный», также и значение «заведующий», «управляющий» (rector), но выдвигает против этого последнего значения существенные возражения, вытекающие из существующих историко-правовых представлений. Если же изложенная мною точка зрения правильна, то эти возражения отпадают сами собой.

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 1906 г. вышло второе издание «Истории немецкого права» («Deutsche Rechtsgeschichte», Bd. I) Бруннера. Различия между его и моим пониманием общественного строя древних германцев затронуты им в этой книге лишь применительно к некоторым второстепенным пунктам, так что вся резкость этих различий в этой книге не выявлена.

Так как эти различия имеют основное значение для понимания всей европейской истории в различных отношениях, то я должен здесь коснуться наиболее существенных пунктов.

Бруннер делит германское племя на тысячные округа (стр. 158); округа состоят из ряда деревень; наряду с этим существует чисто личный союз сотен, предназначенный для военных и судебных целей (стр. 159); наконец, группы из нескольких семей образуют очень важный союз родичей или рода, который по мужской линии восходит к одному общему родоначальнику (стр. 111). Во главе округов стоят князья, правители округов, а во главе сотен — начальники, которые, может быть, уже в древности носили название хунни (стр. 163). О деревенских старостах, которые также должны были существовать, так как деревни являлись аграрными хозяйственными единицами, здесь ничего не сказано. Так же мало сказано и о старейшинах рода, хотя и их нельзя было пропустить, так как на них, при еще большом значении рода, возлагались многочисленные обязанности. Впрочем сам Бруннер принужден о них упомянуть (стр. 119, заключение первого абзаца).

Этому сложному сооружению, отдельные части которого несколько раз переkreщаются как в территориальном, так и в персональном отношении, я противопоставляю простое разделение на округа-сотни; каждый такой округ обладает большим поселением; жители его возводят свой род к одному родоначальнику и поэтому называются родом. Начальником этого рода, который в то же время может быть деревней, округом или сотней, является хунно или альтерман (эльдермен).

Доказательством моей точки зрения я считаю то, что, без всякого сомнения, сперва деревня и род были тождественны. Сам Бруннер твердо устанавливает (стр. 90, 117), что существовало такое время, когда род был владельцем пахотной земли, но что в то же время и деревня владела пахотной землей. Кто же был в таком случае владельцем? Род или деревня? Свидетельства источников как в первом, так и во втором случае дают одинаково ясные и многочисленные утвердительные ответы. Бруннер не делает никакой попытки разрешить это противоречие. Но

нет никакой другой возможности объяснить это противоречие, как предположить тождество рода и деревни.

Теперь ясно доказано, что деревни были очень большими (см. выше); это явствует также и из того, что обычай перенесения деревни в другое место имеет смысл лишь при наличии больших деревень, о чем, впрочем, нами уже сказано выше. Этот обычай теряет свой смысл при маленьких деревнях с небольшими землями.

Если же деревня очень велика, то она насчитывает по меньшей мере 100 семей и, следовательно, должна быть тождественна с сотней. Таким образом, отпадает необходимость предположить существование искусственно построенного личного союза, не совпадающего с поселением.

Теперь встает вопрос, могла ли над этими сотнями существовать охватывающая их организация тысячных округов. Она могла существовать в отдельных случаях,—именно тогда, когда князья, противостоявшие в своей совокупности всему народу, таким образом делили между собой управление, в особенности же суд, что каждый из князей получал группу сотен, причем подобная группа таким образом превращалась в некоторую определенную единицу. Однако, это не является, как признает и Бруннер, собственным и первоначальным делением племени; притом даже само название «тысяча» едва ли употреблялось в древности.

Разбирая вопрос об отношении сотни и рода к военному устройству, Бруннер запутывается в том же самом противоречии, в котором он запутался при разборе вопроса, кто является владельцем земли—деревня или сотня. Сотня, по его мнению, являлась личным союзом, группой из 100 (или 120) воинов, находившихся под начальством начальника сотни (стр. 162). Но в другом месте (стр. 118) рядом весьма ценных цитат доказывается военное значение рода, причем отсюда делается тот вывод «что были такие времена и такие условия, когда роды, составляя часть войска, совместно дрались, находясь под общим командованием». Это не будет противоречием сказанному выше и даже будет с ним хорошо согласоваться, если предположить, что роды были подразделениями сотни. Но Бруннер это совсем не так воспринимает. Он пишет лишь (стр. 118), «что при группировке войска принимались во внимание родовые объединения» или (стр. 163) «что сотни не точно отсчитывались, так как нельзя было разделять родовые объединения». Автор принужден был здесь прибегнуть к неопределенным выражениям, так как если бы он высказал то положение, что роды были подразделениями сотни, то это придало бы совсем другое, чем он предполагал, содержание изображенной им картине сотни. Здесь уже не могла бы идти речь о «точном отсчитывании». Либо нужно совсем исключить числовое значение из понятия «сотни», либо следует сделать тот вывод, что сотни всегда образовывались из таких родов, которые насчитывали приблизительно 100 воинов. И здесь видна невозможность, впрочем показанная и нами выше, предположить, что роды составляли часть сотни.

В защиту своей теории Бруннер пишет (стр. 195): «Кто для того, чтобы спасти сотенный округ, объявляет его тождественным с римским *pagus* (округ), тот принужден признать недостоверными указания Цезаря на большие размеры германских округов (*pagi*), признать недоразумениями свидетельства Тацита о сотне и отказаться учесть те выводы, которые вытекают из факта кельтского округа (*pagus*)».

На это я могу лишь ответить; почему же нет? Для того чтобы спасти те 2 000 воинов, которые, по Цезарю, мог выставить каждый округ свевов, Бруннер должен был бы сперва опровергнуть мою теорию плотности населения древних германцев. Но он даже не сделал ни одной попытки для того, чтобы ее опровергнуть. Всем хорошо известно, что здесь у Цезаря имеется преувеличение, и к тому же еще не самое грубое. Цезарь преувеличивает здесь, может быть, в 10 раз; а как часто в его труде были доказаны преувеличения даже в 100 раз!

Далее, тот факт, что свидетельства Тацита о сотнях основываются на недоразумениях, доказан таким крупным авторитетом, как Вайц, и принят столь многими исследователями, что он не может уже больше считаться лишь априорно абсурдным.

Наконец, аналогия с кельтским округом (*pagus*) ничего не доказывает, так как римляне пользовались своим термином «*pagus*» в таком же широком и растяжимом смысле, как и мы нашим «округ».

Возражая против моего отождествления сотни, округа, рода и деревни, Бруннер указывает (стр. 160, примечание) на то, что «в таком случае все эти названия и понятия, за исключением одного, были бы излишни, их наличие уже само по себе указывает на некоторую дифференциацию». Но этого вывода я не могу принять. Ведь если о ком-нибудь было один раз сказано, что у него есть сын, в другой раз — что у него есть парень, в третий раз — что у него есть мальчик, а в четвертый раз — что у него есть мальчишка, то разве это указывает, что данный человек имеет четырех сыновей?

Основная ошибка Бруннера заключается в том, что он пытается восстанавливать формы государственного, общественного и хозяйственного строя, совершенно не учитывая количественных соотношений. Ведь если только уяснить себе, сколько максимально людей, сколько мужчин и сколько кв. миль падает на одно германское племя, то этим самым тотчас же разрешается спор между наличием тысячного или сотенного округа.

Следующая ошибка Бруннера заключается в том, что он не делает различия между родом той эпохи, когда он еще представлял собой некоторую хозяйственную единицу (общинное землевладение), и родом, уже превратившимся в одно лишь правовое установление. Этот последний мог отграничиваться от случая к случаю в зависимости от степени родства, так что исчезала граница между отцом и сыном. Если следовало уплатить или получить штраф, то для того чтобы установить, кто в нем должен участвовать, а кто нет, высчитывали степень родства. Но такое текучее отграничение невозможно при существовании рода, имеющего общинное земельное владение. Если мы, например, скажем, что род доходит лишь до седьмого поколения, что же будет в том случае, если члены рода будут между собой состоять в родстве лишь в восьмом поколении? Будут ли дети какого-нибудь определенного поколения еще принадлежать к роду? Будут ли они иметь право, когда подрастут и захотят основать свое хозяйство, на часть общинной земли? Нужно только поставить эти вопросы, чтобы тотчас же на них ответить в том смысле, что род, владеющий общинной землей, никогда не может быть ограничен каким-либо определенным числом поколений.

Род, владеющий общинной землей, может быть ограничен лишь таким образом, что семьи, сыновья и отцы остаются в нем вместе. Поэтому род, который высчитывается лишь до шестого или седьмого колена, уже есть не что иное, как тот древнейший род, который существовал во времена Цезаря и Тацита. Бруннер не заметил того, что между этими двумя видами рода находится целая эпоха развития, и не учел того обстоятельства, что при определении понятия рода следует различать отдельные этапы его развития.

При изучении этого развития следует иметь в виду, что граница древнейшего рода не была генеалогической границей, но что она определялась фактом действительного совместного жительства; другими словами, род древнейшего времени был деревней.

Рахфаль (*Schmoller's «Jahrbuch für Gesetzgebung»*, Bd. 31, S. 1739) разобрал теорию Бруннера и на стр. 1751, исходя из тех же оснований, что и я, защитил теорию существования сотенного округа.

Те аргументы, которые привел Краммер в защиту «тысячи» (*Krammer, «Neues Archiv der älteren Gesch.-Kunde»*, Bd. 32, S. 538, 1907), не имеют никакой действительной доказательной силы.

Рихард Шредер в пятом издании своего «Учебника истории немецкого права» (R. Schroeder, «Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte», 1907) признает существование тройного подразделения: тысяча, сотня, род-деревня. Хотя он и отождествляет род с деревней, однако, по его мнению, сотня является с точки зрения публичного права низшим видом общины. В качестве таковой она не могла образовывать округа, но являлась чисто персональным союзом, во главе которого стоял хунно. Этот союз образовывал отдельную воинскую часть, имея в то же время свой собственный суд, который находился в твердо установленном месте. Лишь позднее эти персональные сотни превращаются в местные округа. Каждую тысячу возглавляет князь.

Эта концепция ближе к моей, чем это может показаться на первый взгляд, так как: а) род отождествляется с деревней; б) проводится различие между двумя категориями должностных лиц: хунни и князьями (principes)¹; в) признается, что князь стоял над группой сотен, на что я, впрочем, не смотрю как на принципиальное и существенное явление; эту группу сотен я не называю тысячей, однако, признаю, что она на практике часто совпадала с тысячей (ср. стр. 25). Для того чтобы притти от шредеровской концепции к моей, следует только себе представить, что деревни состояли не из 10—30 дворов, а из 100—200. Тогда непонятный и неясный «персональный союз» сотни станет совершенно излишним. Деревня есть сотня. Это есть естественное первоначальное поселение. От тысячи остается лишь соответствующий должностям отдельных князей округ, меняющийся в зависимости от обстоятельств.

Зигфрид Ритшль (Siegfr. Rietschl, «Savigny-Zeitschr.», 27, 234 und 28, 342) еще раз исследовал вопрос о сотне и тысяче, основываясь на широком использовании источников, и равным образом пришел к тому выводу, что тысяча не есть древнегерманское установление, а что необходимо признать древнейшим общегерманским установлением сотню. Также и англо-саксонскую сотню (hundred) относит он ко времени переселения.

Неясной остается у Ритшля сущность рода, хотя он имеет перед другими исследователями то преимущество, что подошел вплотную к постановке этого вопроса. Он признал, что при обычном понимании рода, как некоторой суммы потомков одного общего родоначальника, нельзя установить какого-либо общего состава рода и что род будет большим или меньшим союзом в зависимости от того родоначальника, который взят в качестве исходной точки (стр. 423, 430). Эта возможность совершенно различным образом ограничить род служит ему вспомогательным средством для того, чтобы вдвинуть роды в строго количественную схему регулярной сотни, состоящей из 100 земельных участков. Но при этом он не принял во внимание того, что этим он упраздняет значение рода как правового института. Союз, который в одном случае охватывает братьев, в другом — двоюродных братьев, в третьем — троюродных братьев, далее родственников в четвертой, пятой и шестой степенях, ни в коем случае не может признаваться одним и тем же союзом в каждом из этих случаев.

Если мы вслед за Ритшлем будем ограничивать поселение определенным числом, то мы тем самым исключим из него всякое понятие рода. Тогда останется лишь то, что при распределении земель агнатические родственники² должны были бы оста-

¹ Шредер весьма справедливо указывает, что факт повсеместного и одинакового появления хунно в более позднее время у различных племен заставляет делать обратный вывод о его существовании в германскую эпоху. Поэтому я не понимаю, почему Бруннер (стр. 75) в своей цитате вслед за словом «хунно» ставит вопросительный знак. Это для меня тем более непонятно, что я пишу вслед за тем «или иной предводитель».

² Агнатами у древних римлян назывались лица, находившиеся под общей властью домовладыки, включая усыновленных, в отличие от когнатов — кровных родственников. В германском праве агнаты — родственники по мужской линии. (См. справочный алфавитный указатель в конце книги). — Р е д.

вляться вместе — практика, в которой уже не может больше быть никакого правового содержания. С точки зрения рода правовое содержание заключается лишь в таком поселении (сотне), которое в своей совокупности может рассматриваться в качестве рода. Так, без всякого сомнения, и было на самом деле.

Одновременно с Ритшлем выступил, основываясь на источниках, в защиту сотни Клавдий фон-Шверин в своей работе «Древнегерманская сотня» (Claudius Freih. v. Schwerin, «Die altgermanische Hundertschaft. Untersuchungen. Herausgegeben von Giercke. 90 Heft, 1907). Шверин придает особенное значение тому, что сотня не имеет ничего общего с числом 100, но обозначает вообще лишь множество. Его этимологическое обоснование, как на то указывает Ритшль (стр. 420), ошибочно, но на самом деле он мог бы оказаться правым, — впрочем лишь в том случае, если бы он не оставлял совершенно неопределенной величину группы, так что она с равным успехом могла бы равняться и 20 и 10 000. Мы же со своей стороны можем и должны указать, что на самом деле эти группы могут быть прекрасно связаны с числом 100, если мы примем, что они состояли из 100 семей или из 100 воинов, что и в том и в другом случае, как мы это уже показали выше, дает приблизительно один и тот же результат.

Ошибка исследования Шверина (не считая того, что и у него также недостает ясного представления о роде) заключается в том, что он не уяснил себе количественных соотношений. Он отклоняет мою попытку установить соответствующие цифры для германского племени и для сотни, не подвергая ее даже какой-либо проверке. Я же, наоборот, осмеливаюсь утверждать, что самым твердым и самым надежным способом определения численности населения древней Германии является способ использования всех тех камней, из которых построено здание древнегерманского государственного и общественного строя. Каждое отдельное свидетельство, взятое либо из одного лишь античного писателя, либо из одного раннего средневекового сборника законов, будет недостоверным или же может быть различно истолковано. Один вместе с Цезарем верит в то, что округ у севов насчитывал 2 000 воинов, другой же это отрицает; один считает свидетельство Тацита о сотнях за недоразумение, другой же с этим не согласен и так далее. Но совершенно бесспорно то, что область между Рейном и Эльбой охватывает пространство в 2 300 км², что здесь жило около 20 племен и что плотность населения здесь была очень незначительной.

Если бы Шверин уяснил себе все эти факты со всеми вытекающими из них последствиями, то он ни в коем случае не мог бы отождествить хунно или альтермана с князем (princeps) (стр. 109), тем более что он, так же как и я, пришел к тому заключению (стр. 128), что хунно, франкский сотник (centenarius) и тунгин тождественны.

Шверин резко возражает против того, чтобы сотню называли округом; это, по его мнению, может только запутать (стр. 109, прим. 4). Но так как он сам доказывает, что саксонское го является сотней и в то же время округом (pagus), ибо мы только этим словом можем перевести латинское слово «pagus», то после этого уже невозможно возражать против применения слова «округ» по отношению к сотне. Правда, вполне справедливо, что в более позднее время слово «округ» обозначает такую же большую область, как и древнее «государство» (civitas), и что применение того же самого слова для обозначения столь различных величин может ввести путаницу и действительно вносит таковую. Но то же самое применимо и к слову «pagus» (округ, см. выше стр. 24), и мы должны примириться с тем, что в источниках не сохранилось более точного различия в терминологии. Тацит даже однажды («Анналы», IV, 45) употребляет слово «pagus» в таком смысле, что его по контексту можно перевести лишь словом «деревня» (ср. Gerber, «Lexicon Taciteum», S. 1049).

Первым исследователем, принявшим в основе установленные мною цифры населения древней Германии, был Людвиг Шмидт в своей «Истории немецких племен

до конца переселения народов», вышедшей в серии «Источники и исследования по древней истории и географии», издававшейся В. Зиглином (Ludwig Schmidt, «Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Herausgegeben von W. Sieglin»). Ср. с этим также и рецензию на «Историю военного искусства» («Historische Vierteljahrsschrift», 1904, S. 66). Впрочем Шмидт возражает против моего отождествления рода с сотней и признает тысячу исконным германским установлением. Мне кажется совершенно ясным, что в данном случае он непоследователен. Если правильно то, что германское племя насчитывало в среднем не более 5 000—6 000 воинов, а меньшие и самые маленькие племена лишь 3 000 и даже того менее, то тем самым является несомненным, что племя делилось не на отряды в 1 000 человек, которые сами по себе были бы слишком неповоротливыми и слишком близко подходили бы по своей численности к общей совокупности воинов в племени. К тому же главный аргумент в пользу существования тысячи, — а именно — указание Цезаря на то, что у свевов было 100 округов по 2 000 воинов в каждом, — следует считать уже отпавшим.

Шмидт признает также и то положение, что деревня и род тождественны, однако стоит за небольшие размеры родов (деревень), состоявших из 10—20 семей. Он совершенно не касается вопроса о том, какой смысл могло иметь перенесение местоположения деревни при небольших размерах деревень и поэтому небольших размерах находящихся при них земель, которые он устанавливает. С другой же стороны, он пытается истолковать в свою пользу положительные указания источников на то, что германские деревни достигали довольно значительных размеров, но эта его попытка оказывается совершенно неудачной. Он полагает («Hist. Vierteljahrsschrift», S. 68), что при разбросанности построек германские деревни со своими 10—20 избами могли показаться римлянам «необычайно обширными», а те роды (γέννη) германцев, которые, по Диону Кассию, заключили мир с Марком Аврелием, были чем-то иным, чем то, что обычно называется родом. Эти были слишком малы для того, чтобы с ними одними можно было заключить мир. Следовательно, мы должны представить себе здесь самостоятельные ответвления больших племенных групп или благородные роды, окруженные многочисленной свитой и челядью. Как велика могла бы быть свита такого благородного рода? Конечно, не больше нескольких сотен воинов в максимальном случае. Это и будет приблизительно той цифрой, которая, по моему мнению, может характеризовать германский род. Следовательно, факт небольших размеров деревни даже в изложении самого Шмидта не дает никаких оснований для того, чтобы возражать против буквального истолкования этого места, а так как во всех источниках нигде и ничего не говорится о маленьких деревнях или маленьких родах, то было бы совершенно неправильным и произвольным отвергнуть столь положительное указание Диона, к тому же подкрепленное Сульпицием Александром¹.

Я заканчиваю эти полемические анализы тем, что к ним еще добавляю (забегая несколько вперед в содержание следующей главы и указывая на значение этой главы), почему я придаю такое значение установлению, — вернее сказать, отстаиванию, — правильного исторического построения общественного и государственного строя в настоящем труде, посвященном истории военного искусства. Дело в том,

¹ Для меня осталось непонятным, каким образом Шмидт выводит из Acta S. Sabae, что деревни у готов являлись частями округа, ему подчиненными. В этом рассказе («Acta Sanctorum. Aprilis» II p. 89; греческий текст помещен в приложении к тому же тому, стр. 2) не сказано, как это утверждает Шмидт (Schmidt, «Geschichte der deutschen Stämme», S. 93), что «родичи» (Sippengenossen) пытались защитить Сабу, но лишь что «некоторые» из язычников пытались это сделать. Из этого указания нельзя сделать никакого вывода об отношении рода к деревне или деревни к округу.

что, по моему мнению, без такого изложения государственно-правовых основ военные достижения германцев останутся просто-напросто непонятными. Дикая храбрость отдельных воинов не сможет нам объяснить этих успехов, тем более что мы уже твердо установили, что их число было весьма незначительно. Поэтому внутри массы германцев должно было необходимым образом существовать очень удобное и твердо функционирующее деление на воинские части, дающее возможность осуществлять командование. Для этой цели совершенно не годятся текучие «персональные союзы», так как в них совершенно отсутствует дисциплинарная спайка. Из отдельных песчинок нельзя скатать шара. Тожество же деревни и рода, рода и сотни во главе с ее альтерманом (хунно) дает ей естественную связь и прочность, что делает ее способной отвечать самым высоким требованиям. К этим положениям следует прибавить также и то, что содержится в 5-й главе 2-й части «Народные войска во время своих переселений» и в особенности «Сотня во время переселения народов».

Глава II

Военное искусство древних германцев

Военные успехи зависят, как мы в этом уже смогли убедиться в I томе настоящего труда, не от одной, а от двух совершенно различных причин. Первая причина, которая раньше всего бросается в глаза, заключается в храбрости и физической пригодности отдельного воина. Другая причина заключается в прочности внутренней спайки между отдельными воинами в тактической единице. Как ни различны по своей природе обе эти силы — пригодность каждого отдельного бойца и внутренняя спайка между ними в воинской части, — все же нельзя вторую силу целиком отделить от первой. Как бы хорошо ни была обучена и тесно сплочена воинская часть, но если она будет состоять из одних лишь трусов, то она окажется ни на что не способной. Но если воинская масса обладает хотя бы умеренной дозой мужества и если к этому присоединяется второй элемент — корпоративность, то это создает такую воинскую силу, перед которой принуждены отступить все проявления личной храбрости. О фалангу греческих граждан разбилась рыцарская храбрость персов, причем дальнейшее развитие этой тактической части — фаланги, давшее новые, более утонченные формы, вплоть до тактики боевых линий и когорт, является существенным содержанием истории античного военного искусства. Римляне всегда побеждали не потому, что они были храбрее своих противников, но потому, что благодаря своей дисциплине они обладали более крепкими тактическими частями. Это говорит о том, как важно, но в то же время и как трудно было образовать из первоначальной неповоротливой фаланги множество маленьких оперативно подвижных тактических частей.

Нам нужно только вспомнить об этой цепи развития, чтобы после того, как мы изучили государственный и общественный строй древних германцев, одним взглядом сразу увидеть, какая громадная воинственная сила таилась в этом народе. Каждый отдельный германец

в своей грубой, варварской, близкой к природе жизни, в постоянной борьбе с дикими зверями и с соседними племенами воспитывал в себе наивысшую личную храбрость. А тесная спайка, существовавшая внутри каждого отряда, который включал соседей и род, хозяйственную общину и воинское товарищество и находился под начальством предводителя, авторитет которого во всей будничной повседневности распространялся на всю жизнь человека как во время мира, так и во время войны,—эта тесная спайка германской сотни, находившейся под начальством своего хунно, обладала такой прочностью, которую не могла превзойти даже самая строгая дисциплина римского легиона. Психологические элементы, составлявшие германскую сотню и римскую центурию, абсолютно различны, но результат их действия совершенно одинаков. Германцы не упражнялись в военном деле, а хунно едва ли обладал определенной — во всяком случае едва ли значительной — дисциплинарной властью; даже самое понятие собственно воинского повиновения было чуждо германцам. Но еще не расколотое единство всей той жизни, в которой пребывала сотня и которое приводило к тому, что в исторических рассказах сотня называлась также общиной, деревней, товариществом и родом,—это естественное единство было сильнее, чем то искусственное единство, которого культурные народы принуждены достигать посредством дисциплины. Римские центурии превосходили германские сотни по внешней сомкнутости своего выступления, подступа к неприятелю и атаки, по своему равнению и движению строго в затылок, но внутренняя спайка, взаимная уверенность друг в друге, которая образует нравственную силу, была у германцев настолько сильна, что даже при внешнем беспорядке, при полной дезорганизованности и даже временном отступлении она оставалась непоколебленной. Каждый призыв хунно—слово «приказ» мы даже оставляем совершенно в стороне — выполнялся, так как каждый знал, что этот призыв будет каждым выполнен. Паника является слабой стороной, присущей каждой недисциплинированной воинской части. Но даже во время отступления слово предводителя не только останавливало германские сотни, но и побуждало их к новому наступлению¹.

Поэтому мы не напрасно установили в предыдущей главе сперва тождество между хунно и альтерманом, а затем тождество между округом, родом, сотней и деревней. Здесь идет дело не о спорном вопросе формального государственно-правового значения, но о раскрытии крупного и существенного элемента в мировой истории. Здесь следует обратить внимание на то, что хунно являлся неизбежным от случая к случаю предводителем менявшегося и случайно составленного отряда, но прирожденным вождем природного единства. Он носил такое же название и выполнял во время войны такие же функции, как и римский центурион, но отличался от него так, как природа отличается от искусства.

Хунно, который командовал бы не в качестве родового старейшины, имел бы во время войны так же мало значения, как и центурион при отсутствии дисциплины. Но так как он является родовым старейшиной, то и достигает без помощи воинской присяги, строгой дисциплины и военных законов такой же спайки и такого же подчинения,

¹ Тацит, «Германия», 6.

как и его римский тезка, применявший для этой цели строжайшую дисциплину.

Когда римляне порой говорят¹ о беспорядке у германцев, или когда Германик, для того чтобы усилить мужество у легионеров, рассказывает им про германцев, что они, «не стыдясь позора и ничуть не беспокоясь, уходят от вождя», то это с римской точки зрения вполне справедливо. Но если посмотреть с другой стороны, то это как раз и будет доказательством того, насколько прочной была внутренняя спайка среди германцев, ибо даже, несмотря на весьма незначительный внешний порядок, временное отступление и отсутствие настоящего командования, они все же не разбегались и даже не ослабляли энергии своего боевого натиска.

Тактическая форма строя, в котором сражалась германская пехота, получила у древних писателей название «синеус», которое новейшими писателями переводится словом «клин» (клинообразный боевой порядок). Однако, это слово может так же ввести в заблуждение, как и наше выражение «колонна», которым, пожалуй, технически всегда правильнее можно было бы перевести вышеприведенный латинский термин. Если мы будем термины «линия» и «колонна» противопоставлять друг другу, то под словом «линия» мы будем подразумевать такое построение, которое больше простирается в ширину, нежели в глубину, а под словом «колонна» — такое построение, которое более тянется в глубину, чем в ширину. Но если эти термины на самом деле постепенно переходят друг в друга, то их употребление в языке далеко отходит от вышеуказанного противопоставления. Такой боевой строй, который насчитывает 12—40 человек по фронту и 6 человек в глубину, мы уже называем «ротной колонной». Равным образом римляне иногда называли клином такие боевые построения, которые мы должны были бы обозначить как «фаланга» или «линия». Так, например, Ливий называет пунический центр в сражении при Каннах «очень тонким клином», хотя здесь, без сомнения, мы имеем дело не только с линейным построением, но даже, по собственному выражению Ливия, с довольно плоским построением. Слово «синеус» часто обозначает просто-напросто слово «отряд»².

Хотя из одного слова «синеус» (клин) еще ничего нельзя извлечь, однако, нет никакого сомнения в том, что наряду с общим значением оно имело также и специфически техническое значение, в котором оно иногда и употреблялось.

О техническом значении этого термина нас, кажется, довольно точно информируют некоторые писатели эпохи переселения народов. Вегетий (III, 19) определяет клин (синеус) как «множество пехотинцев, которые подвигаются вперед сомкнутыми рядами — впереди более узкими, а сзади более широкими — и прорывают ряды противников». Аммиан пишет (17, 13), что римляне, т. е. варваризованные римские военные отряды, напали, «выражаясь грубо, по-солдатски, строем, похожим по своей внешней форме на голову кабана», т. е. «строем, который кончался узким рядом». А Агаций сообщает, что клин, *ἐπιβολή*, франков в сражении против Нарсеса имел форму

¹ Тацит, «Анналы», 2, 45. Маврикий, G. A., 167. Агаций, В. А., р. 81, цит. у Müllenhoff, S. 180 und 181.

² Müllenhoff, «Germania», S. 179.

треугольника. Следовательно, клин представляли себе таким образом: впереди стоял один воин, а именно самый лучший; во втором ряду стояло трое, в третьем — пятеро и т. д. Но если вдуматься в это построение, то оно окажется невозможным. Ведь как бы сильно и хорошо ни был вооружен воин, стоящий во главе клина, в то время как он будет поражать своего противника, стоящего в неприятельском ряду, левый или правый сосед этого противника улучит минуту, когда он сможет напасть на него сбоку. Для того чтобы защитить переднего воина от этого двойного флангового нападения, существует только одно средство: двум крайним воинам второго ряда необходимо быстро прыгнуть вперед. Но окружение продолжается и по отношению к ним. Три воина, образующие теперь вершину клина, подвергаются нападению со стороны пяти противников. И опять крайние воины третьего ряда должны выпрыгнуть вперед. Одним словом, клин, вместо того чтобы ворваться внутрь неприятельского фронта, сплющивается в тот момент, когда он с ним соприкасается, и в кратчайшее время поворачивается в обратную сторону. Все крайние воины, которые вследствие клинообразной формы строя искусственно удерживались позади, устремляются теперь вперед; таким образом, широкая часть треугольника перемещается вперед, а узкая — назад, причем люди, стоявшие на флангах и бывшие раньше впереди, теперь оказываются позади. Следовательно, клинообразная форма не только не достигнет своей цели, но в то время, когда крайние воины задних рядов устремятся вперед, эта форма строя, очевидно, приведет к тому, что вершина клина, зажата в тиски, понесет самые тяжелые потери. Поэтому нельзя себе представить более бессмысленной формы тактического построения. Ведь как бы тесно ни держались люди друг к другу, отряд всегда останется суммой отдельных людей, которые всегда будут устремляться вперед и никогда не смогут, подобно заостренному куску железа, сконцентрировать все боковое давление на одном острье или на лезвии.

Правильное описание клина сохранилось в античной литературе в двух местах: у Тацита и в конце эпохи переселения народов в «Стратегиконе» императора Маврикия, если он только является автором этого труда (приблизительно 579 г.). «Белокурые народы» — франки, лангобарды и подобные им, — читаем мы в «Стратегиконе», — нападают отрядами, которые столь же широки, как и глубоки¹, а Тацит говорит «о клиньях» (*cuneis*) батавов следующее: «повсюду тесно сомкнутые, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытые». «Тесно сомкнутым» отрядом, который со всех сторон — не только спереди и сзади, но и с флангов — одинаково силен, является каррэ, следовательно, при 400 человек такое построение, когда 20 стоят в ширину и 20 в глубину, а при 10 000—100 в ширину и 100 в глубину. Такой

¹ Это место гласит: «Во время сражения они строят свое войско таким образом, что боевая линия фронта равняется глубине построения, которое как в коннице, так и в пехоте они делают сильным и мощным, так что лишь это удерживает людей от проявления трусости» (изд. Шеффера, стр. 269). Мюлленгоф («Germania», S. 179) объясняет эти слова как раз наоборот, видя в них описание фалангового строя. В 1-м издании своего труда и еще в III томе (стр. 286) я следовал за ним, однако, теперь мне кажется, что я нашел более правильное объяснение. Ср. место из «Тактики» Льва, т. III, стр. 305. В эпоху Льва (каков бы он ни был) германского четырехугольного отряда уже не существовало (ср. т. III, стр. 207). Это описание заимствовано у Маврикия.

отряд образует не квадрат, а прямоугольник, фронтом которого является его узкая сторона, так как во время перехода дистанция между шеренгами приблизительно вдвое больше дистанций между рядами. Если же теперь перед строем такой глубокой колонны выступит вождь или князь, окруженный своей свитой, находящейся позади него или рядом с ним, то может показаться, что такая колонна увенчана вершиной. Эта вершина является командующей, руководящей частью. Пользуясь современными условиями, мы можем сравнить такое построение с атакой кавалерийской бригады. Впереди находится командир бригады, позади него — три человека: его адъютант и два трубача, затем — два полковых командира со своими адъютантами и трубачами, далее — восемь эскадронных командиров со своими трубачами, затем 32 взводных командира и, наконец, вся масса всадников. Такое построение можно изобразить в виде треугольника, однако, оно применяется лишь во время церемониального марша. Ведь это построение требует не постепенного внедрения в неприятельский строй, а того, чтобы во время войны, несмотря на то, что командиры находятся впереди строя, вся масса, вобрав в себя командиров, одновременно устремилась бы на неприятельский строй. Такова же была, следует думать, и вершина или острие древнегерманской «кабаньей головы». Когда князь или северный богатырь становился со своей свитой во главе каррэ, состоявшего из свободных членов общины, то он, бурно устремляясь вперед, увлекал своим натиском вслед за собой всю остальную массу войска. Атака должна была происходить одновременно. Голова колонны вовсе не имела своей задачей пробить вражеский фронт, но во время атаки вся масса войска вслед за своим герцогом должна была нанести удар, подобный удару тараном. Даже при отсутствии головы колонны глубокая колонна могла по своей форме приближаться к форме треугольника. Если такой клин, — скажем, шириной в 40 человек, т. е. насчитывавший 1 600 человек, — сталкивался с более широким неприятельским строем, то в этом случае наибольшей опасности подвергались оба фланговых первой шеренги, так как в момент столкновения им приходилось сражаться не с одним лишь противником, стоявшим прямо против них, но и с его соседом, который угрожал им со стороны. Потому могло свободно случиться, что крылья продвигались вперед с некоторой осторожностью, вследствие чего середина несколько выдавалась вперед. Напротив, внешние части задних рядов в своем натиске легко растекались. Поэтому и без того казавшийся узким фронт колонны должен был на самом деле казаться заостренным, однако, это не было его преимуществом. Это было скорее его деформацией, нежели правильной формой. Чем равномернее наступал весь отряд на противника и теснил его вперед, тем было лучше. Чем храбрее были фланговые, тем меньше следовало подозревать их в том, что они нарочно отставали. Чем ровнее держали ряды задние шеренги, тем острее был удар и сильнее натиск. А предводители должны были принимать все меры к тому, чтобы отряд, подходя к противнику, по возможности точно держал равнение как по фронту, так и в глубину. С началом наступления на противника германская колонна начинала петь «баррит» («крик слона») — свою боевую песню. При этом воины держали щит перед собой для того, чтобы звук, отражаясь от щита, этим усиливался. «Она начинается глухим грохотом, — рассказывает нам римлянин, — и усиливается по мере того, как разгорается бой, достигая силы грохота при-

боя морских волн, ударяющихся о скалы»¹. Подобно тому как применение тех флейт, звуком которых спартанцы сопровождали движение своей фаланги, послужило нам указанием упорядоченного и равномерного движения (том I, стр. 56), так и «баррит» указывает нам на тот же самый факт применительно к клину древних германцев.

Если германский клин производил атаку на такой же неприятельский клин и если оба клина выдерживали обоюдный натиск, то с двух сторон надвигались друг на друга задние ряды, пытаясь окружить противника. Если клин производил атаку на фалангу, то он ее либо прорывал, — причем в таком случае противник отступал не только в месте прорыва, но, что весьма вероятно, и по всему фронту, — либо же фаланга выдерживала натиск, и тогда войска, составлявшие клин, продолжали бой, причем им не оставалось ничего другого, как возможно скорее выдвинуть вперед свои задние ряды и, раздавшись в ширину, перестроиться в фалангу.

Римский центурион стоял и передвигался в строю фаланги, занимая место правофлангового своей роты. Лишь здесь мог он выполнить все свои функции: сохранение интервалов, командование, метание залпом дротиков и вслед за тем короткую атаку. Германский хунно шел во главе своего клина; когда же несколько родов образовывали большой клин, то они стояли рядом, причем каждый род стоял (по фронту) из двух или трех рядов; перед каждым родом стоял хунно, а перед всем клином князь, окруженный своей свитой. Здесь никогда не командовали метания дротиков залпом; здесь не надо было соблюдать равномерное, установленное правилами расстояние, и атака здесь начиналась штурмовым бегом на значительно большем расстоянии. Предводитель не должен был здесь равняться по соседним отрядам и держать определенное направление. Он устремлялся вперед по тому пути или по тому направлению, которые ему казались наиболее благоприятными, а его отряд следовал за ним.

Глубокая колонна — каррэ — является первоначальной формой тактического построения древних германцев, подобно тому как фаланга — линия — является такой же первоначальной формой у греков и римлян. Обе формы, повторяю, не являются обязательно противоположными друг другу. Каррэ не должно непременно иметь столько же шеренг, сколько оно имеет рядов. Оно будет отвечать своему назначению и в том случае, если будет иметь вдвое больше рядов, чем шеренг. Такой отряд мы все еще сможем и даже должны будем назвать каррэ, так как 70 человек с каждого фланга дают ему возможность самостоятельной защиты. Этот отряд будет, по выражению Тацита, еще «повсюду тесно сомкнутым, а спереди, сзади и с боков хорошо прикрытым». С другой же стороны, нам пришлось слышать и о таких фалангах, которые были очень глубоко построены. Таким образом, эти формы переходят одна в другую, не имея определенных границ. Но это обстоятельство не уничтожает их теоретической про-

¹ Тацит, «Германия», гл. 3. «Ист.», II, 22; IV, 18; Аммиан, XVI, 12; XXXI, 7. Эд. Норден (Ed. Norden, «Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania», 1920, S. 125), мне кажется, видит слишком много таинственного в «боевой песне». Плутарх («Марий», гл. 25) говорит о боевом строе кимвров, что он был столь же глубок, как и широк. Весьма возможно, что в основе этого рассказа лежит представление о германском квадратном отряде (каррэ). Но так как относительно этого каррэ говорится, что его длина и ширина равнялись 30 стадиям (3/4 мили) и так как вообще весь рассказ пропитан сказочными мотивами, то это указание не представляется нам надежным.

тивоположности, и нетрудно вскрыть причину того, почему народы классической древности исходили из одной формы, а древние германцы—из другой, первоначальной формы.

Преимуществом фаланги перед клином являлось непосредственное вовлечение большего количества оружия в сражение. Десятишеренговая фаланга, насчитывавшая всего 10 000 человек, имела 1 000 человек в первой шеренге. Клин же глубиной в 100 человек имел по фронту только 100 человек. Если клин сразу не прорвет фалангу, то он очень скоро будет окружен со всех сторон. Фаланга в состоянии его обойти своими флангами.

С другой стороны, слабой частью фаланги являлись ее фланги. Небольшая фланговая атака могла ее опрокинуть. Такая фланговая атака могла быть особенно легко произведена конницей. Германцы обладали сильной конницей, а греки и римляне такой сильной конницей не обладали. Поэтому германцы предпочитали строиться вглубь, чтобы иметь сильные и хорошо защищенные фланги. Греки же и римляне гораздо слабее чувствовали эту потребность. Они могли смело рисковать, принимая более тонкие построения, чтобы иметь на передовой линии как можно больше оружия.

Второй причиной, усиливавшей тяготение каждой стороны к собственной ей форме построения, является то обстоятельство, что германцы обладали гораздо меньшим и худшим защитным вооружением, нежели греки и римляне с их развитой промышленностью. Поэтому германцы стремились к тому, чтобы выставить в первой шеренге лишь немногих, лучше других вооруженных воинов и пытались усилить атаку натиском из глубины, причем этому не очень вредило недостаточное вооружение воинов, стоявших внутри клина.

Наконец, клин имел еще и то преимущество, что он мог легко и быстро передвигаться по пересеченной местности, не нарушая в то же время своего внутреннего порядка. Фаланга же могла двигаться вперед ускоренным маршем лишь на очень небольшом расстоянии.

Теперь же следует поставить вопрос о том, как велико было каррэ древних германцев. Образовывали ли они одно, несколько или много каррэ и как они строились по отношению друг к другу?

Описывая сражение против Ариовиста, Цезарь пишет (I, 51), что германцы построились по родам (*generatim*), причем на одинаковом расстоянии друг от друга стояли гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седузии и свевы. К сожалению, мы не знаем численного состава этого войска (ср. том I). Так как Цезарь располагал в этом сражении 25 000—30 000 легионеров, а германцы во всяком случае были значительно слабее римлян, то их, очевидно, было не более 15 000. Таким образом, они, за исключением всадников и рассыпавшейся легковооруженной пехоты, образовывали 7 клиньев по 2 000 человек в каждом, причем некоторые из этих клиньев имели по 40 человек в ширину и в глубину. Германцы с такой стремительностью ринулись на римлян, что центурионы не успели даже скоординировать легионерам метнуть дротики залпом, так что легионерам пришлось, бросив дротики, взяться за мечи. Германцы, продолжает Цезарь, по своему обыкновению, быстро образовав фалангу, встретили натиск мечей. Я это понимаю так, что когда четырехугольным отрядам германцев не удалось прорвать боевую линию римлян (Цезарь вполне естественно описывает вторую схватку как непосредственно следовавшую за первой) и римляне проникли в промежутки между клиньями

с целью охватить их фланги, то германцы из задних рядов устремились вперед, чтобы заполнить интервалы и таким образом образовать фалангу. Конечно, это не могло произойти в полном порядке; поэтому в следующей фразе Цезарь уже говорит о «фалангах» во множественном числе; это мы должны понять в том смысле, что германцам не удалось установить одну общую боевую линию. Все это выступление вперед германских воинов из задних рядов является блестящим свидетельством их личной храбрости, так как вследствие неудачной попытки германских клиньев прорвать римскую фалангу была сломлена их главная сила, что оказалось для них в тактическом отношении весьма неблагоприятным. Но вся храбрость германцев разбилась о твердую сплоченность и численный перевес римских когорт, которые к тому же обладали преимуществом большей организованности¹.

С этой картиной, которую мы находим в описании Цезаря, вполне согласуются описания сражений у Тацита. Так он пишет («История», 4, 16), что Цивилий построил своих канинефатов, фризов и батавов обособленными отдельными клиньями, а в описании другого сражения (5, 16) у него ясно сказано, что германцы стояли не одним общим строем, но клиньями.

Благодаря своей форме германские клинья легко сжимались и не нуждались ни в каких особых упражнениях для передвижения. Когда Плутарх рассказывает о том («Марий», 19), что амброны шли в бой одинаковым шагом, отбивая такт ударами в щит, то, конечно, нельзя считать, что эта маршировка была абсолютно точной, как на параде, но вместе с тем необходимо признать, что это явление было следствием вполне естественного порыва. С другой же стороны, германцы могли с большой легкостью, не соблюдая внешнего порядка, беспорядочными толпами или совершенно врассыпную быстро наступать или отступать по лесам и скалам. Единство тактической части сохранялось у них благодаря внутренней сплоченности, взаимному доверию и одновременным остановкам, которые производились либо инстинктивно, либо по призыву вождей. От этого, как мы это уже видели, зависело все. Это гораздо важнее, чем внешний порядок, и гораздо труднее достигается в воинских частях, объединенных одной лишь чисто воинской дисциплиной, чем в естественной корпорации германского рода, находившегося под начальством своего природного вождя — хунно или альтермана. Итак, германцы не только были хорошо приспособлены к правильному сражению, но особенно отличались в боях врассыпную, в нападениях в лесу, в засадах, в ложных отступлениях, — короче, во всех видах партизанской войны.

Вооружение германцев определялось недостатком у них металла. Хотя они уже давно перешли из бронзового века в железный, но все еще не умели, подобно культурным народам Средиземноморья или даже кельтам, увеличивать в зависимости от потребностей запас металла и в соответствии с ним свободно располагать металлом при его обработке². Следует отметить, что в некотором отношении мы лучше знаем оружие германцев, нежели оружие римлян в класси-

¹ Рассказ Диона (38, 49, 50) является простой риторической картиной и не имеет поэтому никакого исторического значения.

² Согласно Кикебушу (ср. выше, стр. 21), это относится лишь к рейнским германцам. Как показывают находки, эльбские германцы были гораздо богаче железом, чем рейнские, и вообще стояли в культурном отношении выше рейнских.

ческую эпоху республики, так как германцы, так же как и кельты, погребали в могиле рядом с телом покойного его оружие, чего римляне не делали. Это дает нам возможность извлечь из земли оружие древних германцев. Древний германец и его оружие как бы составляют одно целое. Оружие германца является частью его личности. Для римлянина же оружие являлось ремесленным товаром, так же как и он сам в качестве воина являлся звеном, частицей, можно почти сказать, номером той манипулы, в которую он был назначен на военную службу управлением своего воинского округа. Поэтому германцы погребали вместе с воином и его оружие. Эту цепь мыслей можно продолжить еще дальше. Оружие в местах погребения по большей части находят в согнутом виде, т. е. оно было приведено в состояние неподности. Почему? Сперва предположили, что это делалось для того, чтобы удержать грабителей от воровства. Но это вряд ли вероятно, так как согнутое оружие легко снова выпрямить, а с другой стороны, в места погребения часто клали наряду с оружием и украшения. Причина этого скорее в том, что если человек уже больше ни на что не способен, то и его оружие делают бессильным. Тщательным исследованием и сравнительным изучением оружия, найденного в местах погребения, свидетельства римлян о вооружении германцев, правда, кое в чем были исправлены, но в основном эти свидетельства подтвердились. Римляне указывают на то, что лишь немногие воины имели панцырь и шлем; главным предохранительным вооружением был большой щит, сделанный из дерева или плетенки и обитый кожей, голова же была защищена кожей или мехом. В речи, которую Тацит («Анналы», II, 14) вкладывает в уста Германику перед одним из сражений, этот римский полководец говорит, что лишь первый ряд (*acies*) германцев вооружен копьями, остальные же имеют лишь «обожженные на конце или короткие дротики». Конечно, это было преувеличением, которое допустил оратор для того, чтобы поднять дух в своих войсках. Ведь если бы вся масса германцев действительно была вооружена одними лишь острыми палками, то, несмотря на всю свою храбрость, германцы никогда ничего не смогли бы сделать с римлянами, прекрасно вооруженными с ног до головы. Лучше осведомляет нас относительно германского вооружения Тацит в «Германии» (гл. 6), где он сперва также говорит, что германцы имели мало длинных копий и мало мечей, а затем — что их главное оружие называется «фрамой», которое он и в других местах нередко упоминает («Германия», 6, 11, 13, 14, 18, 24). Судя по описанию Тацита, это оружие было похоже на древнее копьё греческих гоплитов (тяжеловооруженных воинов). Лишь позднее мы находим у германцев в качестве боевого оружия боевой топор¹.

Неясно, каким образом сочетались в клинообразном строе длинные копья с коротким оружием. Германик в своей приведенной выше речи утешает своих солдат, указывая на то, что в лесу такими копьями не

¹ Прекрасной, широко построенной работой является исследование Мартина Яна (Martin Jahn, «Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Kossinas Mannus-Bibliothek, Würzburg Curt Kabitzsch, 1916). Для того чтобы установить характер внешних влияний на германское вооружение, автор затрагивает в своем исследовании вопросы, связанные с кельтским, а также и с римским вооружением. Щиты, найденные в погребениях, настолько легки и тонки, что они вряд ли могли выдержать сильный удар копьем или мечом. Но зато они были снабжены металлическим украшением, которое в некоторых случаях оканчивалось штифтом длиной более 12 см. Это обстоятельство, очевидно, можно объяснить лишь тем, что

так удобно пользоваться, как дротиками и мечами. Поэтому можно предположить, что длина германских копий равнялась длине сарисс и копий ландскнехтов, что нам не кажется невозможным.

Так как длинное копьё носилось двумя руками, то воин, несший такое копьё, уже не мог держать в руках щита. Поэтому мы должны предположить, что длинными копьями были вооружены латники. Стоя в первом ряду и, возможно, чередуясь с воинами, державшими щит, для того чтобы быть слегка прикрытыми их щитом, воины, вооружённые длинными копьями, образовывали голову наступающего клина. Как только эти воины могучими ударами прорывали неприятельский строй и приводили его в смятение, тотчас же вслед за ними наступали воины, вооружённые фрамами, и устремлялись в произведенный ими прорыв. Если бы не существовало такой тесной связи между длинным копьем и коротким оружием, то длинным копьем нельзя было бы пользоваться в схватке врукопашную. Даже сам копейщик должен был для продолжения и успешного окончания боя иметь при себе в качестве запасного оружия меч или кинжал.

Дело представится гораздо проще, если мы примем, что необычайная длина германских длинных копий есть не что иное, как преувеличение, допущенное в рассказах римлян и явившееся в результате сравнения этих длинных копий с коротким дротиком римлян. Если длина копья не превышала 12—14 футов (3,65—4,25 м) и его можно было держать в одной руке, что давало возможность воину в другой руке держать щит, то такое длинное копьё немногим отличалось от фрамы. Поэтому в четырехугольном отряде можно было свободно по желанию размещать воинов, не обращая особенного внимания на вид оружия.

Существенным вопросом является следующий: раз греки и римляне, равно как, позднее, средневековые рыцари, защищали свое тело хорошим предохранительным вооружением, необходимым для рукопашных схваток, то каким же образом могли германцы обходиться без такого предохранительного вооружения? Я долго придерживался той мысли, что германцы надевали на себя шкуры зверей, которые истлели в могилах. Но на многочисленных сохранившихся изображениях германских воинов мы этого нигде не видим¹. Напротив, источники говорят нам о том, что германцы не имели никакого другого предохранительного вооружения, кроме щитов. Это объясняется тем, что фаланга и легион были в большей степени приспособлены для одиночных боев, чем германский четырехугольный отряд. Этот последний предназначался для того, чтобы смять противника своей глубокой массой. Если это ему удавалось, то оставалось лишь преследовать неприятеля. Следовательно, в предохранительном вооружении нуждались, как мы это увидим позднее у швейцарцев, только внешние ряды. К тому же в бою врассыпную, который для

германцы пользовались щитом не только для пассивного парирования ударов, как римляне, но действовали им также и активно, пытаясь неприятельские удары и толчки не столько отражать, сколько отклонять, и, следовательно, сражались одновременно двумя руками. Ср. ниже в 3-й части, гл. 2-й экскурс о герулах. Ян сообщает в одном письме, что боевой топор вплоть до 200 г. н. э., как на то указывают данные погребений, не играл особенной роли. Начиная с III и IV столетий, топор встречается чаще, особенно в Лаузицких погребениях, где в то время жили бургунды.

¹ Они собраны в «Verzeichniz der Abgüsse mit Germanen-Darstellungen» von K. Schumacher. 2 Aufl., Mainz, 1910.

германцев имел, пожалуй, больше значения, чем бой в клинообразном строю, легкость в движениях была настолько важна, что ради нее германцы отказывались от всякого иного предохранительного вооружения, кроме щита.

Германцы очень широко пользовались дротиком. Замечательно то, что германцы перестали пользоваться луком и стрелами, которые им были известны еще в бронзовую эпоху и которые снова вошли в употребление лишь в III в. н. э. Источники и археологические находки в полном соответствии друг с другом ясно говорят нам об этом¹.

КЛИН

Уже в «Настольной библиотеке для офицеров» («История военного искусства», т. I, 97, 1828) описано треугольное построение и полый клин, служивший для охвата, но тут же добавлено:

«Эти клинообразные построения были скорее тактическими изобретениями и забавами, предназначавшимися для учебного плаца, нежели практическими построениями, применявшимися во время войны, для чего у нас нет соответствующих примеров».

«Вообще греки понимали под словом «клин» всякую наступательную группу, построенную больше вглубь, чем в ширину. К этому типу построения относится поэтому и наступательная колонна Эпаминонда».

Пейкер, напротив, верит в существование треугольной формы германского клина и хвалит ее за то («Немецкое военное искусство в древние времена» — «Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten», II, 237), что «она давала возможность легче менять фронт». Авторитет греческих тактических писателей, на которых он в данном случае ссылается, мы спокойно можем оставить в стороне, так как они пишут только о коннице, — равным образом и пример полета журавлей. Мнимая большая легкость поворотов, как, впрочем, и все построение, является не чем иным, как чисто доктринерской теорией.

В другом месте (II, 245) Пейкер указывает как раз наоборот, что «клинообразная наступательная колонна могла передвигаться, не нарушая своей внутренней сплоченности, лишь по твердой, открытой и ровной местности».

Вопрос о свидетельствах северных писателей подробно разобран в двух исследованиях Г. Некеля (G. Neckel, «Hamalt Fylkin. Braunes Beiträge z. Gesch. d. deutschen Sprache», Bd. 40, S. 473, 1915) и «Hamalt Fylkin Svinfylkin. Archiv foer Nordisk Filologie», Bd. 34, N. F. 80).

Некель под словом «хамальт» понимает такой четырехугольный отряд, отличительной чертой которого является сплошной ряд щитов. «Хамальт» превращается в «свинфилькинг», если перед его строем выстраивается треугольник, направленный своим острием против неприятеля. Так как мы уже убедились в том, что это острие не имело тактического значения, то я не могу себе представить, чтобы в поэтических источниках могли быть подмечены тонкие теоретические различия: стоят ли в целях более легкого и удобного руководства в первой шеренге при наступательном движении один или немногие воины, а воины следующих шеренг выскакивают из своих шеренг лишь в момент атаки и становятся рядом с ними, или же во всех шеренгах с самого начала имеется одинаковое число воинов. Даже в том случае, когда предводитель предполагал подступить к неприятелю и атаковать его треугольной головой колонны, то это все же на практике было почти неосуществимо, так как воины, выступавшие из-за второй, третьей и четвертой шеренг, едва ли смогли бы искусственно держаться на установленной дистанции от воинов первой шеренги. Дистанции между шеренгами настолько малы, что их нелегко со-

¹ M. Jahn, S. 87, 216.

хранять даже при мирных упражнениях на ровном учебном плацу; при дикой же боевой атаке, когда каждый воин делает все, что может, для того чтобы по меньшей мере не отстать от своего соседа, а, может быть, даже его и обогнать, сохранять дистанции совершенно невозможно. Гораздо ниже Некеля я оцениваю в качестве источников как Агация, так и северные поэмы вплоть до Саксона Грамматика, который из них черпает. Я остерегался даже, как это можно было видеть, устанавливать какие-нибудь тактические формы по Гомеру. Свидетельство же Агация ни в коей мере не может поколебать те указания, которые мы находим в «Тактике» Маврикия. Их даже сравнивать нельзя.

В некоторой степени противоречит моему описанию рассказ Тацита о сражении Арминия с Марбодом («Анналы», II, 45): «Войска построились, охваченные одинаковой надеждой, и не так, как это было раньше в обычае у германцев, т. е. беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами, так как продолжительная война с нами приучила их следовать за знаменами, прикрываться резервами и обращать внимание на слова полководцев». Эти слова Тацита можно понять таким образом, что германцы раньше вообще не знали никакого тактического строя, научились ему от римлян и подражали им в том, что, подобно им, выстраивали войско для сражения и прикрывали его резервами, т. е. готовились ко второму или даже нескольким сражениям.

Но, разбирая это описание, мы должны здесь учесть риторический акцент. Поэтому «древний обычай» германцев строиться «беспорядочными скоплениями или разбросанными отрядами» есть не что иное, как наступление четырехугольными отрядами клиньями, за которыми следуют стрелки и которые очень легко совершенно рассыпаются. А «войско, прикрытое резервами», мы на самом деле можем принять как подражание римским формам. Со времен Цезаря бесчисленное количество германцев — как князей, так и свободных членов общины — перебивало на римской службе, что дало им возможность основательно изучить римское военное искусство. Весьма возможно, что как Арминий, так и Марбод сочли для себя выгодным построить войско по римскому образцу. Для этой цели им достаточно было приказать, чтобы отдельные роды строились не отдельными большими четырехугольными отрядами, а двигались все в один ряд. Род или сотня были приблизительно тем же самым, что римские центурия или манипула. Таким образом, можно было образовать несколько боевых линий или один резерв. Совершенно не является противоречащим то обстоятельство, что средиземноморским народам потребовалось несколько столетий для того, чтобы достигнуть такого тонкого расчленения войска, и что германские варвары смогли сразу его перенять. Сами по себе германцы этого не смогли бы сделать, так как слишком сильна была еще сила традиционной привычки и вера в традиционную форму. Никакой личный авторитет не был бы достаточно высок, чтобы преодолеть недоверие толпы к такому новшеству, как образование боевых линий или резерва. Но так как каждый либо по личному наблюдению, либо по рассказу своих товарищей знал, каких успехов достигали римляне благодаря этим построениям, то полководец, который сделал бы такое предложение в военном совете хунни, мог легко получить всеобщее одобрение. А механически провести в жизнь эти приказы было, конечно, совсем не трудно тем хунни, которые держали в строгом повиновении свои отряды.

Таким образом можно объяснить ведение боя германцами по римскому образцу. Но мне хочется к этому прибавить, что мне кажутся очень спорными те основания, которые мы для этого извлекаем из соответствующих источников. Очень сомнительно то, что римляне располагали достоверными сведениями относительно веденного германцами сражения, и очень возможно, что мы здесь имеем перед собой лишь римскую фантазию. Во всяком случае мы здесь имеем дело лишь с эпизодическим рассказом о сражениях с батавами. Даже те германцы, которые до этого находились на римской службе, выступали в своем обычном боевом строю, а в оли-

саниях эпохи переселения народов мы опять и опять встречаем германский четырехугольный отряд, или клин. Агаций сообщает нам, — правда, в искаженной форме, — о клинообразном построении франко-алеманнского войска, находившегося под начальством Буцелина или Лейтара в сражении при Казилине (ср. ниже, часть III, гл. 4), а у Маврикия мы уже читали, что он считал четырехугольный отряд специфически германским типом построения войск.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНЫ

Тацит («Германия», 30, 31) восхваляет хаттов за их совершенно исключительные военные таланты и рассказывает, что среди них имеется много воинов, которые в течение всей своей жизни не имели ни дома, ни пашни, но живут одной лишь войной. Это описание нам кажется сомнительным, поскольку оно слишком выдвигает хаттов из среды прочих германцев. Ведь ни один исторический факт не говорит нам о том, что одно германское племя смогло когда-либо достигнуть значительно большего, чем остальные племена. Правда, они часто побеждали друг друга, так что некогда столь сильные херуски, как нам об этом сообщает Тацит, к его времени сильно ослабели. Но все же из этого мы не должны делать вывод о специфическом различии в военном искусстве, существовавшем среди германских племен, — о таком различии, которое было, например, в V в. между спартанцами и прочими эллинами. Каждый германец в каждом германском племени был прежде всего воином. Это является основным фактом, который перевешивает все остальные. Но, конечно, мы спокойно можем поверить тому, что среди всех германских племен на основе этого всеобщего воинства отдельные воины становились особенно прославленными храбрецами, бродяжничали по округам в качестве искателей приключений, разбойников и паразитов, не обзаводились семьями, не обрабатывали полей и лишь на время возвращались в свой род, а когда дело доходило до драки или сражения всегда охотно становились в первую шеренгу клина и даже иногда поступали на военную службу к римлянам. Но все же, называя таких дикарей профессиональными воинами, не следует всех остальных германцев тем самым превращать в мирных крестьян. Здесь имеется лишь различие в степени, так как все германцы были воинами.

ФРАМА

Оружие германцев описано в речи Германика (Тацит, «Анналы», II, 14) и в 6-й главе «Германии» Тацита. Но оба эти описания взаимно противоречат друг другу и потому требуют пояснений. Слова Германика «обожженные с одного конца или короткие дротики» дают очень неясное представление, и если мы даже действительно примем, что часть германцев на самом деле была вооружена деревянными «дротиками» с обожженными в огне остриями, то все же слова «или» и «короткие» не дадут ни пояснения, ни противопоставления.

В 6-й главе «Германии» говорится: «Там не имеется в избытке даже железа, что ясно видно из формы их оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями. Копья, или, по их собственному выражению, фрамы, они снабжают железными остриями, узкими и короткими, но настолько острыми и столь удобными для употребления, что они сражаются тем же самым оружием и вблизи и издали, в зависимости от обстоятельств».

«Копье с узким и коротким железным острием» есть не что иное, как древнее копье гоплитов, о котором также можно сказать, что им можно сражаться вблизи и с равным успехом его можно метать издали. Но очень неудачно в этом описании противопоставление «длинных копий» недостатку железа. Ведь большая или меньшая длина или толщина древка копья не имеет никакого отношения к его наконецнику. Очень короткие метательные копья могут быть снабжены очень длинными железными наконечниками, — как, например, римские дротики, — а очень длинные

копья могут иметь очень короткие наконечники. По этой причине Фукс (Jos. Fuchs, «Hist. Vierteljahrschr.», 1902, 4. H., S. 529) пытается перевести «lanceis» — «наконечниками копий». Правда, такой перевод исправляет нелогичность данного текста, но все же способ выражения здесь остается странным; к тому же в таком случае выпадают из текста длинные копья, существование которых вообще хорошо засвидетельствовано. Далее, поразительным является тот хвalebный тон, с которым Тацит описывает такое простое оружие, как копье гоплита, которое было для римлян самой обычной вещью, и описывает его как нечто совершенно необычайное, причем не только здесь, но и во многих других местах называет германскую фраму со священным трепетом «кровавой и победоносной фрамой»¹. Поэтому пришли к совсем другому толкованию этого места. Раскопки обнаружили относящийся к глубокой древности своеобразный инструмент, которому археологи дали искусственно придуманное название «кельт»². Кельты, сделанные из камня, бронзы и железа, имеют форму узкого топора, который приделывался к ручке не поперек, а вдоль. Таким образом, можно было кельт так насадить на ручку или на палку, что получалось копье, которое вместо острия имело лезвие. В этом оружии хотели видеть германскую фраму, и еще Иенс в своей «Истории развития древнего наступательного оружия» (Jaehns, «Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen») высказал такое предположение и его подробно обосновал. Его главным доказательством является то, что такое толкование соответствующим образом поясняет применение кельта, столь часто встречающегося и столь непонятного; далее, то, что оно согласовывает находки и историческое свидетельство, и, наконец, то, что оно оправдывает ударение, с которым Тацит говорит о фраме, как о совсем своеобразном оружии. Фрама — копье — кельт было, таким образом, оружием народа, бедного железом, который придает своему оружию такую форму, чтобы оно по возможности могло служить всяким целям и чтобы им можно было пользоваться не только как оружием, но и как инструментом. Его преимуществом являлось то, что им можно было не только толкать или ударять, но в случае нужды и метать его.

Вполне естественно, что при метании и толчке копье гораздо эффективнее, так как широкое лезвие не так легко и не так глубоко проникает, как заостренное острие, но тот человек, который в своем распоряжении, помимо копья, не имеет меча, — а его как раз и недоставало большинству германцев, — тот человек, конечно будет пытаться приспособить копье для удара, а острый край кельта как раз и дает возможность это сделать. Иенс подкрепляет свою точку зрения указанием на то, что и в других местах были найдены копья с широким лезвием, а также указанием, что это дает возможность установить связь с каменным веком. Острое боевое оружие невозможно было изготовить из камня, так как камень раздробился бы при ударе о предохранительное вооружение неприятеля. Заостренное каменное оружие годилось лишь для охоты. Следовательно, древнейшей формой каменного боевого копья было копье с широким лезвием, и эта испытанная форма еще долго сохранялась не только в течение бронзового, но и в течение железного века. Наконец, мы находим, что в одной глоссе IX в. фрама (framea) объясняется, как «плуг» («Plohn-Pflug»), что указывает на инструмент с широким лезвием, а не с острием.

В этой аргументации есть что-то подкупающее, но она все же, без всякого сомнения, неправильна. Найденные, действительно, в очень большом количестве кельты вовсе не относятся к римско-германской эпохе, а являются значительно более древними. Поэтому вовсе не требуется устанавливать какое-либо соответствие между этими находками и свидетельствами римских писателей. Хотя, действительно,

¹ Тацит, «Германия», 14.

² Изобретателем этого слова, кажется, является гуманист Конрад Кельтис, который таким образом перевел свою фамилию «Пикель» («стержень»). См. Olshausen. «Verh. d. anthrop. Gesellsch.», 1894, S. 353.

было найдено несколько кельтов, насаженных на копьевидные древка, чему Иенс придает особенно существенное значение, все же кельты могли насаживаться и на кривые бруски, что давало возможность пользоваться ими как мотыгами или топорами. Оружие с широким лезвием настолько менее приспособлено для толчка, чем оружие с острием, что совершенно невозможно, чтобы оно было предназначено для этой цели. К тому же край кельта слишком туп для того, чтобы им можно было пользоваться для нанесения ударов. Если бы кельт предназначался для ударов, то в таком случае по крайней мере на одной его стороне сделали бы соответствующее для этого лезвие. Наконец, что касается Тацита, то он в своих словах «копья с коротким и узким железным острием» пропустил бы важнейшую особенность кельта — лезвие вместо острия. Если, действительно, в других местах встречаются, как то утверждает Иенс, копья и стрелы, снабженные вместо острия широким лезвием, то они ведь могли служить другим целям и никак не могут опровергнуть явную непригодность кельта для производства толчка. А «сакс шириной в руку» (Jaens, «Die Klinge von Siegfrieds Pfeil», S. 174) может быть и иначе объяснен. Толкование слова «плуг» («Ploh») ничего не доказывает, так как древнейшее орудие, служившее для вспахивания, было во всяком случае острым, а не широким. Ср. для остальных свидетельств источников и параллельных мест рецензию Мюлленхофа на V. Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Altertumskunde: Anzeig. f. d. Altertum», Bd. 7, neugedr. i. d. Deutsch. Altertumskunde, Bd. 4 (Die Germania), S. 621. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 2, 1870, S. 347.

Таким образом, остается непоколебленным, что фрама в основном была не чем иным, как древнегреческим копьем гоплита длиной в 6—8 футов. Тацит подчеркивает как раз «короткий» железный наконечник, сравнивая его с римским дротиком. Существенной ошибкой в его описании является упоминание длинного копья. Если его выпустить, то цепь мыслей — «германцы имеют мало железа, потому они сражаются не мечами и дротиками, но копьями, которыми можно одинаково пользоваться как в бою на близком расстоянии, так и на далеком» — будет вполне естественной для римского писателя. Далее, в этой фразе Тацита очень неудачна также и логическая связь: «Это оружие столь остро и удобно, что им можно пользоваться как в бою на близком, так и на далеком расстоянии». Обе половины этой фразы должны были бы быть соединены не союзом «что», а простым союзом «и». Наконец вводит в заблуждение тон всего описания, который изображает фразу как нечто совсем особенное, в то время как она была самым простым, повседневным и широко распространенным оружием. Но все это нас не так будет поражать, если мы здесь учтем вообще хорошо известную особенность исторического стиля Тацита, которая заключается в том, что он обращает внимание не столько на самый предмет изложения, сколько на то впечатление, которое он может или должен произвести на читателя. Поэтому он стремится придать своим антитезам особенную прелесть тем, что не совсем точно заостряет друг против друга их острия.

К третьему изданию. Шуберт-Золдерн («Zeitschr. für histor. Waffenkunde», Bd. 3, S. 338, 1905) снова выступил в защиту теории Иенса, основываясь на аргументах, заслуживающих внимания. В особенности он подчеркивает то обстоятельство, что острие — каменное, бронзовое или железное — легко обламывалось; при недостатке железа, который испытывали германцы, это должно было вести к тому, что они острию предпочитали лезвие. Слово «celtis» он считает позднелатинским и переводит словом «резец».

Глава III

Покорение Германии римлянами

Когда римляне победили галлов и сделали Рейн своей границей, то они поставили перед собой задачу защищать своих новых подданных от германцев. Галлы бросились на шею Цезарю (*Cäsar an den Hals geworfen*), чтобы только не подпасть под иго этих варваров, а римское правление в Галлии началось с изгнания Ариовиста соединенными силами римлян и галлов. Но начатая здесь таким образом борьба продолжалась. Дикие германские орды все снова и снова переправлялись через Рейн. Чем пышнее расцветала новая провинция под мирной сенью мировой римской державы, тем больше она манила к себе жадных до добычи и сознававших свою силу сыновей первобытного леса. Поэтому римляне принуждены были прибегнуть к самой решительной мере для того, чтобы раз навсегда пресечь эту постоянно им грозившую опасность, и, — как ни мало влекла их к себе эта суровая и туманная страна, — римляне были вынуждены вступить в собственные владения германцев и положить конец их свободе, как это они сделали раньше по отношению к галлам.

После того как Август привел в порядок внутренние дела империи, покорил альпийские страны и отодвинул границы Римской империи вплоть до Дуная, он поручил своему пасынку Друзу, а после его смерти Тиберию дело укрощения племен, живших от Рейна до Эльбы. И тогда римляне принялись систематически выполнять эту задачу.

Хотя отдельные германские племена были слишком незначительны по своей численности и хотя даже многие племена, собравшись вместе, могли выставлять войска лишь средней численности, а когда им удавалось собрать более крупные войска, то они не умели ими оперировать (ср. в предыдущем томе «Римское военное дело, направленное против варваров»), — все же, несмотря на это, всюду, куда только ни являлись римляне, каждый мужчина был воином. Поэтому вторгаться в страну этих варваров, которые презирали не только раны, но даже смерть, римляне могли отваживаться лишь с крупными и крепко сплоченными войсками. Но снабжать продовольствием во внутренней Германии большие армии было весьма трудным делом. При незначительном количестве своих пашен страна сама по себе давала очень мало. А для того чтобы отправлять по проселочным дорогам на большие расстояния продовольственные обозы, необходимы были большие приспособления; при этом следует иметь в виду, что, за исключением мостов через топи, которые были возведены германцами с удивительной затратой труда и с необычайным искусством, в Германии не было никаких мощеных дорог. Поэтому Друз, вынужденный из-за недостатка продовольствия вернуться после своего первого похода вглубь страны, создал для своего дальнейшего продвижения вперед двойную базу. Главным складом оружия римлян на Нижнем Рейне был лагерь Ветера (Биртен) у Ксанта, расположенный против места впадения Липпы в Рейн. Липпа судоходна для небольших судов почти вплоть до своих истоков не только весной, но также и в течение некоторой части года. Поэтому Друз, продвигаясь по Липпе, основал

на том месте, где ныне стоит собор в Падерборне, форт Ализо, который должен был служить складочным пунктом (11 г. н. э.).

Было бы неправильно видеть в основании форта или крепости независимо от его размеров средство для укрощения строптивых и для установления господства над соседними племенами. Существуют такие условия и такие народы, среди которых можно устанавливать свою власть путем размещения гарнизонов и основания этапных пунктов. Это возможно именно в тех случаях, когда нет основания ожидать открытия военных действий или когда покорение страны достигло такой степени, что остается преодолеть лишь самое незначительное сопротивление. Здесь уже дело не в стратегии, а только в полиции. Но германцы представляли собой нечто совсем иное, чем современные негры, которых можно держать в повиновении на большом расстоянии при помощи даже небольших карательных отрядов, расположенных в укрепленных пунктах. В Германии такая политика римлян привела бы к печальным для них результатам. Германцев можно было покорить, лишь ведя войну в крупном масштабе. И пока германцы не были окончательно покорены, единственной задачей гарнизона крепости могло быть лишь обеспечение себя и обнесенного стенами крепости клочка земли от местного населения. И от Цезаря мы также не слышим, чтобы он в Галлии строил крепости, за исключением одного форта, который должен был обеспечивать мост через Рейн, так как крепости требуют гарнизонов, а постоянным стремлением Цезаря было никогда не разбивать своих войск, но всегда их держать вместе, для того чтобы, пользуясь безусловным численным перевесом в открытом поле, победить галлов и обратить их в бегство.

Существовало также и такое мнение, что Друз основал форт на Липпе, чтобы всегда иметь в своем распоряжении открытую и защищенную переправу через реку, и что именно по этой причине он искал место для этого форта, идя вниз по реке. Но это не является решающим соображением, так как Липпа — сравнительно небольшая река, по обеим сторонам которой идут дороги, хотя и не всегда пролегающие в непосредственной близости от берега. Несмотря на то, что вследствие болотистых берегов Липпу бывает часто трудно перейти даже на большом протяжении, все же германцы не могли и думать о том, чтобы закрыть переправу через эту реку римлянам, обладавшим многочисленными вспомогательными средствами и всегда имевшим возможность обойти неприятеля. Поэтому форт на Липпе также не мог иметь значения предместного укрепления.

Совершенно иначе будет обстоять дело, если мы на него посмотрим с точки зрения продовольственного снабжения армии. Это снабжение нуждалось в водном пути сообщения, а водный путь требовал конечного пункта, складочного места, где суда могли бы оставлять свой груз, а продовольственные обозы их принимать для дальнейшей отправки вглубь страны. Ведение войны в центральной Германии принимало совершенно иной характер в том случае, когда уже не нужно было везти с собой зерно или муку от самого Рейна, а можно было нагружать их на расстоянии 150 км по прямой линии от Рейна в верховьях Липпы и здесь снова пополнять их запасы. Цезарю не нужно было в Галлии основывать складочные пункты и отделять от легионов гарнизонные части для их защиты. О снабжении армии должны были заботиться покоренные и союзные племена, пользуясь для этой цели помощью римских поставщиков. В Германии же под влиянием необ-

ходимости римляне были принуждены отказаться от этого основного принципа снабжения. Друз основал Ализо не для того, чтобы посредством него держать окружающие племена в повиновении, так как это было бы для такой цели слишком недостаточным средством, а для того, чтобы создать твердую базу для римских военных операций

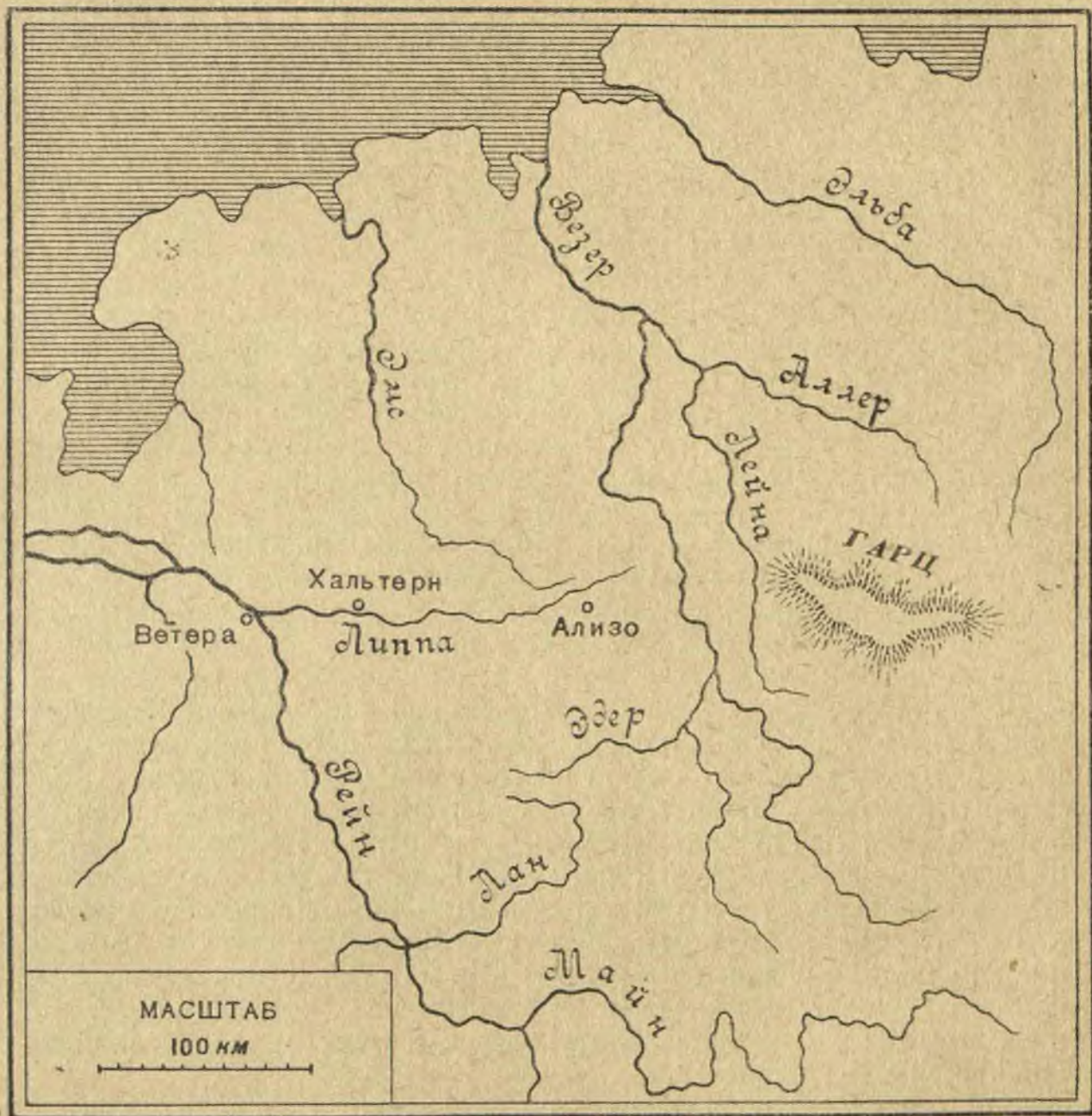

Схема 1

в центральной Германии (см. ниже специальное исследование об Ализо).

Когда же форт был построен, то естественно он стал служить и другим целям, как, например, для приемки больных, для наблюдения за страной и за людьми, для полицейского надзора в той области, на которую распространялась его власть, в качестве убежища, но все же главной и основной его целью, характеризовавшей его значение и определившей его деятельность, было служить в качестве складочного пункта, расположенного на водном пути, где должна была происходить перегрузка на сухопутный транспорт

Помимо Ализо, Друз, как говорят, основал еще 50 фортов на Рейне¹. Это на первый взгляд кажется противоречащим плану покорения Германии, так как снабжение этих 50 фортов гарнизонами потребовало бы значительной части наличных войск; а если бы удалось покорить германцев, то эти форты оказались бы уже излишними. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что когда армия отправлялась в поход, то ополчение (ландштурм) должно было занимать эти форты и охранять их в качестве убежищ для местного населения в тех случаях, когда германцы, не имея возможности защитить свою страну от римлян, пытались бы облегчить свое положение, делая диверсии в сторону этих римских фортов. Кроме того, в больших лагерных стоянках, очевидно, оставлялись части войск, участвовавших в походе, для того чтобы они могли приходить на помощь туда, где в этом встречалась необходимость. Помимо пути от Рейна по Липпе, был еще и другой путь, идя по которому войско могло достигнуть внутренних областей Нижней Германии. Этим путем было море и впадающие в него реки. Первым делом, за которое взялся Друз, после того как он принял командование над римскими войсками в Германии, было прорытие канала, соединяющего Рейн с Исселем, который должен был дать ему возможность прямо достигнуть через Зюдерзее германских берегов Северного моря. Еще и теперь существует «ров Друза» (*fossa Drusiana*), который Светоний называет («Клавдий», гл. 1) «новым и громадным предприятием»². Римская торговля в Северном море не была настолько велика, чтобы оправдать столь большие расходы, связанные с этой работой, но с точки зрения стратегии это предприятие становится понятным. Когда Тиберий совершал свой поход к Эльбе (4 г. н. э.), то у устья Эльбы сухопутное войско встретилось с флотом, который вез «громадное количество всяких вещей»³. Римские корабли достигали Ютландии, а на реках они много раз вступали в бой с германскими кораблями⁴. Когда бруктеры несколько позднее, во время войны римлян с Цивилием, захватили в качестве военной добычи преторскую галеру с тремя рядами весел — адмиральский корабль римлян, то они повезли его по Липпе, чтобы принести его в дар своей жрице и пророчице Веледе⁵. Уже Друз построил форты близ устья Везера и даже Эльбы, а для несколько более позднего времени у нас есть более надежные свидетельства о существовании римского гарнизона близ устья Везера⁶. Эти форты должны были служить опорным пунктом для военного и грузового флотов римлян⁷.

Таким образом, это тщательно подготовленное предприятие римлян увенчалось полным успехом. Уже Друз принудил прибрежные пле-

¹ Флор, IV, 12.

² Риттерлинг («*Bonner Jahrbücher*», 1096) считает, что этот канал соединял Рейн не с Исселем, а с Фехтом, впадающим в Рейн несколько ниже. Но для нас это различие не имеет никакого значения.

³ Веллей, II, 106.

⁴ Страбон, VII, 1, 3. Веллей II, 121.

⁵ Тацит, «История», V, 22.

⁶ Кроме того, для защиты провинций он повсюду поставил форты и посты — по реке Мозе, вдоль Эльбы и Везера. А вдоль берега Рейна он построил более 50 крепостей». Асбах (*Asbach*, «*Bonner Jahrbücher*», Heft 85, 1888, S. 28) вполне правильно вместо «*Mosam*» читает «*Amisiam*». Ср. Тацит, «Анналы», I, 38.

⁷ Поэтому следует считать неправильным утверждение Кеппа (Koepp, «*Die Römer in Deutschland*», S. 22), что продвижение Друза вплоть до Эльбы является лишь единственным и мимолетным ударом».

мена — фризов и хавков — признать верховную власть римлян, а Тиберий принял присягу на верность от всех племен, живших вплоть до самой Эльбы, причем дело даже не дошло до более или менее крупных боев. Эта изумительная податливость германцев, как правильно предположил Ранке, объясняется тем же, чем в свое время объяснялся тот факт, что галлы пошли навстречу Цезарю. Именно в эти годы князь маркоманов Марбод основал большое германское королевство. Простираясь из пределов Богемии, оно охватывало ряд племен вплоть до Нижней Эльбы. Для того чтобы избегнуть его власти, племена, жившие около Везера, присоединились к римлянам (в годы 11—7 до н. э.).

Сперва взаимоотношения римлян с германцами носили характер лишь свободного союза, так что римляне каждую зиму снова отводили свои войска к Рейну или к близлежащим местам. Конечно, совершенно ясно, насколько было убыточно для римлян постоянно менять место для лагеря. Германцы не могли сами на себя смотреть как на окончательных подданных Римской империи, да и римляне им настолько еще не доверяли, что остерегались оставаться на зиму среди них. Этот факт опять-таки объясняется необходимостью продовольственного снабжения.

Путешествие по Северному морю и вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе было даже летом рискованным предприятием, зимой же навигация вовсе прекращалась. Поэтому мы узнаем, что нужно было снова покорять то одно, то другое племя; лишь в 4 г. н. э. Тиберий, вторично посланный на север, повидимому, окончательно покорил эти оседлые племена. Он отважился оставить на зимовку свое войско около истоков Липпы, т. е. вблизи от Ализо.

Римляне основывали города и рынки, и германцы, казалось, привыкли к новому образу жизни, посещали рынки и вступали в сношения с новыми поселенцами (Дион, 56, 18). Уже римляне готовились покорить и германское королевство Марбода в Богемии; подвластные римлянам племена по Майну должны были служить базой для этого похода. Начать эту войну помешало римлянам большое восстание, вспыхнувшее среди также недавно покоренных племен, живших к югу от Дуная, и отвлекшее к себе римские силы на три года. Но и в это время германцы, населявшие Северную Германию, оставались совершенно спокойными.

Однако, наконец, когда римляне при наместнике Варе стали вполне серьезно относиться к своему господству в Германии, среди народов, живших между Эльбой и Рейном, вспыхнуло большое, всеобщее восстание.

ИСТОЧНИКИ

В то время как мы можем нарисовать ясную и достоверную картину характера, условий жизни и занятий германцев, мы с гораздо меньшей достоверностью можем говорить об отдельных исторических событиях нашей древнейшей истории. Это зависит от характера наших источников. Они многочисленны и подробны, но подобны блуждающим огням. Если мы были принуждены с большой осторожностью пользоваться рассказом Цезаря о покорении Галлии, ибо этот рассказ не только дает одностороннее римское освещение, но даже не может быть проконтролирован при помощи других римских источников, то гораздо хуже обстоит дело с эпохой боев римлян с германцами. Хотя мы здесь имеем не один, а несколько источников, но почти все они черпают из вторых, третьих и четвертых рук. Главный рассказ

о сражении в Тевтобургском лесу, которым мы располагаем, — рассказ Диона Кассия — написан лишь через два столетия после этого события, и даже Тацит жил на столетие позже тех походов Германика, которые он описывает. Но этот недостаток наших источников является одним из самых незначительных их недостатков, ибо наши рассказчики пользовались хорошими свидетельствами современников, а, кроме того, в лице Веллея Патеркула мы имеем хорошо осведомленного современника, которым мы можем пользоваться в качестве свидетеля. Гораздо худшим обстоятельством является то, что литература этой эпохи насквозь проникнута риторикой. Эти писатели вовсе не стремятся рассказывать о том, что было на самом деле или что данные события развертывались именно так, как это они хотят изобразить, заставив читателя верить их рассказу, но они прежде всего стремятся к тому, чтобы своим ораторским искусством произвести на читателя определенное впечатление. Мне кажется, что в тех многочисленных исследованиях, которые посвящены вопросу о сражениях Арминия и Германика, эта характерная особенность наших источников хотя и часто подчеркивалась, однако, далеко недостаточно критически учитывалась.

Объективно недостоверно не только то, о чем эти источники говорят самым определенным образом, но еще более недостоверны те выводы, которые извлекаются из их описаний, так как сами авторы, создавшие эти описания и эти ассоциации мыслей, не смотрели на них как на объективные картины реальной действительности. Сейчас мы это поясним на некоторых примерах.

Судя по рассказу Диона, который подтверждается Тацитом, нападение на войско Вара было совершено во время перехода. По Флору же, германцы внезапно вторглись в лагерь Вара, когда он в нем творил суд. Противоречие между этими двумя рассказами настолько резко, что Ранке даже думал, что здесь описаны два различных события: знаменитое описание Диона гибели легиона во время его перехода через леса и болота в дождь и грозу, очевидно, касается лишь одной отдельной части легиона, отделившейся от последнего, в то время как сам Вар на самом деле подвергся нападению в своем лагере в то время, когда он в нем творил суд. Уже Моммсен отверг предположение о таком разделении событий, ибо рассказ Флора о нападении во время судебного разбирательства есть не что иное, как риторическое преувеличение той неразумной самоуверенности, которой себя усыпил Вар и которая привела к несчастью. В этом отношении следует не только согласиться с Моммсеном, но и подвергнуть такому же критическому анализу и измерить таким же масштабом достоверность всего содержания соответствующих описаний, включая и те, которые мы находим у Тацита.

Флор пишет: «Разграбили лагерь, три легиона разбили». Но было бы неверно из этой последовательности фраз в изложении автора сделать вывод о том, что германцы сперва захватили лагерь, а потом напали на легионы.

Тацит сообщает («Анналы», I, 61), что Германик в 15 г. достиг окрестностей того места, где разыгралось сражение Вара с германцами, и что он направился туда для того, чтобы похоронить павших там воинов. Германик выслал вперед Цецину, чтобы тот произвел рекогносцировку местности в лесистых горах и построил [мосты и гати через топкие болота и зыбкие поля. Обычно это место понимают в том смысле, что путь римлян лежал через мало известную для них горную, лесистую и болотистую страну. Но все же нельзя считать невозможным, что Германик в данном случае воспользовался изъезженной дорогой, может быть, даже старой римской военной дорогой. За те шесть лет, которые протекли с того времени, когда в этой местности исчезла римская власть, вполне естественно, что эта военная дорога, насколько она вообще была замощена, пришла в запустение, а может быть, даже нарочно была разрушена германцами. Поэтому Германик должен был восстановить некоторые мосты и гати, а так как германцы находились в ближайших окрестностях, то и тща-

тельно обследовать лесистые горы, расположенные вдоль дороги. Но ничего больше, кроме этого, вывести из описания Тацита нельзя.

Тацит описывает дальше, как спутники Германика смогли еще установить ход событий: в первом лагере — по месту, соответствующему трем легионам, а в следующем месте — по меньшему числу оставшихся, по упавшей насыпи и плоскому рву. Отсюда пытались сделать вывод, что Германик шел в том же направлении, как и Вар, так как он сперва наткнулся на большой, а затем уже на меньший лагерь. Но весьма возможно, как, впрочем, было уже замечено другими, что Германик пришел с противоположной стороны и что Тацит постепенно развертывает свой рассказ лишь для того, чтобы усилить производимое им впечатление.

Дион пишет (56, 18), что германцы заманили Вара от Рейна к Везеру. Отсюда пытались сделать тот вывод, что заговор германцев был давно подготовлен и что германцы хитростью уговорили Вара разбить лагерь в глубине их страны. Но ничто не мешает нам объяснить это как гиперболическое изображение притворства и лукавства германцев, которые усыпили бдительность римлянина. Если бы он не доверился германцам, то он не отодвинул бы лагерную стоянку до Везера.

Каждый из этих отдельных, из разных мест выхваченных примеров сам по себе довольно ясен, но все же эти примеры не дают правильной картины положения вещей. Все еще остается склонность считать достоверным каждый отдельный факт, описанный в сохранившихся рассказах, до тех пор пока против него не будет сделано основательных возражений, — в особенности по отношению к такому историку, как Тацит, которого никак нельзя лишить крупного авторитета. Но чтобы правильно понять источник, необходимо прежде всего с крайним недоверием относиться к каждому факту, — даже в том случае, когда он на первый взгляд совсем не кажется подозрительным.

Если мы сомневаемся в достоверности отдельных частных фактов, то это еще не означает, что мы отвергаем всего историка. Нужно ясно понять, что все имеющее для нас одно значение имеет совершенно иное значение для римлянина. Римлянин стремится лишь к тому, чтобы произвести своей характеристикой как можно более сильное впечатление, отдельные же факты играют для него значительно меньшую роль. Мы же обращаем особенное внимание именно на эти отдельные частности, потому что при помощи их мы хотим установить новую и своеобразную связь, о которой Тацит даже и не думал.

Чрезвычайно полезно уяснить практическое значение этого противопоставления на одном примере, заимствованном из новейшей историографии. Хотя аналогия и не является доказательством, она все же дает некоторое мерило. Тот, кто работает в области древней истории, где так трудно себя контролировать, должен, если он только хочет быть осторожным, постоянно проверять правильность своих мерил и своих масштабов на примерах из новой истории.

Одним из самых блестящих образцов современной историографии является описание сражения при Belle Alliance, принадлежащее перу Трейчке («История Германии»).

Но если бы не сохранилось никакого другого источника, то было бы чрезвычайно трудно, даже почти невозможно, пользуясь лишь этим описанием, извлечь из него или реконструировать всю реальную цепь событий. Все внимание Трейчке обращено на то, чтобы охарактеризовать личности, народы и воинов, которые здесь сражались, и вызвать в представлении читателей отклик, достойный этих грандиозных событий, произвести на них как можно более сильное впечатление. При этом отдельные события и их связь становятся для него чем-то второстепенным, на что он обращает уже меньше внимания. И ради психологических взаимоотношений отодвигается хронологическая связь, этот важнейший остов фактической связи событий.

Оборонительная позиция Веллингтона характеризуется именем прилагательным «крепкий», «укрепленный» (*fest*), но следует остерегаться понимать это слово в его техническом значении, ибо оно здесь применено лишь в смысле степени.

«Вдоль фронта шла глубоко врезанная, окаймленная изгородами поперечная дорога». Но это касается лишь небольшого участка фронта.

Когда пруссаки начали свою атаку (в половине пятого), Веллингтон ввел в сражение все свои резервы «вплоть до последнего человека». Если это понимать буквально, то это абсолютно неправильно. Веллингтон еще в 8 часов вечера располагал совершенно нетронутой дивизией (Шассэ) и одной очень мало использованной (Клинтон). Такая фраза вполне допустима, если признать, что ее целью является изобразить, какого колоссального напряжения стоило Веллингтону удержать свои позиции, — одним словом, если эту фразу понять символически. В этих словах содержится явное преувеличение, так же как и в словах «укрепленная» позиция или «глубоко врезанная, окаймленная изгородами поперечная дорога, шедшая вдоль фронта». Но если эти слова понять буквально, то будет совершенно непонятно, каким образом английская боевая линия могла вечером выдерживать натиск старой гвардии Наполеона.

В 1 час пополудни главная масса прусской армии должна была находиться на высотах Сен-Ламбер. Сен-Ламбер находится лишь на расстоянии 0,75 мили от окраины поля сражения. Если главная масса прусской армии находилась уже в 1 час дня на этом месте, то было бы также непростительно и непонятно, что Блюхер так поздно вступил в бой.

Описав неудавшуюся атаку императорской гвардии на английские позиции, автор продолжает свое повествование следующими словами: «В это время Блюхер уже нанес тот удар, который решил участь наполеоновской армии и привел ее к гибели, а именно — взял приступом Плансену».

Тот, кто будет филологически истолковывать фразу «в это время Блюхер уже», должен будет притти к тому выводу, что Плансену было взято в то время, когда англичане и французы еще сражались между собой. К такому выводу надо будет тем более притти на основании раньше сказанного, что еще до атаки, произведенной французской гвардией, батареи прусского корпуса Цитена «на далеком расстоянии обстреляли настильным огнем правый фланг противника» и что «вплоть до центра расположения французских войск распространилась страшная весть, что на правом фланге все проиграно».

Если бы мы случайно узнали из другого источника, что Плансену было взято пруссаками в 6¹/₂ часов, тогда как атака императорской гвардии была произведена лишь в 8 часов, то всякие сомнения в истинности этого факта, казалось, должны были бы исчезнуть. На самом же деле Плансену после первого занятия его пруссаками было у них снова отнято французской гвардией (все эти перипетии пропущены у Трейчке), и этот второй захват Плансену произошел лишь после неудачной атаки французской гвардии против англичан. Так как Плансену находилась целиком позади французской боевой линии, то, если бы рассказ Трейчке был правильным, оставалось бы совершенно непонятным, каким образом французская армия могла избежать того, чтобы быть отрезанной и взятой в плен.

Эта историографическая ошибка, повидимому, произошла от того, что единственной целью автора было изобразить как можно ярче момент решительного поворота в ходе сражения, причем достойным образом осветить участие в этом событии Пруссии. Реальная связь тактических моментов его гораздо меньше интересует, поэтому он пользуется словами «в это время... уже» лишь как обстоятельствами времени или простыми союзами, совершенно не давая себе отчета в том, какую цепь событий он этим конструирует в своем описании.

Трейчке ни в коем случае нельзя считать неточным историографом. Напротив, он тщательно и критически изучил все источники и обратил должное внимание

также и на отдельные факты. Но к тактической стороне дела он проявляет мало интереса. Его взгляд не затрагивает этой стороны, и именно поэтому столь поучителен приведенный пример его описания сражения. Ни один из источников, повествующих о германо-римских войнах, нельзя сравнить с Трейчке по точности передачи фактов. Напротив, риторический момент проявляется в них гораздо сильнее и необузданнее, причем под словом «риторика» мы здесь вовсе не должны понимать один лишь «словесный треск». Хотя риторика в действительности очень часто снижалась до чисто внешних украшений речи, все же мы полагаем, что здесь она была тем, чем она должна была бы быть на самом деле, т. е. подлинным искусством речи, выражающей сильное внутреннее чувство, пафос рассказчика.

Но ни в коем случае не следует обобщать этого наблюдения и говорить о недостоверности всех исторических свидетельств. Существует много разных видов историографии, которые необходимо отличать друг от друга. Рассказы Геродота, Ксенофонта, Полибия и Цезаря также имеют свои ошибки, но это совершенно иного рода ошибки, происходящие от иных причин, нежели ошибки Трейчке или Тацита. Ни один из этих историков не сделал бы тех ошибок, которые мы вскрыли в описании Трейчке сражения при Бель-Альянс, но для нашего способа восприятия эти ошибки являются основными. Для Трейчке же, для которого все сводилось к характеристикам и к силе впечатления, эти ошибки, — как, впрочем, и для его читателей, — являются чем-то второстепенным. С тех пор как описывается это сражение, я являюсь, может быть, первым критиком, который натолкнулся на такого рода ошибки и их отметил, так как мы, к счастью, все еще привыкли смотреть на эту книгу, как на произведение искусства, а не как на «источник». Мы ничуть не уменьшим всей своеобразной ценности Трейчке и Тацита, если будем скептически подходить к каждому отдельному обороту в их рассказах и устанавливать возможность того, что из них выпали не только отдельные связующие звенья, но и целые крупные соотношения событий.

До настоящего времени исследователи, подвергавшие Тацита в качестве исторического источника критическому анализу, исходили из того основного положения, что описание Тацита является правильной и надежной картиной событий, которая нуждается лишь в правильном и точном истолковании, в крайнем случае лишь в некоторых добавлениях и исправлениях. Я же утверждаю, что совершенно неправильно извлекать из его риторических образов и сочетаний фраз, подвергая их истолкованию, подлинные события и факты и что, напротив, можно с самого начала быть вполне уверенным в том, что он в гораздо большей степени, чем Трейчке (в его описании сражения при Бель-Альянс), нуждается в дополнениях и исправлениях для того, чтобы ясно выступила причинная связь событий.

РИМСКИЙ ПОСТ У УСТЬЯ ВЕЗЕРА

Друз, по свидетельству Флора (IV, 12), построил укрепления также на Везере и на Эльбе. Тацит («Анналы», I, 28) рассказывает нам, что во время большого восстания римских солдат в 14 г. бунтовал также и гарнизон крепости Вексиллары в стране хавков. Здесь, очевидно, идет речь о крепости, построенной Друзом на Везере, а именно — у устья этой реки.

Хавки, как это принято считать, жили по обоим берегам Везера вплоть до Эмса. Мух же в своей работе «Родина германских племен» («German. Stammsitze», S. 54) вполне обоснованно предположил, что амписварии жили на Нижнем Эмсе. Если это даже неправильно и если область хавков начиналась от правого берега Эмса, то все же римская крепость находилась, наверное, не здесь, а близ устья Везера. Если мы примем, что римская крепость была расположена близ устья Эмса, то она должна была находиться на левом берегу и, следовательно, не в области хавков, а в области фризов. Правый берег был бы чрезвычайно опасным

местом для крепости и постоянно требовал бы принятия мер предосторожности, причем из такого расположения нельзя было бы извлечь никакой пользы, так как здесь, наверное, не было никакого прочного моста. Крепость «у хавков» имела смысл лишь при устье Везера, может быть, на дюнном острове. Именно здесь, если только римляне серьезно относились к установлению своего господства в области Везера, необходимо было создать укрепленный пункт.

Глава IV

Сражение в Тевтобургском лесу

История военного искусства, как таковая, непосредственно не заинтересована в точном установлении места сражения в Тевтобургском лесу. Если мы и касаемся этого вопроса, который столь часто подвергался изучению, то все же центр тяжести нашего исследования лежит не в топографической проблеме, а, наоборот, в установлении общих стратегических условий римско-германской войны, которые в свою очередь должны послужить компасом при поисках этого места сражения.

Сперва мы должны установить местонахождение летнего лагеря Вара.

Мы уже установили, что базой римлян было с одной стороны море, а с другой — водный путь р. Липпы с укрепленным пунктом Ализо. По ту сторону Ализо они должны были пересечь горный кряж Оснигт, который отделяет бассейн Рейна от бассейна Везера.

Следующим ближайшим этапом был Везер, который находится в 50 км по прямой линии от Ализо. Совершенно не имело бы никакого смысла делать еще одну остановку в гористой местности, находящейся между Ализо и Везером. Но, разбив лагерь на берегу большой реки, можно было господствовать над областями, лежащими по верхнему и нижнему течению этой реки, и в то же время получать по воде хотя бы часть столь необходимого здесь фуража, дров и дополнительного провианта, доставлявшегося германцами (дичь, сыр, молоко, рыба). Таким образом, опорный пункт римлян должен был находиться на берегу Везера в таком месте, которое было бы возможно ближе к Падерборну (Ализо). Вполне естественно, что эти два пункта должны были быть расположены так, чтобы между ними можно было поддерживать постоянную связь.

Вследствие того, что Везер в своем среднем течении описывает как бы полукруг, все пункты между Беверунген и Реме находятся приблизительно на одинаковом расстоянии от долины Липпы. Таким образом, Липпа еще не дает нам возможности определить местоположение римской стоянки на Везере. Римлянам, находившимся на Везере, было так же важно поддерживать связь с Северным морем, как и с Липпой. Близ устья Везера, в области хавков, находился римский гарнизон, который продержался там даже после поражения Вара, вплоть до 14 г. Учитывая эту необходимость установления связи с Северным морем, мы обязательно должны прийти к тому выводу, что изо всех пунктов на

Везере, находящихся на одинаковом расстоянии от Ализо, лишь самый северный мог быть местом расположения лагеря, ибо лишь он давал возможность установить самую быструю связь как с Ализо, так и с устьем Везера.

Этим пунктом являются Вестфальские ворота (Porta Westfalica), у южной части которых лежит деревня Реме, а близ северной находится город Минден. Расстояние от Ализо до Реме равняется по прямой линии приблизительно 7 милям (около 50 км); дорога проходит через горную цепь Оснинга по глубокой, издавна видной до-

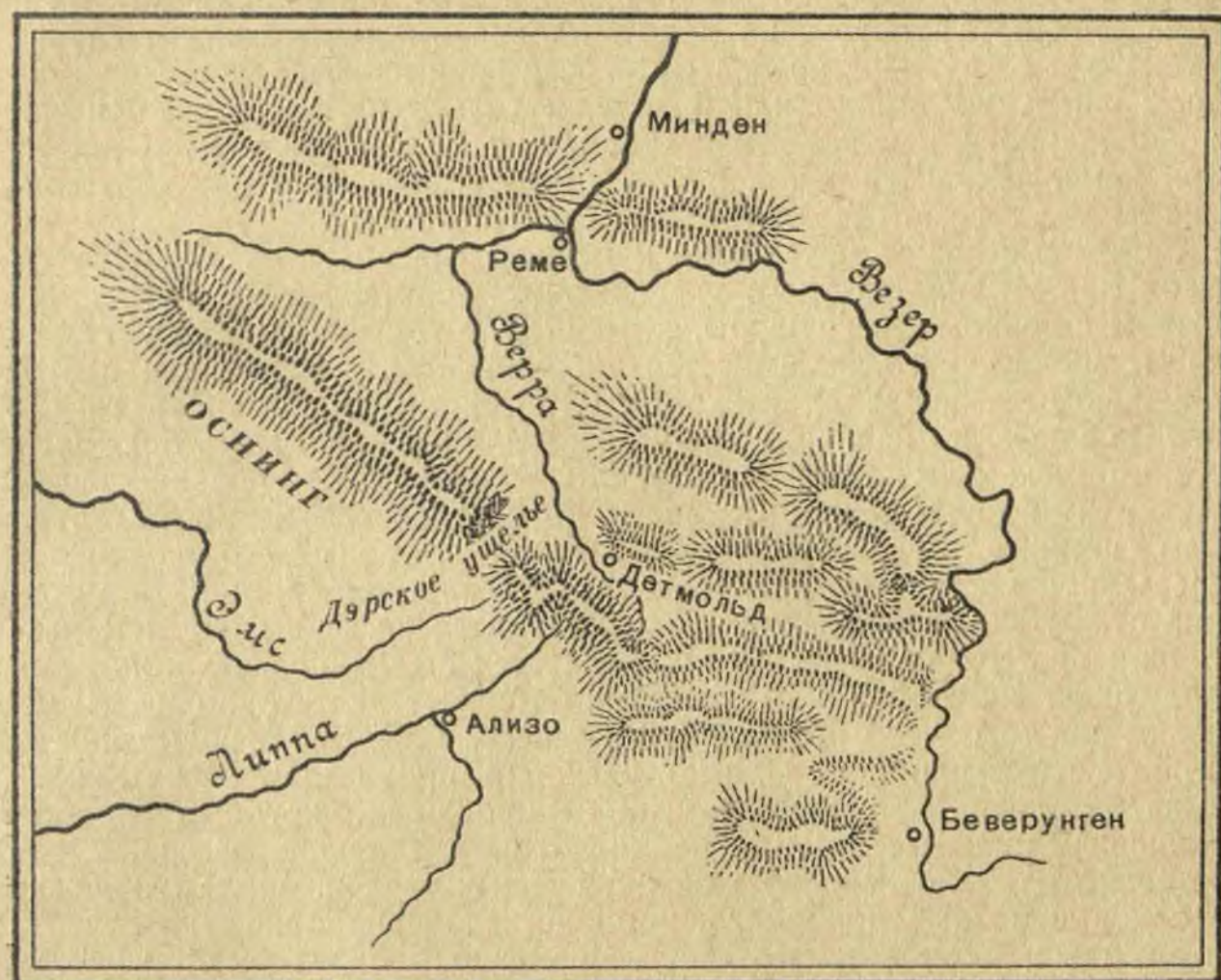

Схема 2

лине, получившей название Дэре (Тюре), или Дэрского ущелья. Именно по этому ущелью с древнейших времен проходила дорога. Направление этого пути показывают многочисленные курганы, которые отчасти сохранились до нашего времени, а несколько десятков лет тому назад были еще в гораздо большем количестве. Они тянутся от долины Верры через Дэрское ущелье вплоть до Ализо, обходя вдоль по горам глубоко лежащие долины родниковых ручьев Сенны. Обычай воздвигать курганы вдоль военного пути восходит к глубокой древности. Римляне могли воспользоваться лишь этой дорогой, чтобы проникнуть из долины Липпы в северогерманскую низменность.

У Вестфальских ворот скрещиваются два стратегических направления, открывавших римлянам доступ во внутреннюю Германию. Здесь находилось самое удобное место для лагерной стоянки, опираясь на которую можно было господствовать над областью Везера.

Здесь можно было поддерживать двойную надежную связь с основной базой, причем римляне находились в центре тех народов, которых они должны были держать в повиновении. Отсюда они могли оперировать вверх и вниз по Везеру, пользоваться рекой для наиболее легкой доставки продовольственного снабжения и, построив крепкий мост через реку, по мере необходимости продвигаться по правому или левому берегу. Уже давно было высказано предположение, что лагерь Вара находился в этом месте, и, конечно, нет никаких сомнений в том, что он именно здесь и находился. Но точное место его, несмотря на неоднократные обследования, до сих пор не найдено. Лагерь мог лежать и выше и ниже Вестфальских ворот, на правом или на левом берегу реки. Но в те времена на правом берегу реки не было дороги: здесь скалы вплотную подходили к воде, и только в XVII и в XVIII вв. пробили дорогу, взорвав эти скалы. Но на левом берегу выше ворот, близ Реме, находится такое место, которое кажется специально созданным для того, чтобы быть местом римского лагеря.

Сама Реме лежит в ложбине и поэтому не представляет никаких выгод для устройства здесь укрепленного пункта. Но на противоположном северном берегу Верры, в том углу, который она образует с Везером, впадая в него, возвышается широкий холм, — небольшое плато, получившее название «Ханенкамп» («Петушиный питомник»), соединяющее в себе все необходимые условия для разбивки здесь большого лагеря римских легионов. Две стороны — южная и восточная — защищены этими двумя реками; к северу, по направлению к Воротам, этот холм понижается, и лишь с западной стороны его соединяет с остальной местностью седловина. Собственно говоря, лишь эта сторона открыта для нападения. Холм находится на таком близком расстоянии от берегов обеих рек, что является по отношению к ним командующей высотой и в то же время оставляет достаточно места кораблям для того, чтобы приставать к берегу, и даже дает возможность устроить здесь пристань. Однако, раскопки, произведенные на Ханенкампе, показали, что здесь, — если не произошло крупных перемен в конфигурации местности, — не могло быть римского лагеря. Здесь не только не было найдено никаких прямых следов, вроде глиняных черепков или тому подобного, но и исследование поперечных рвов, которые так проходят, что они непременно должны были пересечь римские лагерные рвы, показало, что земля здесь никогда глубоко не разрывалась. Впрочем вместо этого раскопки обнаружили здесь также нечто интересное: первую древнегерманскую деревню, маленькие отдельно расположенные землянки, как их описывает Тацит, в которых еще сохранились остатки обуглившихся угловых бревен, торчащих в отверстиях косяка.

Если лагерь Вара не находился на Ханенкампе, то его следует искать лишь ниже Ворот. Конечно, это место, имея позади себя дефиле Ворот, было менее защищено, но зато более удобно и более внушительно с точки зрения быстрой обороны, а дефиле можно было защитить фортом, расположенным на горе Виттекинд, — там, где теперь стоит памятник. Но и здесь не удалось обнаружить какой-либо след, а потому вполне вероятно и, пожалуй, даже несомненно, что эти следы навеки стерты; очевидно, на месте древнего лагеря теперь находится город Минден, так же как и на месте Ализо — современный город Падерборн. Ведь вполне естественно, что те места, которые казались римлянам удобными для поселения, были использованы для этой же цели

и в позднейшие времена и что над римскими поселками здесь были построены деревни или города. Поэтому так трудно обнаружить теперь древние поселения. Римляне построили в Германии по крайней мере полсотни крепостей и лагерей, но очень немногие были теперь найдены.

Несмотря на то, что римлянам удалось установить твердую двойную связь со своим лагерем у Ворот, они все же не решались оставаться здесь, на Везере, на зиму и поэтому либо возвращались к Рейну, либо к Хальтерну на Липпе, где были обнаружены остатки большого лагеря. Таким образом, лагерь Вара был лишь летним лагерем. Даже если предположить, что римляне тотчас же принялись за улучшение дороги, то все же эта дорога проходила через девственный лес, горы и ущелья. Большое же войско, нуждавшееся в постоянном подвозе, безусловно должно было зимой иметь надежную связь со своей основной базой.

Вар находился в своем летнем лагере, когда ему сообщили, что восстали племена, жившие на довольно далеком расстоянии. Для того чтобы их усмирить, он двинулся со всем своим войском, за которым следовал большой обоз, состоявший из женщин, детей, рабов и вьючного скота. Этот обоз, сопутствовавший войску, совершенно определенно указывает нам тот путь, по которому шло войско. Совершенно невероятно, чтобы Вар, хотя он и был посредственным полководцем, мог вести за собой такой обоз, углубляясь на далекое расстояние в германские леса. Было довольно трудно передвигать и снабжать войска во внутренних областях Германии. Поэтому необходимо признать, что всякий римский полководец должен был ограничить свой обоз лишь самым необходимым. Можно себя, пожалуй, спросить, не впадает ли в риторику или в преувеличение наш источник, описывающий те трудности, которые испытывало во время этого похода войско, обремененное громоздким обозом. Но вся цепь фактов с несомненностью подтверждает реальность этого похода. Твердо установлено, что сражение произошло осенью. Вар, без сомнения, не предполагал вернуться на зиму к лагерю близ Ворот. Поэтому он был принужден покинуть лагерь, забрать с собой весь обоз, и этот обоз занимает такое крупное место в описании сражения, что здесь исключена возможность какой-либо фикции. То же обстоятельство указывает, что Вар должен был пойти именно по большой дороге, ведущей к Липпе, к Ализо. Весьма возможно, что то племя, против которого была предпринята эта карательная экспедиция, жило как раз в этом направлении, к югу или к западу от Ализо. В противном случае, — полагая, что он находится в дружеской стране, — он, конечно, отправил бы обоз с небольшим прикрытием в Ализо, а сам со своими легионами тотчас же выступил бы в поход, ибо для небольшой экспедиции его войско было достаточно снабжено продовольственными и боевыми припасами. Совершенно безразлично, против кого выступило войско — против бруктеров, марсов, хаттов или какого-нибудь иного племени. Тот путь, по которому войско шло со своим обозом, для нас совершенно ясен. Но именно этот путь ускользнул от внимания многих исследователей, так как Дион пишет, что римляне должны были пройти через горы, покрытые лесами, через ущелья и по неровной пересеченной местности, где они еще до неприятельского нападения принуждены были тратить много времени на прокладку пути, рубку леса и постройку мостов. Но было бы неправильно из этого описания сделать

тот вывод, что этот путь лежал через абсолютно дикую местность. Нельзя одновременно прокладывать дорогу и сейчас же вести по ней войско. Нужны часы для того, чтобы срубить большое дерево и построить мост. Если необходимо отправить войско через девственный лес, то следует выслать вперед отряд, чтобы освободить или построить дорогу, в то время как все остальное войско принуждено расположиться на отдых или на стоянку. В зависимости от того, как продвигается работа по постройке дороги, войско может передвигаться небольшими переходами, по несколько километров. Поэтому описание Диона во всяком случае является сильным преувеличением, и из него совершенно неправильно делали тот вывод, что римское войско шло без дорог, тем более что войско — это необходимо помнить — сопровождалось необычайно крупным обозом.

Но если мы, учитывая в этом описании элемент риторического преувеличения, будем стараться не развивать его дальше, а, наоборот, сократить его в нашем рассказе до минимума, то мы скоро убедимся, что здесь описан именно путь на Ализо. Местность к югу от Реме — Липпская страна, «Глиняный округ» («Lehmgau», Lemgo) — со своей тяжелой глиняной почвой была в то время, без сомнения, покрыта первобытным лесом, и даже теперь еще здесь отчасти сохранились дремучие леса. Дорога шла не по долине Верры, в которой слишком много болот, но прямо на юг через холмистую местность, пересеченную ущельями. Сильная непогода, дождь и ураган настигли войско в пути, размягчили почву и сделали ее топкой. Не следует думать, что это была хорошая, содержавшаяся в порядке римская военная дорога; это была простая лесная дорога, которую римляне слегка подправили, построив кое-где мосты, укрепив ее насыпями и местами отведя воду. Прочной постоянной дороги за время своего краткого господства им не удалось провести даже в долине Липпы, а здесь тем более¹. Дожди сделали в некоторых местах дорогу трудно проходимой, так что приходилось ее то здесь, то там огибать и для этой цели местами срубать деревья. Буря разламывала мосты, сбрасывала на проходившее войско обломанные ветки и даже обрушивала на них целые деревья. Кроме того, и германцы поломали много мостов, стремясь по возможности задержать войско.

Хотя Вар и был предупрежден Сегестом, однако, особенных мер предосторожности он не принял: солдаты не были готовы к бою, обоз же был довольно беспорядочно разбросан между отдельными войсковыми частями. Германцы внезапно выступили из леса и всей своей массой обрушились на длинную колонну римских войск.

Судя по римскому рассказу, восстание, которое должен был усмирить Вар, было планомерно организовано германскими заговорщиками. План будто бы состоял в том, чтобы отвлечь Вара в сторону от хорошей военной дороги и заманить его в местность, особенно удобную для внезапного нападения.

Но это похоже на страничку из романа. В Германии всюду были местности, удобные для нападения, и, конечно, совершенно невыполнимой стратегемой было бы завлечь неприятельское войско в опре-

¹ Нас теперь поражает то обстоятельство, что дорога проходила по горам, а не по долине. Но древние дороги, как правило, почти всегда проводились именно таким образом. Римские помильные камни, сохранившиеся до наших дней, являются лишь со времени Траяна.

деленное отдаленное место и к моменту прохождения этим войском данного места сосредоточить там тайно свои силы. Помимо всего этого не могло быть лучшего места для проведения в жизнь плана Арминия, чем обычная дорога, ведущая от Вестфальских ворот к Ализе.

Если заговорщики действительно имели какое-либо отношение к данному восстанию и действовали согласованно с восставшими, то, конечно, для наилучшего достижения своей цели они должны были бы не заманивать римлян в определенную местность, а скорее пытаться открыто собрать и привести к римлянам свои войска под тем видом, что они собираются сопутствовать римлянам, чтобы оказать им помощь.

Римское войско состояло из трех легионов, шести когорт вспомогательных войск и трех эскадронов (Alen) конницы. При этом источники определенно указывают, что войско было значительно ослаблено выделением из него частей для занятия отдельных фортов, прикрытия транспортов, карательных экспедиций и экзекуций и преследования разбойников. Однако, не совсем ясно, было ли произведено это ослабление за счет легионов или же им следует объяснять незначительное количество оставшихся при войске вспомогательных войск. Поэтому единственное, что мы можем сказать, это то, что войско насчитывало во время сражения от 12 000 до 18 000 бойцов и что Вар пытался его усилить, произведя набор вспомогательных германских войск в соседних областях специально для предстоявшего похода. Именно эти мнимые союзники и обратили внезапно свое оружие против своих господ, напав на римское войско, бывшее в пути и шедшее в большом беспорядке.

Войско насчитывало со всем своим обозом от 18 000 до 30 000 человек. Учитывая ту низкую дисциплину, которая в нем царила во время похода, мы считаем, что оно должно было растянуться приблизительно на 2 мили. Римляне подверглись нападению, когда голова колонны после перехода в 2—2½ мили находилась у «черной топи» близ Херфорда, в районе Зальцуфельн-Шеттмар.

Лишь только раздался крик, возвещавший нападение германцев, голова колонны, вполне естественно, тотчас же остановилась. Римляне выбрали подходящее открытое место и разбили здесь окруженный рвом и валом лагерь, в который постепенно собрались подходившие части и колонны. Весьма возможно, что создавшееся положение должно было заставить Вара обсудить план возвращения в покинутый летний лагерь, который, понятно, давал возможность лучше организовать оборону. Может быть, в этом лагере был даже построен род крепости и в ней оставлен на зиму гарнизон. Но так как не было возможности снабдить этот гарнизон достаточным продовольствием для долгой осады, то германцы могли завладеть летним лагерем, а обратный путь был не менее опасен, чем путь вперед. Поэтому Вар приказал сжечь весь лишний обоз и, приведя свое войско в порядок, двинулся вперед к своей цели — к Ализе — более дисциплинированным маршем, чем в первый день. Приведение войска в надлежащий порядок, отбор и уничтожение лишнего обоза должны были потребовать некоторого времени, так что войску удалось выступить лишь довольно поздно. Теперь пришлось идти по открытому полю, но все же не обошлось без некоторых потерь. Однако, из факта, что римляне вообще могли еще продвигаться вперед, мы можем сделать тот вывод, что натиск германцев был еще довольно слаб и что они рас-

полагали незначительной конницей. Источники вообще ничего не говорят о всадниках, тем не менее всадники должны были здесь быть. Ведь германцы были как раз сильны своей конницей, а римляне, со своей стороны, располагали тремя эскадронами кавалерии. Если бы среди германцев не было всадников, то они не могли бы подойти к римскому войску, так как римские всадники могли бы их всегда отогнать. Если же, с другой стороны, германцы обладали бы значительной конницей, то римляне не смогли бы продвигаться вперед, так как войско не может одновременно идти вперед и сражаться. Это нам ясно показало сражение при Каррах (т. I, стр. 356) и сражение при Руспине (т. I, стр. 433). По этой же причине атака германцев в первый день была еще очень слабой; германцы лишь нащупывали своего противника, в противном случае длинная и беспорядочная колонна не смогла бы выйти из леса.

Двигаясь на второй день осторожно, тесно сомкнутыми рядами, римляне могли лишь медленно продвигаться вперед, а напоследок они снова вошли в лес, где войска были затруднены в своем свободном движении.

Даже теперь в этой местности часто перемежаются леса и открытые места. У Зальцфельна кончается глина и начинаются пески и болота, на которых уже не может расти преобладающий в этих местностях буковый лес. Лишь кое-где на этой почве держатся дубы. Сосновые леса, растущие теперь здесь на большом протяжении на песчаной почве, все позднейшего происхождения. Таким образом, у Зальцфельна начиналось открытое поле, через которое должны были пройти римляне. Перед самым Оснингом возвышаются небольшие холмы из раковинного известняка, окруженные песками и идущие параллельно горной цепи. Нет никакого сомнения в том, что в те времена они были, так же как и вершины гор, покрыты лесом. Мы вполне можем предположить, что римская армия после хорошего двухмильного перехода приблизительно к вечеру подошла к этому лесу и к Дэрскому ущелью и здесь узнала, что проход закрыт германцами и ими занят. Римляне должны были бы бросить все свои силы на штурм ущелья, чтобы пробить заставу, так как число германцев непрерывно возрастало, а ночь дала бы им возможность соорудить искусственные преграды на пути римлян. Но для того, чтобы штурмовать ущелье, необходимо было произвести обход с фланга, который требовал некоторой затраты времени. Помимо того, нельзя было начать сражение, не обезопасив невооруженную часть войска каким-либо укреплением.

Нельзя себе представить, чтобы можно было тесно сомкнутыми рядами, защищаясь, насколько это было возможно, и не обращая внимания на потери, взять штурмом горное ущелье. Если римляне уже понесли большие потери в течение этого дня во время своего перехода через открытое поле, то нельзя было даже думать пройти через горный проход, так как холмы с обеих сторон были заняты германцами. Пройти можно было, лишь начав правильное сражение, которому не мешали бы невооруженные спутники войска. Ведь нужно было выбить врага из прохода, чтобы тотчас же быстро через него пройти, раньше чем противник успеет зайти в тыл. Поэтому Вар решил снова разбить лагерь, чтобы на следующий день пробить себе путь через ущелье.

Лишь очень краткий рассказ сохранился о том сражении, которое здесь разыгралось на третий день. Но уже по опыту изучения Марафонского сражения мы знаем, что если известно, как были вооружены и как сражались войска, то местность является настолько важным и красноречивым свидетельством, характеризующим сражение, что можно сделать попытку восстановить общий ход сражения, хотя результат его нам известен и не подлежит никакому сомнению.

Дэрское ущелье в своем самом узком месте образует узкий глубокий проход в горах Оснинга шириной около 300 шагов. Горы состоят из кремнистого известняка, окаймленного с двух сторон песчаными дюнами. Само Дэрское ущелье внизу покрыто глубоким слоем песка, на котором в то время не было деревьев. Дорога проходила не по середине ущелья, не по этому песчаному грунту, а по двум сторонам, по склонам гор. Дюнные холмы перед ущельем и внутри него по большей части покрыты вереском; кое-где встречается глина. В ущелье, которое образует водораздел, течет в северном направлении маленький ручей. Здесь также попадаются болота и топи.

Как ни широко ущелье, но вследствие такого строения почвы в него все же довольно трудно проникнуть. Приходится идти либо по глубокому песку, либо по грудам его. Весьма возможно, что уже в первый день Арминий поставил людей на работу, заставив их рубить деревья и в узких местах ставить засеки.

Мы можем поверить римлянам в том, что они направили свой удар на ущелье не только с фронта, но пытались также пройти через горы и обойти ущелье, что вполне возможно, так как горы повсюду открыты доступу. Им удалось, как то повествует сохранившийся рассказ, взять штурмом первые дюнные холмы у входа в ущелье и сбросить вниз германцев. Но за этими холмами возвышались все новые и новые холмы. От края холмов до узкого места ущелья приблизительно $1\frac{1}{2}$ км. И чем больше продвигались вперед римляне, тем больше они открывали свои фланги атакам германцев, спускавшихся с высокого гребня гор. В том-то и заключалась военная мощь германцев, что они могли вступать в бой с тяжеловооруженными римскими голплитами то сомкнутым отрядом, несмотря на свое незначительное предохранительное вооружение, то по отражении их могли рассыпаться, не только не впадая в панику, а наоборот, учитывая преимущество более легкого вооружения, быстро переходить с одной хорошей позиции на другую, не менее для них удобную.

Но тем временем погода снова испортилась; пошел дождь, который затруднил римлянам штурм гладкого холма и движение по мокрой почве в лесу. Арминий с самого начала приказал коннице, которую нельзя было использовать внутри ущелья, теснить противника с тыла и задерживать обходные колонны. Вместо того чтобы пробить себе дорогу через ущелье, римляне, продвигаясь вперед, стали все больше и больше чувствовать, что они в нем заперты.

Так, наконец, ослабела сила их натиска. Проливной дождь не только затруднял их движение, но и угнетающе действовал на их настроение, на их психику. И лишь только когорты отступили на один шаг, как тотчас же германские сотни ринулись вниз отовсюду, со всех высот, и окончательно отогнали римское войско к его лагерю. Всякая надежда на спасение была потеряна. Конница ускакала,

надеясь в каком-либо ином месте пересечь горы. Вар и некоторые из старших командиров покончили самоубийством. Знаменосец бросился вместе со своим орлом в болото, чтобы не дать врагам захватить в свои руки святыню легиона, если уже не было возможности ее спасти.

Наконец, остальная часть войска, во главе с лагерным префектом Цейонием, сдалась на милость победителя. В то время как велись переговоры относительно капитуляции, верные слуги Вара сделали попытку сжечь его тело, чтобы этим оберечь его от поругания, и все-таки успели его полусожженное тело предать погребению. Но Арминий приказал вырыть тело Вара и, отрубив его голову, послал ее Марбоду, королю маркоманов.

Однажды Арминий, — как рассказывает один более поздний писатель¹, — для того чтобы устрашить гарнизон одной осажденной римской крепости, велел насадить головы убитых врагов на копья и обнести их вокруг рва. Конечно, этот рассказ не может относиться к лагерю близ Дэрского ущелья, так как осажденные там были прекрасно осведомлены относительно случившегося, но весьма возможно, что этот рассказ все же относится как раз к этому походу, а именно — к гарнизону, оставленному в лагере близ Вестфальских ворот, или, может быть, к Ализе.

Это вполне вероятно, так как те римляне, которые прорвали кольцо германцев и спаслись через Дэрское ущелье или через горы, укрылись в Ализе и подверглись здесь длительной осаде. Когда же у них кончились все съестные припасы, то они, под предводительством отважного старого солдата, лагерного префекта и командира первой роты Цедиция, сделали попытку в бурную темную ночь обмануть бдительность германцев. Они вышли из лагеря, и им, действительно, удалось спастись при помощи военной хитрости: они приказали горнистам трубить, чем вызвали тревогу среди германцев, решивших, что к римлянам спешат на помощь войска с целью снять осаду с крепости. Благодаря этому римлянам удалось спастись от преследования². Совершенно таким же образом спаслись больше чем тысяча лет спустя гарнизоны рыцарских замков, осажденных пруссами. Гарнизону Бартенштейна удалось пройти 15 миль по неприятельской территории и, наконец, благополучно достичь Кенигсберга (см. т. III, ч. 3, гл. 7). Все же остальные римские гарнизоны и войсковые части, рассеянные по внутренней Германии, попали в руки повстанцев, так что почти все три легиона Вара были целиком уничтожены.

Мы знаем о сражении в Тевтобургском лесу лишь по описаниям побежденной стороны, и даже самое название поля сражения, хотя оно и находится в средней части Германии, по всей вероятности, не немецкого, а римского происхождения. Ни в одной хронике, ни в одном источнике средних веков не сохранилось названия Тевтобургского леса. Это название засвидетельствовано лишь одним местом у Тацита («saltus Teutoburgiensis» — «Анналы», I, 60). Отсюда оно проникло в географию благодаря ученым исследованиям XVII в.

¹ Frontin, «Strategem», II, 9, 4.

² Вполне правильно были сопоставлены указания Фронтинна («Strategem», III 15, 4; там же, IV, 7, 8), Веллея (II, 120) и Диона на то, что продержалась лишь одна римская крепость. Подробности по этому вопросу см. ниже в специальном исследовании о местоположении Ализе.

Но уже в настоящее время мы в состоянии понять это название и объяснить его происхождение.

На расстоянии неполной мили от Дэрского ущелья находятся два кольцевых вала: один—очень большой—наверху на горе, а другой—небольшой—в нескольких стах шагах ниже; эти валы производят впечатление поселков древнегерманской эпохи¹. Малый круг мог служить местопребыванием князя, а большой—местом убежища для народа—крепостью, где он оборонялся во время войны. Такие оборонительные крепости, которые обычно были необитаемы, но где в случае нужды могло укрыться население округа, сохранились во многих местах. Самой большой из них является крепость на Одилиенберге в Вогезах.

«Тевтобург», по всей вероятности, означает «народная крепость». Корень первой части этого слова тождественен с первым слогом названия находившегося поблизости города Детмольд (Тьетмаллус). Очень часто из таких нарицательных имен постепенно появлялись собственные имена. В таком случае это название, очевидно, появилось не у германцев, а у римлян, которые от местных жителей слышали название «тевтобург» в ответ на вопрос о том, что это за большой каменный вал находится на горе, по ту сторону княжеской крепости. Этим названием они поэтому и назвали покрытые лесом горы, через которые проходила их военная дорога.

Теперь «Тевтобургом» называется Гротенбург. Посреди большого кольцевого вала стоит памятник Германна.

Он стоит на правильном месте; и это тем более представится правильным, если принять, что это была крепость Сегеста, из которой он бежал к римлянам, захватив с собой Туснельду.

Еще два других воспоминания об этом сражении сохранились до наших дней. В 1868 г. близ Гильдесгейма, на глубине 9 футов под землей, был найден тот изумительно прекрасный серебряный клад, о котором мы почти без сомнения можем сказать, что он принадлежал к столовой утвари Вара и стал добычей одного из князей херусков. А музей в Бонне хранит могильный памятник, который был поставлен центуриону 18-го легиона М. Целию, погибшему в «Варовой войне», его благочестивым братом. Этот памятник украшен изображением покойного и его двух верных слуг и снабжен надписью, в которой говорится, что тело покойного похоронить не удалось.

МЕСТО ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ

Мы твердо установили при помощи чисто объективных доказательств, что лагерь Вара находился на Везере. Это также дважды засвидетельствовано в источниках, однако, не так определенно, чтобы здесь исключалась всякая возможность какого-либо иного истолкования. Дион говорит, что германцы «заманили его от Рейна в страну херусков к Везеру», но это может быть истолковано «по направлению к Везеру», а не «к Везеру». А у Веллея (II, 105) мы читаем: «Тотчас же вступили в Германию, покорили канинифатов, аттуариев, бруктеров, снова завоевали область родов херусков и вскоре, к нашему несчастью, перешли известную реку

¹ Schuchhardt «Röm. Germ. Forschung in Nordwestdeutschland. Abdr. a. d. N. Jahrb. f. d. klass. Altert.», S. 29. 1900.

Везер. Однако, это чтение основывается лишь на коньектуре¹. Первое издание и Амербах ставят вместо слова «*arnis*» (река) слово «*inarninus*». Кол. Бурера ставит слово «*inarninus*»; поэтому недавно вместо слов «роды и река» (*gentes et arnis*) пытались читать: «рода его Арминий» (*gentis ejus Arminius*).

Раньше предполагали, что Детмольд был местом расположения лагеря, так как здесь, судя по названию («*tietmallus*» — титмаллус), находилась судебная палата. Но мне кажется, что это обстоятельство не могло быть причиной того, что римляне именно здесь должны были разбить свой постоянный лагерь. Римское владычество не могло ставить большие, вооруженные германские народные собрания под наблюдение, так сказать, под контроль полиции. Надо было либо запретить эти собрания, либо, — если римляне этого не хотели или не могли сделать, — надо было вступить с германцами в такие политические отношения, которые давали бы возможность допускать такие собрания. Но в таком случае надо было удерживать всех римлян на некотором расстоянии от этих страстных и легко возбудимых толп. Было бы чрезвычайно абсурдно и даже опасно устраивать такие собрания в непосредственной близости от римского лагеря. И в то же время со стороны римлян было бы излишней провокацией разбивать свой лагерь на священном судейском месте германцев или близ него, что мешало бы германцам собираться там по обычаю своих предков.

Но все эти соображения вообще ничемны, так как единственным мотивом, который был должен и мог обусловить выбор места для лагеря, был стратегический мотив, а он требовал наличия реки.

30 марта 1901 г. я совместно с директором музея г. Шуххардтом обследовал район Реме и установил, что в этом районе подходящим местом для римского лагеря был Ханенкамп. Санитарный советник д-р Хухцермайер из Ойенхаузена рассказал нам, что 15 лет тому назад там была найдена римская золотая монета с изображением императора, причем нашедший эту монету продал ее какому-то нумизматику. Других подробностей г. Хухцермайер, к сожалению, не смог вспомнить, но он обещал нам сообщить дополнительные сведения. О каких-либо иных находках на этом месте не имеется никаких сведений.

Все колодцы, находящиеся на этом холме, содержат воду на незначительной глубине.

Г. Шуххардт в особенности подчеркнул, что если бы на этом месте действительно находился лагерь, то он не только по своей величине, но и по внутренним условиям соответствовал бы обычаям римлян, а именно — он должен был бы лежать на той стороне холма, которая обращена к югу, т. е. к солнцу.

Далее он указал на одно очень важное соображение в пользу того, что римский лагерь не мог находиться выше по течению Везера. Дело в том, что выше Реме река отличается очень быстрым, почти бурным течением и что эти стремнины должны были бы затруднять сообщение римлян с Северным морем.

Однако, мое предположение, что постоянный лагерь Вара находился на Ханенкампе, не подтвердилось теми раскопками, которые я там произвел той же осенью совместно с д-ром Шуххардтом. На этой возвышенности не только не было найдено ни малейших следов древних погребений, но можно сказать как раз наоборот: раскопки ясно показали, что на этом месте не было римского лагеря. Так как, судя по рельефу местности, можно было довольно точно сказать, где должны были находиться римские могилы, и так как поперечные траншеи ясно показали, что почва на этом месте никогда глубоко не разрывалась, то следует признать, что здесь не могло быть никакого лагеря².

¹ Коньектура — догадка, предположение, вставка своих слов в искаженный или имеющий пропуски текст. — Ред.

² Я считаю необходимым отметить, что несмотря на это Дам (*Dahm*, «*Ravensberger Blätter*», IV, N. 6, 1904) считает возможным утверждать, что здесь находился лагерь. Против этого утверждения см. Шуххардт, там же, N. 7—8.

Но вместо этого мы нашли нечто другое и, может быть, не менее ценное, а именно — остатки германских жилищ, разбросанные по всей возвышенности. Эта первая раскопанная древнегерманская деревня подтверждает описание Тацита: «Они строятся поодаль друг от друга, поодиночке, — там, где им приглянулся источник, поле или роща. Деревни располагаются не по нашему обычаю, — так, чтобы дома соединялись и соприкасались между собой, либо стремясь этим обезопасить себя от пожара, либо потому, что они не умеют иначе строить». Наше открытие подтвердило существовавшее мнение, что в этом описании имелись в виду «не вестфальские хутора, но обширные деревни с широко разбросанными постройками».

Такие же остатки жилищ были обнаружены на другой возвышенности, лежащей немного выше по течению Везера, на Мооскампе близ Бабенхаузена.

Если, таким образом, на этих двух местах, удобных для расположения римского лагеря в непосредственной близости от Вестфальских ворот, находились германские деревни, то, может быть, это и было причиной того, почему римляне именно здесь не разбили своего лагеря.

Я сперва производил поиски также и на противоположном, т. е. на правом берегу Везера, но и здесь до сих пор не было найдено никаких следов.

Теперь уже задачей местного краеведения является продолжить эти исследования и обратить внимание также на местность, лежащую ниже Вестфальских ворот. Как раз против этого я раньше резко возражал, так как мне казалось невероятным, чтобы римляне устроили свой лагерь перед дефиле, вместо того чтобы разбить его позади него. Но все же можно привести некоторые аргументы в пользу такого предположения, тем более, что выше по течению подходящие места были уже раньше заняты германскими деревнями. Если бы римляне расположили свой лагерь ниже Ворот, то они могли бы там устроить хорошую переправу через Везер и держать ее в своих руках, что давало им возможность властвовать над всей прилегающей низменностью, в то время как мост близ Реме открывал бы путь в котловину (что, впрочем, опять-таки связано с вопросом о том, насколько пригодна была дорога по правому берегу Везера). Стратегически наиболее целесообразно было бы расположить лагерь на правом берегу. Мост, весьма возможно, был защищен предмостным укреплением, а опасность от дефиле близ Ворот была ослаблена наличием крепости на Виттекиндсберге (горе Виттекинда). Однако, как я мог лично убедиться благодаря собственному обследованию местности, первое легкое возвышение почвы на правом берегу около деревни Неезен, лежащее под Якобсбергом (горой Якова), настолько незначительно, что с ним почти не приходится считаться при поисках места римского лагеря. На левом берегу следует сперва обратить внимание на Белхорст и Минден. Но здесь все следы лагеря навеки исчезли: в первом случае благодаря Белхорстскому руднику и кирпичному заводу, а во втором — благодаря самому городу Миндену. Со строго стратегической точки зрения, конечно, было ошибкой расположить лагерь перед дефиле, но римляне, очевидно, считали свою власть настолько прочной, что пожертвовали этим моментом ради других выгод.

Более подробное сообщение о раскопках на Ханенкампе помещено мною в «Прусском ежегоднике» («Preussische Jahrbücher»), в сентябрьском выпуске за 1901 г. (т. 105, стр. 555), а г. Шуххардтом во «Временнике отечественной истории и древностей Вестфалии», в т. 61, стр. 163 («Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Altertumskunde Westphalens», Bd. 61, S. 163). Все находки переданы в Ректорскую школу в Ойенхаузен.

Позднее я произвел пробные раскопки у выхода из Дэрского ущелья близ Пивитсхейде, но и здесь также до сих пор раскопки не дали результатов. Собственно говоря, не подлежит никакому сомнению, что приблизительно около этого

места римляне однажды, в какую-то эпоху, разбили свой лагерь. Когда римлянам надо было из области Липпы попасть в северогерманскую низменность, что им часто приходилось делать в течение двадцати лет их владычества и их войн с германцами в этой области, то они бывали принуждены пересекать Тевтобургский лес и горную цепь Виен, причем через обе эти горные цепи ведут лишь очень немногие отчетливо различимые горные проходы. Горы Виен можно пересечь, пройдя через Ворота, а через Тевтобургский лес ведут Дэрское и Билефельдское ущелья. Многочисленные курганы прямо указывают на то, что Дэрское ущелье служило путем с времен глубокой древности. Если мы здесь когда-либо и найдем следы римских лагерей, то все же это не явится еще доказательством того, что они имеют какое-либо отношение к походу Вара. Именно в этой области римляне совершали много походов и, находясь среди опасных союзников, принуждены были сооружать походные лагеря, окруженные валом и рвом. Весьма удивительно, что еще нигде не удалось найти хотя какие-либо следы, но весьма вероятно, что такие следы будут обнаружены. Пусть только не ослабнет рвение местных краеведов!

ДЭРСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Вслед за Реме мы с г. Шуххардтом обследовали и Дэрское ущелье. Здесь нам оказал очень ценную помощь проф. О. Верт из Детмольда, который оказался прекрасным проводником благодаря своим знаниям местности, древностей и, главным образом, естественных условий. Он обратил мое внимание на то, что у Зальцуфельна меняется геологический характер местности, и указал на то, что лишь с XVIII в. стали засаживать соснами бывшие до сего времени пустынными песчаные и степные поверхности южнее Зальцуфельна, что он мне также впоследствии подтвердил данными, извлеченными из актов Липпского управления удельного ведомства. Если здесь еще в XVIII в. не было леса и его лишь искусственно начинали насаживать, то не будет слишком смелым сделать из этого вывод, что и в древности этот район был безлесным, а отсюда следует, что рассказ Диона вполне соответствует условиям местности (главным образом, леса) между Воротами и Дэрским ущельем.

Равным образом я обязан Верту и тем, что он мне указал на курганы и на то, какое значение они имеют для определения древности военного пути. Карту еще сохранившихся в ту эпоху могильников можно найти в исследовании Вильгельма Таппе, вышедшем в 1820 г. под заглавием «Истинная местность и боевая линия трехдневного сражения Германна» («Die wahre Gegend und Linie der dreitaegigen Hermannsschlacht»).

Описания Дэрского ущелья в существующей литературе противоречат друг другу или же дают картину, не соответствующую действительности, так что мне хотелось бы со своей стороны сказать несколько слов по этому поводу.

Помимо этого ущелья есть еще второй путь, который ведет от Верхней Липпы через Оснинг к Вестфальским воротам. Этот путь — Билефельдское ущелье, по которому теперь проходит железная дорога. Однако, этот путь не имеет для нас сейчас никакого значения, так как путь, идущий из Ализо через Дэре, значительно короче.

«Оба ущелья, — описывает их майор Дам в «Сражении Германна», стр. 26 (Major Dahn, «Die Hermannsschlacht», S. 26), — одинаково легко проходимы. Они образуют горные проходы шириной в 500—600 шагов, по которым можно почти без всяких подъемов пройти через цепь крутых гор». Подполк. фон-Стамфорд в своей работе «Поле сражения в Тевтобургском лесу» (Oberstleutenant von Stamford, «Das Schlachtfeld im Teutoburger Walde», S. 86, 111) пишет уже несколько иначе, а именно, что путь через Дэре довольно круто поднимается и затем спускается вниз и что там

имеется «скверное место», где для тяжело нагруженных возов подъем слишком крут.

Дам вполне прав постольку, поскольку теперешняя шоссированная дорога, проходящая по восточному склону ущелья, имеет лишь весьма незначительный подъем; даже глубокие песчаные места немногим выше, чем равнины к югу и к северу от горной цепи. Однако, лишь описание Стамфорда рисует правильную картину, так как сравнительная ровность этой дороги при незначительных подъемах отчасти была достигнута искусственным путем, в то время как середина ущелья, вследствие песчаных холмов и рытвин, весьма неровна и к тому же обильно покрыта песком, что ее делает трудно проходимой.

Кноке (стр. 96) пишет: «О болотах как внутри Липпского леса, так и к северу от него не может быть и речи». И Дам говорит приблизительно то же самое, хотя осторожно добавляя: «Болота, которые могли бы оказаться губительными для армии...» Источники нам ничего не говорят о том, что болота оказали непосредственно губительное влияние на армию (ср. Эдм. Мейер, «Исследования к вопросу о сражении в Тевтобургском лесу» — Edm. Meyer, «Untersuchungen zur Schlacht im Teutoburger Walde», S. 216). Однако, Стамфорд твердо устанавливает — и, действительно, не может быть никакого сомнения в том, что во всем Тевтобургском (Липпском) лесу встречаются болотистые места. Как раз перед Дэрским ущельем, к северу от него, находится Херстское болото с глубокими топами; также и в Дэрском ущелье имеются болотистые места (Стамфорд, стр. 85 и 86).

Земляные валы, которые тянутся поперек всего горного прохода немного севернее его самого узкого места, — там, где справа и слева начинается лиственный лес, покрывающий высоты, — относятся, очевидно, к более позднему времени, к Средним векам.

На «Карте Тевтобургского леса и сражения Германна», которую в 1820 г. издал принц Фридрих Липпе, у самого северного края Дэрского ущелья нанесен лагерь. Приблизительно в этих местах должен был, действительно, находиться последний лагерь Вара. Но те остатки вала, которые здесь имеются в виду, лежат слишком близко от входа в ущелье и не имеют никакого отношения к римским укреплениям. Как установил Шуххардт, это — остатки средневековой крепостной линии. Они находятся на Хаммер-Хайде, справа от дороги, ведущей из Пивитсхейде в Херсте, сейчас же позади того места, где расходятся дороги. Эти остатки вала уже начинают исчезать, так как они сносятся крестьянами. Я упоминаю об этом для того, чтобы предостеречь от ошибок тех будущих исследователей, которые, исходя из карты принца Липпе, будут здесь искать римский лагерь.

Подобно тому, как, исходя из монетных находок, искали место сражения при Баренау к северу от Оснабрюка, так и в данном случае читатель может почувствовать искушение воспользоваться для определения места последнего сражения указанием очень серьезного писателя, подполк. Ф. В. Шмидта во «Временнике отечественной истории и древностей (Вестфалии)», 1859 г., стр. 299. Это указание гласит: «В районе Стапелаге, в 1½ часах к северо-западу от Дэрского ущелья, в особенности на полях больших дворов Хунеке и Кравинкель, часто выпахивают римские монеты, которые, насколько с ними мог ознакомиться автор, относятся к эпохе не позже эпохи Августа».

Я извлекаю эту цитату из исследования Х. Нейбурга «Место сражения Вара» (H. Neuburg, «Die Oertlichkeit der Varusschlacht», S. 50). Так как этих монет теперь налицо не имеется, то нет никакой возможности проверить решающий в данном случае момент, а именно — то, что они не позже эпохи Августа. Даже если это и соответствует действительности, то мы из этого можем сделать лишь тот вывод, что здесь мы имеем дело лишь с частью добычи жившего здесь херусского рода, захваченной им после сражения в Тевтобургском лесу. Вышеуказанные места нахо-

дятся слишком далеко в горах, для того чтобы можно было предположить нахождение римского лагеря именно здесь.

Ген.-майор Вольф высказал однажды предположение, что в районе деревни Эльзен близ Падерборна нельзя теперь найти никаких следов Ализо, так как соответствующее место теперь покрыто песчаной дюной, которая поглотила в себе все следы. Такое же явление могло произойти и в местности, лежащей перед Дэрским ущельем, там, где тысячелетия могли произвести более крупные перемены в конфигурации дюнного ландшафта, чем то можно предположить, судя по его современному виду.

КЛОСТЕРМЕЙЕР И ВИТЕРСХЕЙМ

По существу самое правильное относительно похода Вара было уже сказано Клостермейером в его работе «Где Германн разбил Вара» (Clostermeyer, «Wo Hermann den Varus schlug». Lemgo, 1822). Он только не совсем правильно восстановил конец этого похода. Он предполагает, что лагерь Вара находился у Миндена или немного дальше вниз по течению, у Петерсхагена, и что заключительная катастрофа произошла не перед Дэрским ущельем, но в долине Берлебеке, у подножья Гротенбурга. Вар хотел пройти через Дэрское ущелье, однако, германцы преградили ему этот путь; поэтому, пытаясь уйти от них, он совершил обходное движение через Детмольд. Это невозможно. Если Вар себя чувствовал слишком слабым для того, чтобы пробиться через Дэрское ущелье, то тем менее он мог надеяться на то, чтобы спастись, идя вдоль гор через Лопсхорнский проход или же пустившись напрямик через горы. Захватив в свои руки неповоротливую и далеко растянувшуюся громаду римского войска, германцы ни за что не выпустили бы своей добычи. Римлянам оставалось либо пробиться через Дэрское ущелье, либо умереть. Другого выбора не было.

Эти вполне правильные возражения против концепции Клостермейера были уже сделаны фон-Витерсхеймом в его «Истории переселения народов». Исходя из этого, он вполне справедливо полагает, что заключительная катастрофа произошла в самом Дэрском ущелье. Однако, он искал летний лагерь Вара гораздо дальше вверх по течению Везера, а это указывает на то, что он еще не смог правильно установить путь римлян, определить тактический характер заключительного сражения и, следовательно, еще не имел полного представления об основных стратегических элементах ведения войны в Германии. В противном случае его решение вопроса, столь близкое к истине, обратило бы на себя значительно больше внимания.

ДНИ ПЕРЕХОДОВ И СРАЖЕНИЙ

Исследователи спорят о том, произошло ли сражение в Тевтобургском лесу в самый день выхода римлян из летнего лагеря или же позднее, а также о том, продолжалось ли сражение два или три дня.

Хотя рассказ Диона и не говорит об этом прямо, но все же создает впечатление, что в течение нескольких дней Вар продвигался вперед вполне спокойно, — вплоть до того момента, когда германцы произвели свое первое нападение. На это обстоятельство вполне справедливо сослался Кноке. Но если Тацит в таких словах («Анналы», I, 58) заставляет Сегеста говорить о своем напрасном предостережении Вара: «Свидетельницей этого — ночь; пусть лучше она для меня была бы последней», то это указывает, что катастрофа последовала тотчас же на другой день. Еще большее значение имеет указание Веллея, что ожидать наступления второй ночи было, по словам Сегеста, уже невозможно (II, 118). На это обратил внимание Вильмс. Хотя свидетельство Веллея как современника является весьма веским, однако, исходя из установленных уже нами основных положений критики источников,

мы не должны придавать особенное значение всем этим косвенным указаниям. Во всяком случае указания источников не противоречат предположению, что римляне подверглись нападению германцев в день своего выступления из летнего лагеря.

В таком же положении находится вопрос о том, длилось ли сражение два или три дня. Источники можно истолковать в случае нужды и в том и в другом смысле. Но гораздо вероятнее, как мы уже установили выше, что сражение длилось три дня.

У Диона соответствующее место, имеющее решающее значение, испорчено. В рукописи это место непосредственно после описания второго дня сражения гласит: «Ибо тогда настал день после того, как они выступили в путь». Но эта фраза бессмысленна. Самым простым и естественным исправлением этой фразы было бы: «Итак, настал третий день...»

Однако, несмотря на это, нельзя препятствовать строить иные конъектуры тем исследователям, которые, исходя из объективных причин, высказываются за два дня, но все же следует отклонить те конъектуры, которые приписывают римлянам ночной переход. Такое большое войско, как войско Вара, не могло, так сказать, прокрадываться тайком. Германцы ничуть не были похожи на персов Тиссаферна, которые с наступлением ночи отходили от греков, чтобы по возможности дальше от них устроить безопасный привал на ночлег. Если же неприятель оставался поблизости, то продвижение становилось уже невозможным, и рано или поздно должно было завязаться сражение. Но нельзя себе представить ничего более неблагоприятного для римлян, чем ночной бой, который происходил бы при данных обстоятельствах и при уже подавленном настроении войск. Это неминуемо привело бы к панике и к немедленному полному разгрому.

Тацит пишет, что Германик прошел через Тевтобургский лес, ища следы и остатки войска Вара. «Первый лагерь Вара, судя по его большому протяжению и по размерам главной квартиры, совершенно несомненно заключал в себе три легиона. Далее, по полуразрушенному валу и по плоскому рву видно было, что здесь укрепились уже сильно пострадавшие остатки его войска». В словах «первый лагерь» хотели видеть летний лагерь, и это не является невозможным,—однако, лишь при том условии, если мы примем, что Тацит в погоне за антитезой ввел в заблуждение своих читателей. Ведь каждый римлянин должен был прекрасно знать, что между постоянным лагерем и походным лагерем, рассчитанным на одну лишь ночь, существует большая разница¹. Следовательно, этим противопоставлением Тацит не смог бы произвести никакого впечатления на своих читателей. Если бы на самом деле существовал лишь один походный лагерь и если бы Тацит захотел противопоставить его постоянному лагерю, дав контрастное изображение, то он при всей своей риторике все же был бы настолько правдивым, чтобы соответствующим образом построить антитезу, что, конечно, совсем не так трудно. Отсюда можно вывести заключение, что в словах «первый лагерь» (*prima castra*) автор, по всей вероятности, имел в виду первый походный лагерь, для разбивки которого, как это правильно заметил Кноке, вполне естественно, согласно походным правилам, было намечено место, достаточное для размещения трех легионов, несмотря на то, что в течение первого дня римляне уже понесли значительные потери. Но если мы внимательно ознакомимся с местностью, то ясно увидим, что решающее значение в данном случае приобретут расстояния. От Реме до Дэрского ущелья 5 миль, а от Миндена до того же ущелья 6 миль. Войско, находившееся в таких тяжелых условиях, как римское накануне Тевтобургского сражения, никогда не смогло бы сделать такой переход в течение дня. Для однодневного перехода вполне достаточно была бы половина этого расстояния. Больше того, я даже считаю вполне воз-

¹ Вегеций (III, 8) подробно описывает различия между походным и постоянным лагерями.

возможным, что ввиду большого количества повозок, очень трудного пути через лес, холмы и ущелья, а также дождя, который размыл глинистую почву, римляне сделали еще один переход, так что сражение происходило на второй, третий и четвертый день после выступления римлян из лагеря. Этому, конечно, не противоречит то, что Тацит говорит лишь о двух лагерях.

Подполк. фон-Стамфорд в своей работе «Поле сражения в Тевтобургском лесу» (стр. 105 и 107) пишет, что ему в нескольких местах удалось найти остатки вала близ Шеттмара около Зальцфельна.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Описывая самое сражение при Дэрском ущелье и заключительную катастрофу, я не брал за основу один из тех дошедших до нас рассказов, которые теперь находятся в нашем распоряжении, а исходил из сопоставления отдельных свидетельств, сохранившихся у Веллея, Тацита и Флора, а также из основных моментов, переданных Дионом. Оставшиеся пропуски я заполнил теми конкретными фактами, которые я смог извлечь из анализа расстояний и характера местности и которые, будучи связаны между собой, образовали единую причинную цепь событий. Такой метод работы требует особого пояснения и обоснования.

Следует исходить из того, что единственный подробный рассказ о Тевтобургском сражении, которым мы располагаем, а именно рассказ Диона Кассия, хотя и восходит к очень надежному свидетельству, все же сохранился в новой обработке, дошедшей из третьих или четвертых рук. При этом вполне естественно, что не только были сгущены краски, но и могли выпасть отдельные моменты, которые менее интересовали Диона или его предшественников и которые были лишь слабо намечены в первоначальной версии.

Вместе с тем мы не должны принимать в соображение вопрос о том, погибли ли легаты во время самого сражения или они покончили самоубийством по примеру полководца. Об этом в Риме никто не имел точных сведений, так что один говорил одно, а другой совершенно иное.

Дион, описывая сражение, говорит о том, что оно кончилось так же, как и началось: римляне погибали под непрерывным натиском германцев, в то время как их вожди кончали жизнь самоубийством. Этому противоречит сообщение Веллея, который пишет, что из двух лагерных префектов, один, по имени Эггий, дал войскам хороший пример, а другой, Цейоний, поступил позорно («После того как он погубил значительно большую часть войска и будучи виновником сдачи, он не захотел умереть в бою, а предпочел такой смерти казнь»). Далее он сообщает о том, что германцы отрубили голову от полусожженного трупа Вара. Флор дает возможность дополнить этот рассказ тем фактом, что тело Вара было погребено и затем вырыто. Эта попытка погребения, точнее—сожжения, возможна лишь при наличии укрепленного лагеря. Да и помимо этого, если мы учтем способ ведения войны германцами, мы должны будем признать, что войска, находившиеся на поле сражения, никак не смогли бы капитулировать. Но обо всем этом Дион ничего не говорит. Однако, это не может для нас послужить основанием для того, чтобы отвергнуть, признав за басню, такой определенный и точный рассказ, как рассказ Веллея, который вообще во всех остальных случаях является прекрасно осведомленным современником. В конце рассказа Диона, очевидно, имеется пропуск в сохранившемся тексте (может быть, здесь утерян один листок рукописи). Впрочем, если такого пропуска и не было, то весьма возможно, что мы здесь имеем дело с простым сокращением, произведенным автором, так как его описание этого события и без того достаточно подробно. В последней части своего изложения автор особенно стремился быть кратким. Это видно из того, что он описывает, как абсо-

лютно все было уничтожено—и люди и кони, и сейчас же вслед за этим говорит о тех пленниках, которые позднее были выкуплены своими родственниками.

Если теперь мы примем рассказ Веллея о произведенной римлянами попытке похоронить тело Вара и об окончательной капитуляции, то отсюда мы должны будем сделать тот вывод, что данное сражение, очевидно, не было рядом последовательных стычек, а было регулярным сражением. Если бы римляне все время продвигались вперед с боем, то они не могли бы иметь лагеря, где они могли попытаться предать сожжению тело Вара и где войско окончательно капитулировало.

С чисто военно-теоретической точки зрения, если так можно выразиться, это различие чрезвычайно существенно. Но психологически вполне понятно, что именно этот момент отсутствует в рассказе Диона. Ведь от автора этого повествования могло ускользнуть различие между заключительным сражением и боями предшествовавших дней, так как с внешней стороны все эти бои в глазах автора ничем не отличались друг от друга. К тому же мы не должны забывать, что имеем в нашем распоряжении лишь римские источники. Ведь их, конечно, ничто не побуждало к особенному подчеркиванию того обстоятельства, что римляне не только подверглись нападению на походе, но и потерпели окончательное поражение в регулярном сражении, оказавшись не в состоянии пробиться через ряды неприятеля. Их стремление объяснить это поражение лишь изменой и внезапным нападением ясно звучит в той речи, с которой, по словам Тацита («Анналы», II, 46), Марбод обратился к своим войскам: «Арминий победил три освобожденных от службы праздных легиона (*tres vacuas legiones*); поэтому такой успех не делает ему особенной чести». Это возражение в обычном рассказе может показаться довольно обоснованным, а потому с точки зрения военной истории для нас вдвойне важно то обстоятельство, что мы считаем вполне возможным восстановить затушеванный, так сказать, римлянами факт заключительного регулярного сражения.

С этим вполне согласуется и тот довольно странный способ, к которому прибегает Тацит, для того чтобы противопоставить один другому те два лагеря, которые были обнаружены Германиком и его солдатами. «Первый лагерь, судя по его большому протяжению... затем по полуразрушенному валу и плоскому рву...» Слова «полуразрушенный вал», конечно, не указывают на такой вал, который никогда не был высоким, а на такой, который обвалился. Следуя строгим правилам логики, в этой фразе можно установить противопоставление первого большого лагеря, построенного по правилам, маленькому, неоконченному, плохо укрепленному лагерю. Давая в данном случае,—как он впрочем это часто делает,—косвенную антитезу, Тацит принуждает читателя восполнить это противопоставление, вкладывая в слово «полуразрушенный» представление о том, что германцы, ворвавшись в лагерь, разрушили и растоптали вал. Очевидец, к которому в конечном счете восходит рассказ Тацита, должен был получить настолько сильное впечатление от состояния вала и рва, что его глазам должна была представиться последняя страшная сцена. Поэтому мы можем предположить, что характерное слово «полуразрушенный» было вставлено не Тацитом, а происходит из первоначальной версии рассказа.

Будем ли мы считать нашу локализацию сражения действительно доказанной или же лишь установленной с определенной степенью достоверности, во всяком случае реконструкция последнего сражения основывается не только на внешнем сопоставлении и согласовании фактов. Мы можем с уверенностью сказать, что объективные основания и критика источников позволяют нам без всякого труда дополнить рассказ Диона фактом существования лагеря и его конечной капитуляции.

Правильная реконструкция, раз установленная, подтверждается тем, что и другие трудно понимаемые части рассказа находят благодаря этому простое и ясное объяснение.

Веллей рассказывает, что во время этого поражения те солдаты, которые, по обычаю римлян, хотели мужественно использовать свое оружие, были наказаны. Мы можем теперь отнести этот факт ко времени ведения переговоров относительно капитуляции.

Согласно Диону, последнее сражение произошло в узком месте ущелья. По Тациту же, Германик увидел белевшие кости павших римлян «посреди поля» (*medio campū*). Это противоречие теперь легко объяснимо. Дион говорит о последнем настоящем сражении, которое разыгралось в Дэрском ущелье, но, конечно, после того как римляне отступили из Дэре, многие из них были еще убиты в открытом поле перед ущельем.

Эдм. Мейер в своей работе «Исследования относительно сражения в Тевтобургском лесу» (*Edm. Meyer, «Untersuch. über die Schlacht im Teutoburger Walde»*) уже доказал, что описание Диона само по себе хорошо согласуется с отдельными свидетельствами других источников. Если его концепция, основанная на критике источников, не получила быстрого и всеобщего признания, то это объясняется лишь тем, что он в отдельных случаях дает неправильные решения вопроса и неверно устанавливает топографию, так как стратегические основы ведения войны в Германии не были в то время еще известны.

ГИПОТЕЗЫ МОММСЕНА И КНОКЕ

Для нас нет никакой необходимости вникать в отдельные подробности сильно оспаривавшейся гипотезы о том, что Тевтобургское сражение произошло к северу от Оснабрюка, близ Баренау, или же к югу от него, близ Ибурга, так как с нашей точки зрения поле сражения, без всякого сомнения, следует искать лишь на пути, ведущем от Вестфальских ворот к Ализо. Если бы сражение произошло поблизости от Оснабрюка, то это означало бы, что большая дорога римлян шла не вверх по долине Липпы, но от Хальтерна по направлению к Мюнстеру и Оснабрюку, севернее или южнее горной цепи Виен, на Минден или Реме. Конечно, и здесь проходила дорога. Мы даже можем согласиться с Кноке в том, что между двумя горными хребтами—горной цепью Виен и Оснингом вдоль гор у подножья холмов проходила германская дорога. Можно даже себе представить, что те большие запасы, которые были необходимы для летнего лагеря Вара и которые очень трудно было доставить по этому сухопутному пути, были доставлены в Минден на кораблях через Северное море. Все же не может быть никакого сомнения в том, что римляне имели в своем распоряжении военную дорогу, шедшую вдоль Липпы через Оснинг (через Дэрское ущелье) к Вестфальским воротам, что они имели на этой дороге, на Верхней Липпе, укрепленный складочный пункт и что именно поэтому данный путь был их главной военной дорогой. Нужно себе только представить, насколько такой складочный пункт облегчал путь войскам, передвигавшимся взад и вперед по этой дороге. Ведь тогда в Германии без крупных приготовлений и значительных расходов нельзя было сойти с дороги, шедшей вдоль водного пути. Следовательно, если у Вара были бы какие-нибудь основания идти от Вестфальских ворот прямо в район Оснабрюка, то он, наверное, идя по этому пути, не взял бы с собой своего обоза, но, без всякого сомнения, отправил бы его на Липпскую дорогу, так как он считал соседних германцев за верных союзников.

К этому надо прибавить, что с оснабрюкской гипотезой с большим трудом согласуются или даже, собственно говоря, совсем не согласуются положительные указания Тацита на то, что Германик, поднявшись на кораблях вверх по Эмсу, опустошил всю страну между Эмсом и Липпой, подошел к пределам бруктеров, находясь недалеко от Тевтобургского леса, и, сняв осаду с крепости, расположенной на Липпе, отказался от мысли восстановить разрушенный курган. См. относительно этого специальное исследование о местоположении Ализо.

Насколько в корне изменились основы исследования этой проблемы благодаря новым данным относительно плотности населения в Германии, видно из того, что Моммсен в своем исследовании о «месте сражения Вара» («Die Oertlichkeit der Varusschlacht») еще находил возможным писать, что германские вожди «могли созывать в любом,—даже отдаленном—пункте свои войска, в два или в три раза превосходившие по своей численности войско римлян».

Гипотезу Моммсена защищает Эд. Бартельс в своей работе «Сражение Вара и место этого сражения» («Die Varusschlacht und ihre Oertlichkeit», 1904), в которой автор особенно подчеркивает то обстоятельство, что путь войска Вара должен был лежать не через лесные горы, а вдоль северного края горной цепи Виен. Окрестности Баренау хорошо соответствуют описанию сражения в том отношении, что здесь находятся большие болота, которых нет близ Дэрского ущелья. Но против этого можно возразить, что болота играют большую роль лишь в рассказах Флора и Веллея, у которых их упоминание могло быть вызвано стремлением этих писателей украсить свой рассказ риторикой, тем более, что германские болота являются чем-то вроде обычного штаффажа¹ во всех описаниях Германии. У Диона же, рассказ которого является нашим главным источником, нет упоминания о болотах. Да и помимо этого нельзя сказать, что близ Дэрского ущелья нет никаких болот.

Бартельс вполне обоснованно предполагает, что римское войско шло не через лесистые горы, а вдоль северного края горной цепи Виен, следовательно, по равнине, так как он считает, что римское войско со своим обозом никак не могло направить свой путь через девственный лес. Однако, он вместе с тем упускает из виду то обстоятельство, что здесь местность не давала бы возможности германцам производить непрерывные внезапные нападения на римское войско и, наконец, окончательно отрезать ему путь.

Бартельсу кажется, что существенным основанием для предположения, что римское войско шло не по направлению к Липпе, является тот факт, что при сообщении о восстании германцев не было упомянуто название восставшего племени. Племена, жившие по Липпе и Руру, были настолько хорошо известны римлянам, что название племени должно было быть упомянуто. Но против этого следует возразить, что римляне достаточно давно правили этой страной, чтобы одинаково хорошо знать названия всех племен, живших между Рейном и Везером.

Равным образом бьет мимо цели и тот аргумент, что путь к Верхней Липпе был бы вполне безопасным. Шло бы римское войско по долине Верры или, идя наперерез излучине реки, направлялось бы прямо к югу,—во всяком случае эта местность была более опасна, чем местность, прилегавшая к северному подножью горной цепи Виен, в особенности Дэрское ущелье, которое как бы самой природой было создано для выполнения военного плана и для проведения военной тактики германцев.

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ ИСТОЧНИКОВ

При том особенном значении, которое имеет для Германии сражение в Тевтобургском лесу, многим читателям, не имеющим под рукой античных авторов, будет интересно прочитать в точном переводе те первоначальные источники, на которых строится наше изложение, чтобы, таким образом, установить, что ими было передано непосредственно и что является реконструкцией.

¹ Архитектурное украшение.—Р е д.

Дион Кассий.

Римляне владели некоторыми областями в Германии, причем эти области были расположены не одна подле другой, а в том порядке, как их завоевывали римляне, почему они и не упоминаются в истории. Их солдаты зимовали в этих областях и основывали там города, а варвары подчинялись римским обычаям, приходили на рынки и поддерживали с римлянами мирные отношения. Однако, они не могли забыть обычаи своих предков и своей страны, свой свободный образ жизни и мощь своего оружия. До последнего времени их стучали от этого лишь постепенно, применяя большую осторожность, так что они незаметно осваивались со своим новым образом жизни и сами даже не чувствовали происходивших с ними перемен. Когда же Квинтилий Вар, бывший до тех пор проконсулом Сирии, получил Германию в качестве провинции, он резко изменил политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани, как от подданных. Это им не понравилось. Вожди народа стремились к своему прежнему господству, а народ находил, что прежний государственный строй был лучше, чем принудительное господство иноземцев. Но так как они полагали, что боевые силы римлян на Рейне и в их собственной стране были слишком значительны, то они сперва не восстали открыто, а встретили Вара так, как будто они готовы были исполнить все его требования, и заманили его от Везера в страну херусков. Здесь они жили рядом с ним, находясь с ним в самых мирных и дружеских отношениях, и тем заставили его поверить, что они сами смиренно подчиняются его приказам, даже не вынуждая его применить силу оружия.

Таким образом, случилось, что Вар перестал держать свои войска сосредоточенными в одном месте, как он должен был бы делать, находясь в неприятельской стране, но разослал своих людей в разные стороны, уступая просьбам более слабых либо для того, чтобы защитить определенные места, либо для того, чтобы переловить разбойников или же прикрыть доставку продовольствия. Вождями заговора и вероломной войны, которая уже начиналась, были наряду с прочими Арминий и Сепимер, которые находились постоянно при нем и часто пиروвали за его столом. Когда же он стал вполне доверчивым и уже не подозревал ничего дурного, — даже больше, не только не верил тем, кто подозревал худое в том, что происходило, и советовал ему быть, осторожным, но даже обвинял их в необоснованной трусости и привлекал к ответственности за клевету, — тогда по предварительному сговору восстали сперва некоторые отдаленные племена. Они считали, что таким образом они скорее заманят Вара в ловушку, когда он выступит против восставших и пойдет по стране, которую он считал дружеской, чем если они все сразу начнут войну против него, дав ему тем возможность принять необходимые меры предосторожности. Все так и случилось. Они дали ему выйти вперед и некоторое время его сопровождали, но затем остались позади под тем предлогом, что хотят стянуть свои войска и затем быстро притти к нему на помощь. После этого они напали с заранее приготовленными, выпрошенными ими у Вара раньше войсками на римские отряды и разбили их наголову, после чего настигли самого Вара, который к тому времени углубился в непроходимые леса. Теперь предполагаемые подданные внезапно оказались врагами и произвели жестокое нападение на рим-

ское войско. Горы здесь были полны ущелий, а неровная местность была покрыта высоким и густым лесом, так что римляне еще до нападения противника должны были порядком поработать над рубкой леса, прокладыванием дорог и постройкой мостов. Римляне вели за собой, совсем как в мирное время, множество повозок и вьючных животных; за ними следовало также большое количество детей, женщин и прочей прислуги, так что войско принуждено было растянуться на большое расстояние. Отдельные части войска еще более отделились одна от другой вследствие того, что полил сильный дождь и разразился ураган. Поэтому почва вокруг корней и стволов деревьев стала скользкой, и шаги воинов стали неуверенными. Верхушки деревьев обламывались и своим падением увеличивали смятение, царившее среди войска. В этот тяжелый для римлян момент варвары напали на них со всех сторон, выступив из лесной чащи. Прекрасно зная дороги, они окружили их и сначала обстреливали издали. А затем, когда уже больше никто не сопротивлялся и многие были ранены, они атаковали их вплотную. Так как римские войска шли без всякого порядка, смешавшись с повозками и с невооруженными, то им было трудно сомкнуть свои ряды, а потому они понесли большие потери, тем более, что они не могли со своей стороны причинить никакого вреда противнику, превосходившему их своей численностью.

Как только они нашли более или менее подходящее место, — насколько это было возможно в условиях лесистых гор, — они тотчас же разбили лагерь, сожгли большинство повозок и всякую ненужную утварь или оставили ее за собой, а затем, выступив на другой день, двинулись вперед в уже большем порядке и достигли открытого места; но и здесь им пришлось понести некоторые потери. Выступив отсюда, они вновь попали в лесистую местность; хотя они и оборонялись от наступающих на них германцев, но именно поэтому они испытали новое несчастье. Собираясь вместе в узких местах, для того чтобы сомкнутыми рядами нападать на противника одновременно и конницей и пехотой, они были затруднены в своих движениях деревьями и сами друг другу мешали. Они шли таким образом уже третий (четвертый?) день. Снова разразился сильный дождь, сопровождавшийся резким ветром, что не дало им возможности ни продвигаться вперед, ни укрепиться прочно на каком-либо месте и даже лишило их возможности пользоваться своим оружием, так как стрелы, дротики и щиты промокли насквозь и уже больше не годились к употреблению. Неприятель же, по большей части легко вооруженный, меньше от этого страдал, так как мог беспрепятственно продвигаться вперед или отступать. Помимо этого, неприятель превосходил римлян численностью (так как и ранее колебавшиеся теперь очутились здесь, по крайней мере для того, чтобы поживиться добычей) и окружил более слабых римлян, которые уже в предшествующих боях потеряли много людей, что помогло ему разбить их наголову. Поэтому Вар и наиболее видные римские полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов (тем более, что они уже были ранены).

Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни последовали примеру

своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве. Теперь германцы могли без всякой опасности для себя поражать и людей и коней.

Веллей Патеркул

Лишь только Тиберий окончил Паннонскую и Далматинскую войны, как через пять дней после этого пришла печальная весть из Германии о смерти Вара и о гибели трех легионов, такого же числа эскадронов и шести когорт. Судьба оказалась для нас, так сказать, милостивой лишь в том отношении, что вернула нам полководца, который мог отомстить за такое поражение, а именно Тиберия. Я должен несколько остановиться на причине этого несчастья и на личности Вара. Квинктилий Вар, происходивший из почтенной, хотя и не очень древней, родовитой семьи, был мягким человеком, обладавшим спокойным характером. Тяжелый на подъем как по своему характеру, так и по своему телосложению, он предпочитал лагерный досуг военной службе. Как мало он презирал деньги, показывает его поведение в Сирии, которая до этого времени находилась в его управлении. Он вступил в эту богатую провинцию, будучи бедняком, а покинул ее богачом, оставив эту провинцию бедной. Получив верховное командование над войском, стоявшим в Германии, он решил, что жители этой страны не имеют в себе ничего человеческого, кроме голоса и тела. И он думал укротить при помощи римского права тех людей, которых не смогли усмирить мечи. С таким намерением вступил он в Германию, как будто он пришел к людям, которые радовались благословенному миру, и проводил все свое время в летнем лагере, торжественно разбирая дела с высоты своего судебного кресла.

Но эти люди, — чему, конечно, не поверит тот, кто этого сам на себе не испытал, — при всей своей дикости чрезвычайно хитры и как бы рождены для лжи. Они вели и тянули длительные, изобретенные ими самими процессы и то жаловались друг на друга, то благодарили Вара за то, что он решал дела с римской справедливостью и таким новым и неведомым для них способом укрощал и смягчал их дикость и ставил право на место насилия. Таким образом, они усыпили бдительность Вара, который впал в такую беспечность, что ему уже стало казаться, что он не командует войском в Германии, а в качестве городского претора судит на форуме. Среди германцев находился в то время молодой человек, происходивший из благородного рода, обладавший храбростью, сообразительностью и таким умом, которого нельзя было бы предполагать в варваре. Его звали Арминием; он был сыном Сигимера, одного из князей этого народа. Его пламенная душа горела в его взоре (Blick) и в его глазах (Augen). Он служил у нас на военной службе и был облечен званием римского гражданина и всадника. Он решил использовать вялость полководца для того, чтобы совершить злодеяние, правильно учитывая, что легче всего погубить того, кто ничего не боится, и что уверенность часто является началом несчастья. Сперва он сообщил свой план лишь немногим, но вскоре и большему количеству лиц. Он их настойчиво убеждал в том, что германцы имеют полную возможность одержать верх над римлянами. Вслед за решением должно было вскоре после-

довать и выполнение этого плана. Германцы установили время для нанесения удара.

Об этом сообщил Вару Сегест, преданный человек, принадлежавший этому племени и происходивший из благородного рода. Но судьба настолько ослепила Вара, что он уже не мог внять благоразумному совету. Так случается, что божество затемняет по большей части рассудок тех, чье счастье оно хочет погубить, и делает так, что нам кажется, будто то печальное, что случается, происходит по заслугам и что несчастье становится виной. Вар также отказывается верить этому и уверяет, что он сумеет оценить по заслугам это доказательство дружбы. Но после первого доносчика уже не остается времени для появления второго.

В особой книге я расскажу подробнее об этом ужасном несчастье, — тягчайшем, которое испытали римляне среди чужих племен после поражения Красса. На этот же раз достаточно будет сказать об этом плачевном походе следующее. Одно из самых храбрых римских войск, состоявшее из воинов, выделявшихся среди прочих римских воинов своей дисциплиной, своим мужеством и своим военным опытом, оказалось окруженным вследствие неспособности предводителя, вероломства врага и немилостивой судьбы. Не только не было никакой возможности сражаться или прорваться, но даже те, кто, будучи одушевлен римским мужеством, хотел воспользоваться своим римским оружием, были наказаны и заперты в лесах, болотах и вражеской засаде. И все это войско было разбито и окончательно уничтожено тем врагом, которого до этого времени римляне убивали, как скот, так что теперь их жизнь и их смерть зависели от ненависти или от милости этого врага. Полководец оказался более мужественным перед лицом смерти, чем в борьбе; он последовал примеру своего отца и своего деда и сам себя заколол. Один из двух лагерных префектов, Люций Эггий, дал войскам прекрасный пример, а другой, Цейоний, поступил позорно. После того как значительно большая часть войска погибла в сражении, он не захотел умереть в бою, а такой смерти предпочел казнь и сдался. Вала Нумоний, один из легатов Вара, бывший всегда рассудительным и честным человеком, дал внушающий ужас пример войскам тем, что бросил пехоту на произвол судьбы и вместе с конницей обратился в бегство, пытаясь достигнуть Рейна. Но судьба отомстила ему за этот поступок, так как он не пережил покинутых им, но умер смертью дезертира. Дикий враг растерзал полусожженное тело Вара; он отрубил его голову и послал ее Марбоду, который в свою очередь отослал ее императору, так что ее смогли со всеми почестями похоронить в фамильном склепе.

Ф л о р

Труднее удерживать в своих руках провинции, чем их основывать. Провинции создаются силой, а удерживаются правом. Итак, радость была непродолжительной. Ведь германцы были побеждены, но не укрошены, и под владычеством Друза обращали больше внимания на наши обычаи, чем на наше оружие. После смерти Друза они стали ненавидеть характер и высокомерие Квинктилия Вара так же, как они ненавидели его гнев. Вар отважился созвать собрание и довольно неосторожно похвалялся тем, что он в состоянии укротить дикость варваров прутьями ликторов и голосом глашатая. Но лишь только гер-

манцы, которые давно с грустью смотрели, как ржавеют их мечи и застаиваются их кони, убедились в том, что тога и суд более зловредны, нежели оружие, как они тотчас же взялись за оружие под предводительством Арминия. А миролюбие Вара в то время было настолько велико, что он даже не шелохнулся, когда один из князей—Сегест—предательски сообщил ему о заговоре. Так внезапно напали они на него, ничего не видевшего и ничего не боявшегося, в то время как он,—о, самоуверенность!—взывал к суду, и бросились на него со всех сторон. Лагерь был захвачен, и три легиона были разбиты. Вар, потеряв свой лагерь, последовал примеру Павла в день сражения при Каннах, будучи охвачен той же мыслью и преследуем такой же судьбой. Не было ничего отвратительнее этой бойни в болотах и лесах. Нельзя себе представить ничего более невыносимого, чем издевательство этих варваров, в особенности над судьями. Некоторым они выкалывали глаза, другим отрубали руки. Одному они отрезали язык и зашили рот, а варвар, который держал язык в своей руке, крикнул римлянину: «Теперь, змея, ты уже больше не сможешь шипеть!» Даже тело консула, преданное земле верными солдатами, было вырыто. Военными знаменами и орлами варвары владеют до сего времени, а третьего орла, дабы он не попал во вражеские руки, знаменосец обломал, спрятал его под своим поясом и вместе с ним исчез в напоенном кровью болоте. В результате этого поражения произошло то, что империя, которая не остановилась даже на берегу океана, принуждена была остановиться на берегах реки Рейна.

Тацит

Тацит не оставил нам непосредственного описания сражения в Тевтобургском лесу, ибо его рассказ начинается лишь со смерти Августа. Лишь кое-что мы узнаем в связи с описанием походов Германика, а именно—в связи с его рассказом о посещении Германиком поля сражения и погребении останков. Помимо этого, можно найти в римской литературе те или иные отдельные замечания, как, например, в одном письме Сенеки («Ер.», 47) его указание на то, что знатнейшие римляне попали в рабство к германцам и что мужи, которые со временем надеялись вступить в сенат, влачили там свое жалкое существование, один — в качестве пастуха, а другой — в качестве привратника.

Глава V

Германик и Арминий

Римляне не были в состоянии тотчас же отомстить германцам за поражение в Тевтобургском лесу. Хотя Тиберий, — единственный полководец, которому Рим мог доверить такое дело, — поспешил к Рейну, однако, и он не смог ринуться в многолетнюю войну. Он был назначен наследником престола лишь в качестве приемного сына в ущерб

правам обойденного родного внука Августа; поэтому он должен был быть на своем месте в Риме в момент смерти старого императора. Ввиду этого Тиберий ограничился тем, что обезопасил рейнскую границу, пополнил армию и снова восстановил доверие. Лишь пять лет спустя, получив известие о смерти Августа и о восшествии на престол Тиберия, Германик, сын Друза, племянник и приемный сын Тиберия, начал карательную экспедицию против германцев, имея своей конечной целью снова покорить германские племена вплоть до Эльбы.

О походах Германика узнаем мы исключительно лишь из одного описания Тацита. Но как ни подробно это описание, оно нас все же не может удовлетворить, так как автор, помимо своей риторики, которая игнорирует и даже замазывает причинную связь событий, обладает еще другим, мешающим делу свойством. Как детально ни изучал Тацит германцев, все же он имел, несомненно, очень неясные представления о географическом расположении страны. В своей «Германии» он говорит, что хавки, которые на самом деле жили близ устья Везера, на берегу Северного моря, граничили с хаттами в пределах Гессена, хотя помимо других менее известных племен между ними жило такое крупное племя, как херуски¹.

Во время похода 15 г. римские войска, шедшие от Эмса вдоль морского берега по направлению к Рейну, достигли, по Тациту, Везера.

В 16 г. Германик высадил свое войско на берег близ Эмса. И тотчас же после этой фразы Тацит пишет: «В то время, как он намечал место для своего лагеря, ему сообщили, что от него отпали ангриварии, находившиеся в тылу у него». Но ангриварии на самом деле жили на двух берегах Везера. Попытались исправить эту явную ошибку посредством изменения текста: в первом примере название Везера заменяли названием маленькой реки в Голландии Унсингис (Хунзе), а во втором примере вместо ангривариев читали амписвариев. Но остальной контекст не допускает этих исправлений и ставит перед комментатором другие непреодолимые трудности. Необходимо признать, что Тацит, действительно, совершил эти ошибки и что психологически они уже совсем не так невероятны. Ведь они стоят в связи со всем его образом мыслей. Объективная, предметная, связь фактов его совсем не интересует, и он не придает значения тому, что порой путает названия двух германских рек или племен. Нас же это, действительно, чрезвычайно поражает. Поэтому в первом случае предполагали, что Тацит забыл упомянуть о предпринятой римлянами в 15 г., перед своим возвращением к Рейну, еще одной рекогносцировке близ устья Везера, а в другом случае — что Тацит забыл подробно рассказать о совершенном римлянами походе от Эмса к Везеру и обратно, так как этот поход не ознаменовался никакими событиями. Вполне вероятно, что это так и было на самом деле, но при установлении того, насколько мы можем пользоваться Тацитом в качестве источника для военной истории, это указывает, что здесь мы имеем дело с путаницей в названиях. Пусть будет так, но это еще хуже, так как здесь налицо не случайная невнимательность, а принципиальная небрежность.

¹ Мюллергоф («Germania», S. 436, 545) пытался привести различные объяснения для этой ошибки, которая может показаться нам необъяснимой, но в конце концов также пришел к выводу, что географические представления Тацита были неправильными. Попытка Бремера (Bremer, «Ethnographie der Germanischen Stämme. Pauls Grundriss») внести некоторый порядок в эту путаницу при помощи факта перемещения племен также не дала удовлетворительных результатов.

Ведь поход от Эмса к Везеру и обратно, даже если он не сопровождался ни одной стычкой, все же для большого войска является крупным событием, о котором не может не упомянуть писатель, обращающий внимание на стратегическую связь между событиями. Но как бы то ни было, приступая к изучению этих походов, мы с самого начала должны отдать себе ясный отчет в том, что, несмотря на наличие подробного описания этих походов первоклассным историком, мы все же не имеем надежного и объективного рассказа об этих событиях и не сможем без сильнейших исправлений, если это только вообще возможно, достичь их генетического понимания.

Цезарь подавил восстание галлов, сперва не совсем мирно среди них поселившись, победив их в открытом поле превосходством своего крепко сплоченного большого войска и завоевав их города. Эта страна со своими хорошо обрабатываемыми землями, в которой всегда некоторые племена держали сторону римлян, была в состоянии снабжать продовольствием войска римлян во время их походов.

В Германии положение было другое, а потому перед римлянами вставала совершенно иная задача. Германцы не имели никаких городов, занятием и разрушением которых можно было бы их сделать более уступчивыми. Если Цезарь не смог прямо вызвать даже Верцингеторикса на сражение, то германцам было еще легче скрыться в своих девственных лесах и болотах от натиска римлян, и уже совершенно невозможно было римлянам, — мы это должны еще раз самым резким образом подчеркнуть, — снабжать большое войско продуктами, добытыми в этой же стране. Население здесь было очень редкое, занималось главным образом скотоводством и лишь в незначительной степени земледелием. Поэтому в Германии не могло быть больших запасов зерна, которые можно было либо реквизировать, либо закупать. Если германцы не шли в бой, то не оставалось ничего другого, как разыскивать их деревни и сжигать их. Но это не причиняло большого ущерба германцам, которые и без того часто меняли местоположение своих деревень, если они только успевали уносить с собой свою домашнюю утварь. Самым тяжелым ударом для округа был захват врагами его стад. Но это было не так легко сделать. Римляне не имели возможности разбиваться на мелкие отряды для того, чтобы обыскивать леса и находить потайные места, в которых скрывались германцы и где пряталось их имущество. Каждый мелкий отдельный отряд римлян должен был бы неминуемо попасть в германскую засаду. Даже отряды в несколько тысяч человек могли наткнуться на превосходные силы врага и в таком случае были бы осуждены на гибель в неизвестной для них местности. Таким образом, здесь перед римлянами вставала совершенно особая стратегическая задача, с которой мы до сих пор еще не сталкивались при нашем изучении истории войн.

Еще осенью 14 г. Германик совершил опустошительный поход через страну, лежащую к югу от Липпы, в которой жили марсы. Так как марсы оказались совершенно неподготовленными к нападению, то Германик отважился разделить свое войско на четыре части и смог вследствие этого захватить во время своего похода и разграбить пространство шириной в 10 миль (так, пожалуй, следует понять указание источника). На обратном пути римское войско подверглось нападению со стороны бруктеров, тубантов и усипетов, которые пришли на помощь к марсам. Однако, это нападение было успешно отбито римским войском, находившимся в образцовом порядке и ко всему

готовым, хотя все четыре легиона насчитывали в общей сложности лишь 12 000 человек, к которым еще следует присоединить 26 когорт союзников и 8 эскадронов конницы. Если мы предположим, что союзников было от 8 000 до 10 000 человек, а всадников от 1 000 до 1 500, то все войско должно было насчитывать немногим более 20 000 человек.

ВЕСЕННИЙ ПОХОД 15 г.

Весною следующего года Германик вторгся в страну хаттов и дошел до Эдера (15 г. н. э.). От Майнца, постоянного лагеря верхнерейнского войска, откуда должен был начаться этот поход, до Среднего Эдера 150 км, или 20 миль, по прямой линии. Армия, проходившая через германские леса с величайшими мерами предосторожности и в то же время производившая опустошения, не могла делать в среднем в день более одной мили по прямой линии. Следовательно, экспедиция должна была занять от пяти до шести недель времени. Войско состояло из 4 легионов и 10 000 вспомогательных войск, а потому, если мы примем, что легионы были не совсем полными, то все войско должно было насчитывать около 30 000 бойцов, а вместе с обозом должно было состоять приблизительно из 50 000 человек. Тащить с собой продовольствие для 50 000 человек в расчете на 5—6 недель совершенно невозможно. Для одного зерна потребовалось бы около 3 000 четырехконных подвод, которые должны были бы растянуться на 6 миль¹. Но мы имеем указание на то, что Германик сумел и для этого похода использовать водный путь. Тацит сообщает, что Германик в самом начале этой экспедиции восстановил крепость на Таунусе, построенную еще его отцом, но после этого разрушенную германцами. Обычно считают, что эта крепость есть Заальбург, и это не совсем невозможно.

Тогдашняя дорога шла из долины Майна — Нидды в долину Лана через горный проход Таунуса, защищенный этой крепостью. Германик выступил вперед по прямому направлению от Майнца, вероятно, лишь с одной частью своего войска, в то время как другая часть его войска сопровождала продовольственный транспорт из Кобленца вверх по Лану. Этот отряд был обеспечен от нападения более крупных войск германцев благодаря близости главных сил римского войска, шедших через Таунус, и, вероятно, уже у Вейльбурга обе части римского войска соединились друг с другом. Следовательно, римляне могли доставить свои запасы до Марбурга по Лану, который весьма пригоден для этой цели. А от излучины Лана к северу от Марбурга до Эдера по прямой линии лишь 20 км. Таким образом, крепость Заальбург, расположенная на Таунусе на расстоянии 70 км по прямой линии от Майнца, была предназначена для того, чтобы держать открытым горный проход, необходимый для возвращения римлян, чтобы принять часть запасов и чтобы на будущее время по возможности затруднять сношения между германцами, жившими к северу и к югу от горной цепи.

Хотя такая цепь фактов и не совсем невозможна, но все же она и не вполне вероятна. Существует другое место, где устройство крепости «в горах Таунуса» гораздо лучше согласуется с походом от

¹ См. в последней главе этого тома «Снабжение и обоз».

Майнца к Эдеру. Этим местом является город Фридберг, расположенный на возвышенности, которую еще можно отнести к Таунусу и вверх по которой шла позднее большая главная римская дорога, ведущая от Майнца через Веттерау по направлению к Эдеру. Фридберг лежит на небольшой речке, обладающей легким уклоном и судоходной весною для небольших судов. Название этой речки—Уза. Здесь, на возвышенном холме, который круто обрывается к северу, в Средние века находилась крепость. Эта крепость должна была быть копией Ализо, т. е. выдвинутым вперед складочным пунктом, которого еще можно было достигнуть по водному пути. Отсюда до Эдера лишь 12 миль, что может показаться небольшим расстоянием. Но для большого войска в германских условиях это было целой экспедицией, которую можно было совершить лишь при совершенно особенных затратах и при особом напряжении.

В то время как Германик шел с юго-запада через страну хаттов, одновременно с ним Цецина во главе нижнерейнских легионов двигался от Ветеры вверх по Липпе, не давая, таким образом, возможности херускам притти на помощь к хаттам. Но они не отважились даже подойти к нему. Цецина дал сражение марсам, которые уже в прошедшие годы подвергались нападению со стороны римлян.

Возвратившись после этой экспедиции, Германик принял посланных к нему Сегестом делегатов, которые сообщили ему, что их князь снова поссорился с Арминием и, будучи осажден им, просит помощи у римлян. Римский полководец тотчас же двинулся в путь, снова поднялся по Липпской дороге, прогнал германцев, осаждавших Сегеста, и доставил его вместе с его свитой к Рейну. Так как Тацит ничего не сообщает собственно о сражении с херусками, то крепость, в которой был осажден Сегест, должна была находиться у самой границы страны херусков. Если бы Германик углубился дальше в лесистые горы херусков, то едва ли Арминий выпустил бы его оттуда, не напав на него. Притом, конечно, такое предприятие потребовало бы очень больших приготовлений и снаряжений. Так как мы дальше узнаем, что на следующий год германцы осадили Ализо, то мы должны предположить, что эта крепость в течение 15 г., — очевидно, в то время, когда здесь стоял Цецина и своими войсками прикрывал стройку, — была римлянами восстановлена и оборудована в качестве складочного пункта. Ведь такую импровизированную экспедицию нельзя было предпринять, не использовав хорошо снабженного складочного пункта на Верхней Липпе. Крепость Сегеста была не чем иным, как Тевтобургом (Гротенбургом), находившимся всего лишь в трех милях от Ализо. Следовательно, это не было крупным предприятием. Все же для него нехватило гарнизона Ализо, а потому пришлось послать настоящее войско, чтобы отогнать херусков, главная область расселения которых простиралась по ту сторону Везера вплоть до самого Гарца (Гильдестейм, Брауншвейг).

ГЛАВНЫЙ ПОХОД 15 г.

Весенний поход не только нанес тяжелый удар германским племенам, жившим между Липпой и Майном, но одновременно послужил и к тому, чтобы подготовить второй, более крупный поход, причем в это же самое время был снова восстановлен Ализо. Во время весеннего похода обе половины римского войска лишь косвенным образом

действовали вместе, теперь же все объединенное римское войско должно было сперва нанести сокрушительный удар одному из германских племен, бруктерам, а потом обратить свое оружие против херусков.

Германик посадил меньшую часть своего войска — четыре легиона — на корабли и поплыл с нею через канал Друза в Северное море, а затем вверх по Эмсу, чтобы напасть с севера на бруктеров,

Схема 3

живших по обеим сторонам Верхнего Эмса. А в это время Цецина с другой половиной легионов продвигался с юга, от Ветера, от Липпской дороги. Конница же шла по особой дороге через область фризов. К сожалению, источники нам не сообщают, почему конница не сопровождала легионы Цецины. Во всяком случае это разделение указывает на то, что римляне еще не ждали нападения к западу от Эмса (схема 3).

С точки зрения пространства и времени было бы гораздо выгоднее двинуть все войско несколькими параллельными колоннами из Ветера. Так как германцы не принимали сражения в открытом поле и

не давали себя зажать в тиски, то было, в сущности говоря, довольно безразлично, шли ли все римляне с одной стороны или же надвигались с различных сторон. Но разделение экспедиции имело то большое преимущество, что оно давало возможность Германику везти с собой продовольствие на кораблях. Мы можем предположить, что Германик, еще находясь на некотором расстоянии от бруктеров, — приблизительно около Меппена, у впадения Хазы в Эмс, — оставил в укрепленном лагере большую часть своего флота с запасами продовольствия, необходимыми для возвращения, а сам для своего продвижения вверх по Эмсу взял с собою лишь некоторое количество особенно плоскодонных лодок, которые везли провиант для его войска. По Тациту, оба римских войска соединились у Эмса. Но мы под этим словом «соединение» должны понимать не действительное объединение, а лишь установление связи. Действительное соединение противоречило бы целям данной войны. До тех пор, пока у римлян еще не было надежды вызвать германцев на бой, для них было не так важно соединить войска, как, наоборот, расширить их фронт, чтобы обыскать по возможности более широкую зону, предав ее опустошению и разграблению. Чем шире была захватываемая войском зона, тем больше было шансов на захват скрытого противником имущества. Расширение зоны не только распространяло, но и повышало степень действия. При этом надо было принимать во внимание лишь то обстоятельство, что каждая колонна должна была оставаться настолько сильной, чтобы иметь возможность дать самостоятельный отпор возможному нападению германцев. Тацит сообщает далее, что вся страна между Липпой и Эмсом была опустошена. И эту фразу мы не должны понимать в том смысле, что римляне строго ограничились областью, лежащей между этими двумя реками, так как у их истоков расстояние между ними едва достигает двух миль. Источник Тацита, очевидно, с особенным ударением указывал на местность, лежавшую между Липпой и Эмсом, так как здесь главным образом находились поселения бруктеров. Но область их расселения захватывала также примыкающие на севере лесистые горы и находящуюся между ними долину, в которой расположен Оснабрюк. Очевидно, римляне обыскали, насколько это им было возможно, и эти области.

В то время как римские войска шли, таким образом, по местности, лежавшей вдоль Оснинга, и достигли истоков Эмса и границ области бруктеров, они оказались недалеко от поля сражения Вара. Когда Германик за несколько месяцев до этого освободил Сегеста, то он уже находился очень недалеко от этого места, но не пошел туда. Поэтому очень многих удивляло, что именно тогда он не совершил акта благочестия. Но этот факт очень легко объяснить. От Ализо до Дэрского ущелья, действительно, всего лишь три мили, а от Тевтобурга, от которого, повидимому, римляне были очень недалеко, когда они снимали осаду с Сегеста, всего только одна миля. Но для того чтобы полностью совершить погребение, Германик должен был дойти до летнего лагеря Вара, находившегося у Вестфальских ворот. Между тем от Ализо до Ворот, — принимая во внимание ту большую осторожность, с которой надо было продвигаться вперед, — было все же от трех до четырех переходов. Сбор останков и торжественное погребение должны были занять несколько дней. Следовательно, вся экспедиция должна была отнять около 10—12 дней. Для большого войска это требовало и больших приготовлений. Но прежде всего Германик

сам не хотел мимолетно посетить место этого несчастья, похоронить мертвых и тотчас же вернуться обратно. Он хотел вплести акт благосчастия в поход, который и сам по себе своим положительным результатом должен был восстановить авторитет римлян и смыть позор поражения Вара. Теперь же, строго покарвав одно из племен, участвовавших в этом сражении, и даже, может быть, совсем прогнав его из его страны, он появился в качестве победителя, от которого германцы уже не осмеливались защищать свою родную землю, в обители смерти, похоронил останки павших и воздвиг над ними курган.

Тацит сообщает, что, когда римское войско достигло границ страны бруктеров, Цецина был послан вперед, чтобы обследовать лесистые горы и навести плотины и мосты через болота и топи. Но это сообщение вовсе не исключает того, что часть римского войска шла просто по старой дороге, ведущей из Ализо через Дэрское ущелье, так как Сенна — область, непосредственно лежавшая перед Тевтобургским лесом, — состояла из лугов и болот, которые в те времена были, вероятно, гораздо более топкими, чем теперь, и так как германцы, наверное, разрушили все старые римские пути. Лишь одна часть римского войска должна была во всяком случае пойти по этому пути, а именно — северная колонна, продвигавшаяся через Билефельдский проход, где нужно было проложить новый путь ввиду отсутствия старого. Даже в более позднее время здесь пытались обнаружить следы путей и построек, сооруженных Цециной.

До сих пор мы ничего не слышали о деятельности Арминия, и если нам Тацит далее сообщает, что Германик именно теперь углубился вслед за Арминием в непроходимые дебри и дал ему сражение, которое не привело к решительным результатам, то и это нам мало что говорит, так как Тацит не указывает направления, в котором отступал Арминий и по которому его преследовали римляне. Единственный точный факт, которым мы располагаем и который нам может служить опорным пунктом, это то, что Германик привел, наконец, свое войско обратно к Эмсу. Если бы римляне последовали за херусками через Везер, то Германик на своем обратном пути не напразился бы на Эмс, но выбрал бы более близкий путь на Ализо, где находился его складский пункт, что дало бы ему возможность спокойно отвести войска по Липпской дороге к Рейну. Поэтому мы должны принять, — что впрочем, учитывая германские обычаи, гораздо правдоподобнее, — что германцы собрались не впереди римлян, а позади них, когда они шли через Тевтобургский лес по направлению к Вестфальским воротам. Поэтому Германик, выйдя из Ворот и направившись к западу, очевидно, пытался захватить Арминия в горах Виена и Оснинга. Повидимому, одна часть римлян продвигалась между горными цепями по направлению от Реме на Оснабрюк, другая же часть шла севернее гор от Миндена на Брамше. Придя в Ализо и запасшись провиантом, римляне смогли углубиться довольно далеко в неприятельскую страну. Но Арминию удалось скрыться от римлян. Поэтому Германику, когда иссякли его запасы продовольствия, уже, наконец, не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. С одной половиной своего войска он вернулся к Эмсу и на кораблях возвратился домой. Очевидно, продовольственные запасы были уже высланы войску вперед из лагеря в Меппене и получены им либо на Эмсе, либо на Хазе. Конница же, которая туда шла через страну фризионов, — приблизительно по дороге Эммерих—Рейне или Арнхейм — Линген, — должна

была теперь, вследствие близости главных германских сил, сопровождать войско Германика вплоть до того лагеря, где находились корабли. А затем, так как не было возможности погрузить всадников на корабли и так как Буртангово болото закрывало прямой путь на родину, конница, обойдя это препятствие с севера, возвратилась к Рейну, следуя вдоль морского берега¹.

После того как римское войско разделилось на две части, другая его часть под начальством Цецины двинулась прямым сухим путем на Ветера. Теперь для Арминия настал момент для решительных действий. Корпус Цецины должен был пройти по очень опасному пути через плотину, проложенную по топи и укрепленную брусьями, ведущую через покрытые лесами холмы. Эта плотина была построена за несколько лет перед тем римским полководцем Л. Домицием Агенобарбом. Было затрачено много трудов для того, чтобы найти эти длинные мосты, как римляне называли эти дороги, но эти труды до сих пор не увенчались решительным успехом. Таких брусчатых дорог имеется очень много; даже в Западной Пруссии, до которой римляне никогда не доходили, недавно были обнаружены такие сооружения. Исходя из прямого смысла слов Тацита, следует признать, что римское войско шло соединенным вплоть до Эмса и лишь здесь разделилось. Поэтому длинные мосты должны находиться слева от Эмса, приблизительно около Кесфельда. Но, как мы уже видели выше, Тацит не дает твердых оснований для таких точных и определенных интерпретаций. Поэтому нельзя считать исключенной возможность того, что Цецина отделился от Германика гораздо раньше и что длинные мосты находятся около Ибурга² южнее Оснабрюка.

Для понимания этих событий с точки зрения военной истории этот топографический вопрос не является очень существенным. Существенное значение имеет лишь тот факт, что Германику с его громадным войском, состоявшим из восьми легионов и вспомогательных войск и насчитывавшим в общей сложности, пожалуй, 50 000 человек, не удалось вынудить германцев к большому решительному сражению и что, как раз наоборот, когда римляне были вынуждены недостатком в продовольствии разделить и повернуть обратно, Арминий учел правильный момент и нашел подходящее место для того, чтобы напасть на одну часть римского войска — на корпус Цецины. По словам самих римлян, Арминий их очень сильно потеснил, поставил их в очень тяжелое положение и, пожалуй, уготовал бы им участь Вара, если бы выполнению его плана не помешала недисциплинированность, жадность и погоня за добычей германцев. Последовав совету другого князя херусков, Ингвиомера, дяди Арминия, они штурмовали римский лагерь, но при этом были разбиты Цециной, который как старый опытный воин знал, что ему надо было делать, и, выбрав правильный момент, как Цезарь при Алезии, сделал вылазку и нанес поражение германцам. Также и остальная часть римского войска, находившаяся на кораблях под начальством Германика, понесла значительные потери вследствие бури и непогоды, но все же в конце концов, так же как и корпус Цецины, вернулась благополучно домой.

¹ Так уже Кноке вполне правильно объяснял эти факты.

² Ген. Ф. Вольф (F. Wolf, «Die That des Arminius») установил, что местность близ Ибурга во всех отношениях соответствует описанию Тацита. В таком случае Цецина отделился от Германика при Остеркаппельне или при Брамше.